

ISSN 2409-1634

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. ECONOMIC RESEARCH

7 (3) 2021

16+

Сайт журнала:
reconomic.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCH RESULT. ECONOMIC RESEARCH

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС 77- 69098 от 14 марта 2017 г.

The Journal is registered at the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-55674 of October 28, 2013
Mass media registration certificate El. № FS 77- 69098 of March 14, 2017

Том 7, № 3. 2021

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2409-1634

Volume 7, № 3. 2021

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2409-1634

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Ваганова О.В., профессор, доктор экономических наук, заведующая кафедрой инновационной экономики и финансов института экономики и управления НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия).

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Соловьева Н.Е., доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационной

экономики и финансов института экономики и управления НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Гордя Д.В., ассистент кафедры инновационной экономики и финансов института

экономики и управления НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия).

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ:

Ляшенко И.В., доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Институт межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия).

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Бархударов Мансур Иса Оглы, доцент, кандидат экономических наук, директор Русской экономической школы (РЭШ) Азербайджанского государственного экономического университета (UNEC), (Баку, Азербайджан)

Валинурова Л.С., профессор, доктор экономических наук, заведующая кафедрой инновационной экономики Башкирского государственного университета (Уфа, Россия)

Джалилова А.Д., кандидат экономических наук, заведующая кафедрой "Банковская деятельность и страхование", Кыргызский экономический университет им. Мусы Рыскулбекова, (Бишкек, Кыргызская Республика)

Жуковская И.Е., доктор экономических наук, профессор кафедры "Цифровая экономика и информационные технологии" Ташкентского государственного экономического университета (Ташкент, Узбекистан)

Зимакова Л.А., доцент, доктор экономических наук, профессор кафедры инновационной экономики и финансов института экономики и управления НИУ "БелГУ" (Белгород, Россия).

Колесников А.В., профессор, доктор экономических наук, профессор ФГАОУ ВО Белгородского государственного технологического университета им. В.Г.Шухова, (Белгород, Россия).

Кулов А.Р., профессор РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, ФГБНУ Всероссийский НИИ организации производства, труда и управления в сельском хозяйстве (ФГБНУ ВНИОПТУСХ) (Москва, Россия)

Ломазов В.А., доктор физико-математических наук, доцент кафедры информатики и информационных технологий, ФГБОУ ВО Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я.Горина, (Белгород, Россия).

Ляхова Н.И., доктор экономических наук, профессор, Старооскольский филиал НИУ Белгу (Старый Оскол, Россия)

Мамедов З.Ф., профессор, доктор экономических наук, Азербайджанский государственный экономический университет (Баку, Азербайджан).

Машевская О.В., кандидат экономических наук, доцент кафедры банковской экономики Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь)

Молчан А.С., доктор экономических наук, профессор, директор института экономики, управления и бизнеса, заведующий кафедрой экономической безопасности, ФГБОУ ВО Кубанский государственный технологический университет, (Россия, Краснодар).

Пенджиев А.М., академик Международной академии наук экологии и безопасности, член-корреспондент и профессор Российской академии естествознаний, кандидат технических наук, доктор сельскохозяйственных наук, доцент кафедры автоматизации производственных процессов Туркменского государственного архитектурно-строительного института (Ашхабад, Туркменистан).

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF:

Oksana V. Vaganova Professor, Doctor of Economics, Head of the Department of Innovative Economy and Finance, Institute of Economy and Finance, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia).

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF:

Natalia E. Solovjeva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Innovative Economy and Finance, Institute of Economy and Finance, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia).

EXECUTIVE SECRETARY:

Daria V. Gordya, Assistant Lecturer, Department of Innovative Economics and Finance, Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia).

ENGLISH TEXTS EDITOR:

Igor V. Lyashenko, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia).

CONSULTING EDITORS:

Mansur I. Ogly Barkhudarov, Associate Professor, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Russian Economic School (NES), Azerbaijan State Economic University (UNEC), (Baku, Azerbaijan).

Valinurova Lilia Sabikhovna, Professor, Doctor of Economics, Head of the Department of Innovative Economics, Bashkir State University (Ufa, Russia)

Arsel D., Dzhailova Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Banking and Insurance, Musa Ryskulbekov Kyrgyz Economic University, Kyrgyz Republic, Bishkek.

Irina E. Zhukovskaya, Doctor of Economics, Professor of the Department of Digital Economics and Information Technologies, Tashkent State University of Economics (Tashkent, Uzbekistan)

Lilia A. Zimakova, Associate Professor, Doctor of Economics, Professor of the Department of Innovative Economy and Finance, Institute of Economy and Finance, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia).

Andrey V. Kolesnikov, Professor, Doctor of Economics, Professor of V. G. Shukhov Belgorod State Technological University (Belgorod, Russia).

Arslan R. Kulov Professor of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, All-Russian Research Institute of Organization of Production, Labor and Management in Agriculture (Moscow, Russia)

Vadim A. Lomazov, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Informatics and Information Technologies, V. Ya. Gorin Belgorod State Agrarian University, Russia, Belgorod.

Natalia I. Lyakhova, Doctor of Economics, Professor, Starooskolsky Branch of Belgorod State National Research University, (Stary Oskol, Russia)

Zahid F. Mamedov, Professor, Doctor of Economics, Azerbaijan State University of Economics (UNEC) (Baku, Azerbaijan).

Oksana V. Mashevskaya, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Bank Economy, Belarusian State University, (Minsk, Republic of Belarus)

Alexey S. Molchan, Professor, Doctor of Economics, Director of the Institute of Economics, Management and Business, Head of the Department of Economic Security, Kuban State Technological University, (Krasnodar, Russia)

Ahmet M. Pendzhiev, Academician of the International Academy of Sciences of Ecology and Safety, Corresponding Member and Professor of the Russian Academy of Natural Sciences, Candidate of Technical Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Associate Professor of Automation of Production Processes of the Turkmen State Institute of Architecture and Construction (Ashgabat, Turkmenistan).

Maria S. Starikova, Doctor of Economics, Professor, Department of Marketing, V.G. Shukhov Belgorod State Technological University (Belgorod, Russia)

Tatiana L. Ten, Professor, Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Information Systems, Karaganda Economic University (Karagandy, Kazakhstan).

Anton B. Titov, Professor, Doctor of Economics, Rector of Water Academy, (St. Petersburg, Russia).

Старикова М.С., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, ФГБОУ ВО Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова, (Белгород, Россия)

Тен Т.Л., профессор, доктор технических наук, профессор кафедры «Информационно-вычислительных систем» Карагандинского экономического университета (Караганда, Казахстан).

Титов А.Б., профессор, доктор экономических наук, ректор АНОО ВО «Водная Академия», (Санкт-Петербург, Россия).

Хайитов Ш.Н., кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента Бухарского инженерно-технологического института (Бухара, Узбекистан)

Христова В., доцент, д-р. зам. декана по научной-исследовательской деятельности и международного сотрудничества, преподаватель кафедры «Управление хозяйством» Великотырновского университета «Святых Кирилла и Мефодия», (Велико-Тырнов, Болгария)

Sh. N Khaitov., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management, Bukhara Engineering and Technology Institute (Bukhara, Uzbekistan)

Veneta Hristova, Associate Professor, Vice Dean for Research and International Relations, Professor of the Department of Economic Management, University of Saints Cyril and Methodius of Velikotyrnov, (Veliko Turnovo, Bulgaria)

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: The Federal State Autonomous Educational Establishment of Higher Education «Belgorod State National Research University» Publisher:
Belgorod State National Research University
Address of Publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4/year

СОДЕРЖАНИЕ**CONTENTS**

СТАТЬЯ НОМЕРА	MAIN FEATURE
Кулов А.Р. Факторы и условия (в том числе внешнеэкономические связи) инновационного развития сельского хозяйства Республики Южная Осетия	Aslan R. Kulov Factors and conditions (including foreign economic relations) of innovative development of agriculture of the Republic of South Ossetia
5	5
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА	WORLD ECONOMY
Сандоян Э. М., Егиазарян А. Б., Восканян М. А., Галстян А. Г., Григорян Г. А. Контрциклическая фискальная и монетарная политика государства в области макроэкономического регулирования	Edward M. Sandoyan, Armen B. Egiazaryan, Mariam H. Voskanyan, Ani H. Galstyan, Gagik A. Grigoryan State's countercyclical fiscal and monetary policy in the field of macroeconomic regulation
14	14
Эралиева А.А. Технологическая модернизация промышленных предприятий в цифровой экономике в странах ЕАЭС	Aisuluu A. Eralieva The modernization of industrial enterprises in the digital economy of the Eurasian Economic Union
41	41
ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА	BRANCH AND REGIONAL ECONOMY
Антипин И.А. Особенности формирования предпринимательских кластеров в регионах России	Ivan A. Antipin Features of the formation of entrepreneurial clusters in the regions of Russia
51	51
ЭКОНОМИКА, УПРАВЛЕНИЕ И УЧЕТ НА ПРЕДПРИЯТИИ	ECONOMICS, MANAGEMENT AND BUSINESS ACCOUNTING
Грузневич Е.С. Оценка социо-эколого-экономической эффективности деятельности организации: сущность и методический подход	Katerina S. Gruznevich Assessment of the socio-ecological and economic efficiency of the organization: the essence and methodological approach
61	61
Тогба Стефани Сара Оценка деловой среды в Кот-д'Ивуаре для ведения бизнеса	Togba Stefani Sara Assessment of the cote D'ivoire business environment for doing business
71	71

ФИНАНСЫ		FINANCE	
Тимоничева И.Н., Яновский В.В., Бережной А.С.		Irina N. Timonicheva, Vladimir V. Yanovskiy, Anatoly S. Berezhnoy	
Уровень доверия к безопасности финансовых технологий – барьер или точка роста	81	The level of confidence in the safety of financial technologies – a barrier or a point of growth	81
Талимова Л.А.		Lyazai A. Talimova	
Трансформация парадигмы финансовой архитектуры в условиях циклического и цифрового развития экономики	89	Transformation of the paradigm of financial architecture in the conditions of cyclical and digital development of the economy	89
Быканова Н.И., Гордя Д.В.		Natalia I. Bykanova, Daria V. Gordya	
Векторы развития детского банкинга как перспективного сегмента цифрового банковского бизнеса в России	103	Vectors of development of kids banking as a prospective segment of the digital banking business in Russia	103

**СТАТЬЯ НОМЕРА
MAIN FEATURE**

УДК 338.436.33

DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-1

Кулов А.Р.

**ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ (В ТОМ ЧИСЛЕ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ)
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ**

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», г. Москва, Хорошевское шоссе, д. 35, корпус 2, 123007, Россия

e-mail: prof_kulov@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы инновационного развития сельского хозяйства Республики Южная Осетия, раскрываются его особенности в складывающихся политико-экономических условиях. Отмечается необходимость рассмотрения инновационного развития региона с учетом внедрения новшеств не только в технико-технологической сфере, организации производства, и других, но и внешнеэкономических связей на различных уровнях управления.

Ключевые слова: инновации, инновационное развитие, сельское хозяйство, занятость.

Информация для цитирования: Кулов А.Р. Факторы и условия (в том числе внешнеэкономические связи) инновационного развития сельского хозяйства Республики Южная Осетия // Научный результат. Экономические исследования. 2021. Т.7. № 3. С. 5-13. DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-1

Aslan R.Kulov

**FACTORS AND CONDITIONS (INCLUDING ECONOMIC
RELATIONS) OF INNOVATIVE DEVELOPMENT
OF THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA**

Federal Scientific Center for Agrarian Economics and Social Development
of Rural Territories – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics,
bld. 2, 35 Khoroshevskoe Highway, Moscow, 123007, Russia

e-mail: prof_kulov@mail.ru

Abstract

The article deals with the issues of innovative development of agriculture in the Republic of South Ossetia, reveals its features in the current political and economic conditions. It is noted that it is necessary to consider the innovative development of

the region, taking into account the introduction of innovations not only in the technical and technological sector, the organization of production, and others, but also foreign economic relations at various levels of management.

Key words: innovation; innovative development; agriculture; employment

Information for citation: Kulov A.R. “Factors and conditions (including foreign economic relations) of innovative development of agriculture of the Republic of South Ossetia”, *Research Result. Economic Research*, 7(3), 5-13, DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-1

Introduction

Сформировавшаяся в настоящее время модель экономики Республики Южная Осетия (РЮО) базируется на принципах частного предпринимательства с элементами государственного регулирования и поддержки отдельных направлений хозяйственной деятельности. В сельском хозяйстве и агропродовольственной сфере меры государственной поддержки охватывают как производственный, так и потребительский сектора. Так, Постановление Правительства РЮО от 22 июня 2021 года № 23, предусматривает выделение субсидии Государственному унитарному предприятию «Ирагропромсервис» с целью возмещения недополученных доходов [Постановление Правительства Республики Южная Осетия...], а в принятом в мае 2021 года Постановлении Правительства РЮО за номером №20 [Постановление Правительства Республики Южная Осетия...] для обеспечения доступности хлебной продукции устанавливается механизм регулирования цены на отдельные виды хлеба. Финансовые возможности такого регулирования определяются выделяемой Российской Федерацией безвозмездной помощью РЮО, оказываемой в соответствии с межгосударственным соглашением в рамках Договора о дружбе и сотрудничестве, заключенном в 2008 году. На наш взгляд, в настоящее время необходимы меры по дальнейшему углублению внешнеэкономического сотрудничества между РФ и РЮО, особенно в сфере расширения доступности инноваций для товаропроизводителей Южной Осетии, в том числе,

аграрной сферы экономики. Причем, такое сотрудничество в рамках внешнеэкономических связей необходимо выстраивать не только на принципах стимулирования прямых договорных отношений между российскими и югоосетинскими сторонами по приобретению инноваций, но и участия партнеров в разработке и внедрении технологических, организационных, управленческих, финансовых, маркетинговых и других инновационных решений, что приобретает архиважное значение для инновационного развития не только сельского хозяйства, но и всей экономики Республики Южная Осетия.

В процессе исследования применялись традиционные методы изучения экономических явлений и процессов, такие как: монографический, аналитический, экономико-статистический, расчетно-конструктивный и другие. При подготовке статьи использовались материалы государственных органов статистики РЮО, нормативно-правовые акты Правительства Республики Южная Осетия. В отдельных случаях привлекалась нормативно-правовая база РФ, включая документы Министерства иностранных дел РФ, а также результаты научных исследований ведущих научно-исследовательских центров и институтов России, включая Северо-Кавказский НИИ горного и предгорного сельского хозяйства – филиал Владикавказского научного центра.

Основная часть

Проблема инновационного развития региона и оценка степени влияния различ-

ных факторов на этот процесс представляет собой чрезвычайно многоаспектную совокупность вопросов, ответы на которые требуют исследования целого ряда слабо изученных переменных, влияющих на темпы и направления социально-экономического развития рассматриваемого объекта. Особенно это относится к социально-экономическим объектам, находящимся в состоянии притяжения к другим системам, с большим потенциалом. И, более того, во многом, зависящим от таких систем, что наиболее наглядно, на наш взгляд, проявляется в инновационной сфере, поскольку зависимая социально-экономическая система не располагает достаточной материально-технической, финансовой, кадровой базой для самостоятельной разработки и освоения инновационных технологий, как это наблюдается в Республике Южная Осетия. И, соответственно, инновационное развитие экономики республики во многом определяется политикой межгосударственных соглашений между РЮО и РФ о дружбе и сотрудничестве, заключенных в 2008 году. Хотелось бы отметить, что в настоящее время среди исследователей не сформировалось единого подхода к пониманию сущности категории «инновационное развитие», тем более применительно к такой отрасли как сельское хозяйство. Рассматриваемая проблема нашла отражение в трудах многих российских исследователей, среди которых можно выделить таких, как: академик РАН Аганбегян А.Г., академик РАН Глазьев С.Ю., академик РАН Папцов А.Г., академик РАН Семин А.Н., академик РАН Ушаев И.Г., профессор, д.э.н. Санду И.С., профессор, д.э.н. Мазлов В.З. Однако, инновационное развитие социально-экономической системы, которая в силу объективных политических факторов определяется как самостоятельная и независимая система, но, фактически являясь реципиентом финансово-экономической помощи донора, требует отражения данной особенности в определении понятия.

Для формулирования понятия инновационного развития, кратко рассмотрим определение «развитие» и «инновации». Понятие «развитие» этимологами трактуется как процесс перехода от одного состояния к другому, более совершенному; или переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному [Ожегов С.И., 2007]. Философское определение понятия «развитие» также исходит из процесса, но при этом указывает на то, он, сопряжен «... с преобразованиями внутренних и внешних связей, предполагающий сохранения качества развивающихся объектов» [Новейший философский словарь]. Акцент на сохранение качества развивающихся объектов исходит из того, что они (объекты) не подвергаются изменениям, что сужает, во-первых, сущность данного процесса. А, во-вторых, исходя из закона перехода количественных изменений в новое качество явления (в марксистском понимании), развитие не только не сохраняет его, а более того, трансформирует на более высоком уровне, придавая новые свойства или характеристики, например, общественному явлению. Разрабатываемая в последние годы в теории развития концепция идеи многомерности, а также его разнотипности применительно к различным обществам [Новейший философский словарь], на наш взгляд, наилучшим образом отражает суть протекающих процессов в рассматриваемом регионе.

Один из выдающихся экономистов двадцатого века Шумпетер Й. высказывал мнение, что развитие есть прерывание стационарного состояния, статического равновесия, ведущего к неопределенному будущему равновесию [Шумпетер Й., 2007]. И одной из причин прерывания статического состояния, по его мнению, является применение новшеств в технологии, в организации производства и других факторах производства. Такой же точки зрения придерживается и Гэлбрейт Дж.М., который отмечает, что технический прогресс «... изменяет издержки производства и тем самым дает возможность устанавливать та-

кие цены, которые стимулируют больший объем продаж. Вторым следствием нововведений является их воздействие на окружающую среду» [Гэлбрейт Дж.К., 2008]. При этом Гэлбрейт Дж.М. подчеркивает, что эти следствия вытекают, если технический прогресс «... направлен на совершенствование производственного или иного процесса, в отличие от нововведений в области производства товаров или оказания услуг» [Гэлбрейт Дж.К., 2008]. Разделение влияния технического прогресса на цены и окружающую среду от нововведений в области производства имеет принципиальное значение для нашего исследования, поскольку позволяет в большей степени формализовать оценку их воздействия на развитие в целом, определяя его темпы и механизмы реализации.

Определения понятию «инновации», которые даются в экономической литературе охватывают многие стороны и отражают отраслевые особенности нововведений, что и сказывается на формулировках. Так, например, по мнению проф. Шайтана Б.И. к инновациям применительно к АПК относятся «... новые технологии, новая техника, новые сорта растений, новые породы животных, новые удобрения и средства защиты растений и животных, новые методы профилактики и лечения животных, новые формы организации, финансирования и кредитования производства, новые подходы к подготовке, переподготовке и повышению квалификации кадров и т.д.» [Шайтан Б.И., 2005]. Безусловно, перечисленные основные направления нововведений в агропромышленном комплексе выступают инновациями, но являются только результатом самого процесса их создания, результатом именно инновационной деятельности.

Ближе к нашему пониманию рассматриваемого экономического явления – определение д.э.н., профессора Иванова В.А., который отмечает, что: «Инновация – коммерциализация научных знаний, получивших воплощение в виде новой или усовершенствованной продукции (услуги), техни-

ки, технологии, новых форм организации производства, управления и приносящих различные виды эффекта» [Шумпетер Й., 2007]. Но, увязка инноваций с коммерциализацией значительно сужает объекты, которые относятся к нововведениям, используемым в производстве, управлении, маркетинге, финансовой и других сферах хозяйственной деятельности человека.

Если «развитие» отражает качественные изменения экономической системы от использования инноваций, выступающих как новые комбинации используемых факторов производства (именно в этом кратко суть идеи Шумпетера Й. [Шумпетер Й., 2007]), то под инновационным развитием следует понимать, на наш взгляд, процесс перманентных качественных изменений экономической системы вследствие постоянного движения и обновления применяемых передовых технологий, техники, организации производства и управления, других составляющих производительных сил, функционирующих в той или иной совокупности производственных отношений. Из этого вытекает, что инновационное развитие аграрной отрасли РЮО, в которой функционируют общественные, фермерские и личные подсобные хозяйства может быть обеспечено на основе учета основополагающих элементов инновационной системы, к которой в АПК относятся институты, связанные с разработкой и внедрением достижений в технической, технологической, производственной, организационной, управленческой, экономической, социальной, экологической, финансовой, маркетинговой и других сферах. Особое место в инновационной системе аграрного сектора занимают институты, разрабатывающие и внедряющие результаты селекционных исследований, и обеспечивающие фитосанитарную защиту, поскольку они связаны с биологическими элементами воспроизводства. Учитывая выстраивание межгосударственных отношений, следует обособленно выделить и инновации во внешнеэкономических связях (включая финансовую по-

мощь бюджету Республики Южная Осетия) и торговых отношениях между странами, а также особо подчеркнуть влияние фактора государственной поддержки инноваций, что непосредственно отражается на темпах инновационного развития.

Анализ состояния и оценка инновационной деятельности в аграрной сфере Республики Южная Осетия свидетельствуют

о недостаточном влиянии на этот процесс результатов научных исследований, достигнутых как в регионе, так и в содружестве с учеными из России. Практически все общественные и фермерские хозяйства используют в производственной деятельности устаревшие технологии выращивания сельскохозяйственных культур и низкопродуктивные породы скота.

Таблица 1
 Качественные показатели результатов инновации в сельском хозяйстве РЮО
 Table 1

Qualitative indicators of the results of innovation in agriculture of the RSO

Урожайность сельскохозяйственных культур ц/га						
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Зерновых, всего	16	19,9	14,9	10,5	15,8	10,7
из них: озимых	19,9	23,7	14,9	9,9	16,5	13,5
озимая пшеница	19,9	24	14,9	9,9	16,5	14
озимый ячмень	-	7,7	-	-	-	6,7
яровых	15	18,6	14,9	10,5	15,6	10,1
пшеница яровая	14	8,5	5	7,6	-	9,3
ячмень яровой	14,4	20,4	16,1	10,2	15,2	9,4
овес	5,8	4,7	13,8	1	7,7	11
кукуруза на зерно	19,8	26,4	27,4	31,3	27,9	28,1
Фасоль	-	11,7	11,2	11,9	12,9	12
Картофель	36,5	31,1	34,1	37,8	29	29,9
Овощи открытого грунта	12	36,8	37,9	38,3	34	34,6
Продуктивность коров, литров						
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Производство молока на 1 гол	1023,7	1108,4	1149,5	1161,9	1198,8	1227,4

Источник: Статистический сборник РЮО. Управление государственной статистики Республики Южная Осетия. 2021 г.

Кроме того, концентрация поголовья сельскохозяйственных животных в хозяйствах населения не позволяет использовать более совершенные формы организации и управления аграрным производством. А, отсутствие развитой системы заготовительной кооперации препятствует использованию механизма закупок излишков животноводческой продукции у личных подсобных хозяйств для их реализации на организованных розничных площадках – фермерских рынках, магазинах и др. Это препятствует применению маркетинговых инноваций для товарной продукции регионального (местного) производства. Напри-

мер, хозяйствам населения недоступны методы, требующие существенных вложений в изменения дизайна или упаковки своей продукции, использование новых методов продажи и продвижения на рынке. Эпизодически реализуемые хозяйствами населения излишки, например, продукции животноводства не компенсируют все затраты на маркетинговые инновации.

На низкий уровень продуктивности земель и сельскохозяйственных животных в РЮО оказывает влияние низкий уровень доходности аграрных товаропроизводителей, прежде всего, фермерских хозяйств, не имеющих возможности приобретать элит-

ные сорта сельскохозяйственных культур и племенной скот. Статистические органы республики не ведут наблюдение за прибыльностью данной формы хозяйствования в отличие от предприятий промышленности и других отраслей. Но, косвенные показатели, такие как численность фермеров и количество работающих в них, а также уровень заработной платы работников свидетель-

ствуют о недостаточной привлекательности предпринимательства в сельском хозяйстве региона. Особенно в условиях неразвитого механизма государственной поддержки, снижения объема средств из бюджетных источников финансирования, что напрямую сказывается, на наш взгляд, на динамике валовой продукции сельского хозяйства и её доле в валовом внутреннем продукте РЮО.

Рис. 1. Динамика валовой продукции сельского хозяйства и её доля в ВВП РЮО
 Fig. 1. Dynamics of gross agricultural output and its share in the GDP of the RSO

Источник: Статистический сборник РЮО. Управление государственной статистики Республики Южная Осетия. 2021 г.

Ситуация усугубляется также фактической концентрацией сельскохозяйственной техники в структуре «Ирагропромсервис», в которой сосредоточено до 100% многих её видов, что затрудняет возмож-

ности фермерских хозяйств в своевременном выполнении всех регламентных работ по технологии выращивания сельскохозяйственных культур.

Наличие сельскохозяйственной техники в «Ирагропромсервис»

Таблица 2

Table 2

Availability of agricultural machinery in "Iragropromservice"

	единиц, всего	доля в общем количестве сельскохозяйственной техники в РЮО, %
Тракторы	42	97,4
Жатки валковые	1	100,0
Плуги тракторные	37	92,9
Бороны	76	100,0
Косилки	10	100,0
Грабли тракторные	2	100,0
Сеялки	19	100,0
Культиваторы	36	100,0
Воротилки	1	100,0
Пресс-подборщики	16	92,9
Комбайны зерноуборочные	9	100,0

Источник: Статистический сборник РЮО. Управление государственной статистики Республики Южная Осетия. 2021 г.

На один трактор в сельском хозяйстве приходится 3037 га сельскохозяйственных угодий, пашни – 344,8 га, пастбищ – 2461 га, сенокосов – 319 га. На 1 зерноуборочный комбайн приходится 276 га площадей зерновых культур по данным на конец 2020 года. При таких нагрузках и территориальной разбросанности земель, используемых фермерскими хозяйствами, индивидуальными предпринимателями и общественными хозяйствами республики, износ техники весьма существенен. А, темпы обновления абсолютно недостаточны для предотвращения роста физического износа тракторов, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники.

В соответствии с Постановлением Правительства РЮО от 22 июня 2021 года [Постановление Правительства Республики Южная Осетия...] «Ирагропромсервис» является объектом государственной поддержки в виде компенсации с целью возмещения недополученных доходов в 2021 году. В этом же Постановлении недополученными доходами считается разница между «...доходами, которые предприятие могло бы получить в случае оказания сельскохозяйственных услуг потребителям по экономически обоснованным тарифам, и доходами, которые предприятие должно получить при оказании услуг потребителям по установленным Правительством Республики Южная Осетия тарифам». Тогда как, рациональнее было бы оказывать поддержку аграрным товаропроизводителям в виде компенсации части затрат на услуги «Ирагропромсервис» при жестком контроле надзорными органами тарифов на оказываемые услуги.

Более того, важнейшим направлением инновационного развития сельского хозяйства является формирование гибкой организационной структуры при взаимодействии с товаропроизводителями Республики Северная Осетия-Алания для проведения весенне-полевых и уборочных работ в пиковые периоды на основе принципов кооперации и ринговой модели организации агротехнологических операций.

Такую ринговую модель рассматривает в своей работе профессор, д.э.н. Кибиров А.Я. на примере Германии [Кибиров А.Я. и другие, 2015], опыт организации которой в РЮО будет весьма полезным.

В этом случае, оценка степени влияния факторов и условий (в том числе внешнеэкономических связей) на инновационное развитие сельского хозяйства может быть описана в широком и узком варианте. Широкий аспект предусматривает выявление и анализ экономических, социальных, производственных, инновационных, научных, организационных, земельных, трудовых, финансовых, географических, институциональных, внешнеэкономических связей и других факторов, которые выявляются посредством решения множества линейных уравнений вида:

$$\left\{ \begin{array}{l} a_{11}x_1 + a_{12}x_2 + \dots + a_{1n}x_n = b_1 \\ a_{21}x_1 + a_{22}x_2 + \dots + a_{2n}x_n = b_2 \\ \dots \\ a_{m1}x_1 + a_{m2}x_2 + \dots + a_{mn}x_n = b_m \end{array} \right.$$

Для решения системы линейных уравнений используют метод Гаусса или метод Крамера, которые позволяют выявить степени влияния различных факторов при соблюдении определенных функциональных условий. В каждом из перечисленных факторов выделяются подфакторы, каждый из которых также можно, в свою очередь, разделить на другое множество, что требует осторожного подхода при анализе. Тем более, что, как справедливо было подмечено исследователем Кисуркиным А.А. «... отсутствие единых оценочных процедур, связанных с объективными тенденциями, происходящими в инновационной сфере, учитывающих региональную компоненту и неполноту статистических данных, не позволяет в полной мере оценить перспективы инновационного развития» [Кисуркин А.А., 2012].

Но, и это следует отметить, узкий вариант, при котором учитываются имеющиеся доступные показатели по Республике Южная Осетия, не в полной мере отражает

зависимость инновационного развития сельского хозяйства от ключевых факторов: количества фермеров, площади сельскохозяйственных угодий и пашни, посевной и фактической уборочной площади сельскохозяйственных культур, их урожайности, поставок в РЮО элитных семян, минеральных удобрений и средств защиты растений из РФ.

Заключение

Инновационное развитие Республики Южная Осетия, как субъекта государственности, во многом обуславливается такими факторами, которые вытекают из политической, экономической, социально-культурной, этнографической, природно-климатической среды, что накладывает свой отпечаток на темпы, характер и скорость освоения передовых технологий хозяйствующими субъектами. Особенно наглядно это проявляется в сельском хозяйстве, производственный потенциал которого в продовольственном обеспечении населения республики и вовлечении неза занятого населения в общественное производство фактически не используется в полной мере, а отдельные направления, особенно в части внешнеэкономических связей товаропроизводителей РЮО с российскими научно-исследовательскими организациями и исследовательскими фирмами, остаются недостаточно эффективными.

ПРИМЕЧАНИЕ: Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта №20-510-07003 МОН РЮО_а «Развитие аграрного сектора как фактора повышения уровня жизни и миграционной привлекательности Республики Южная Осетия»

Список литературы

1. Постановление Правительства Республики Южная Осетия от 22 июня 2021 года №23 «Об утверждении Порядка предоставления из Государственного бюджета Республики Южная Осетия субсидии Государственному унитарному предприятию «Ирагропромсер-

вис» с целью возмещения недополученных доходов в 2021 году в связи с государственной поддержкой фермеров и населения Республики Южная Осетия при оказании сельскохозяйственных услуг».

2. Постановление Правительства Республики Южная Осетия от 24 мая 2021 года № 20 «Об отдельных мерах государственной поддержки населения в целях обеспечения доступности цен на подовый хлеб массой 600 грамм из муки 1 сорта, производимый государственным унитарным предприятием «Юго-Осетинское предприятие хлебобулочных изделий» в связи с государственным регулированием цен и тарифов на 2021 год».

3. Гэлбрейт Дж.К., 2008. Новое индустриальное общество. Избранное//М.: Мысль 2008: 464-465. (Антология экономической мысли).

4. Иванов В.А., 2008. Методологические основы инновационного развития агропромышленного комплекса// Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз – 2 (2) – 2008: 54.

5. Кибиров А.Я. и другие, 2015. Сельское хозяйство ФРГ. М.: Восход-А. – 2015: 88.

6. Кисуркин А.А., 2012. Факторы, влияющие на инновационное развитие региона и их классификация по уровням управления// Современные проблемы науки и образования. – №2, 2012 // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5762>. (дата обращения: 02.07.2021).

7. Новейший философский словарь. URL: [https:// gufo.me/dict/philosophy](https://gufo.me/dict/philosophy). (дата обращения: 02.07.2021).

8. Ожегов С.И., 2007. Словарь русского языка. М.: ОНИКС. Мир и образование. 2007.

9. Статистический сборник РЮО, 2021. Управление государственной статистики Республики Южная Осетия. 2021 г.

10. Шайтан Б.И., 2005. Инновации в АПК и роль службы сельскохозяйственного консультирования// Материалы Международной научно-практической конференции «Инновационная деятельность в АПК: опыт и проблемы» (13-14 января 2005 г.). – М. – 2005: 207.

11. Шумпетер Й., 2007. Развитие. В книге: Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экспо – 2007. С. 843-855 (Антология экономической мысли).

12. Шумпетер Й., 2007. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экспо – 2007: 864. (Антология экономической мысли).

References

1. Resolution of the Government of the Republic of South Ossetia dated June 22, 2021 No. 23 " On approval of the Procedure for granting subsidies from the State Budget of the Republic of South Ossetia to the State Unitary Enterprise "Iragropromservice" in order to compensate for lost income in 2021 in connection with state support for farmers and the population of the Republic of South Ossetia in the provision of agricultural services".

2. Resolution of the Government of the Republic of South Ossetia No. 20 of May 24, 2021 "On certain measures of state support for the population in order to ensure the availability of prices for hearth bread weighing 600 grams of grade 1 flour produced by the state unitary enterprise "South Ossetian Bakery Products Enterprise" in connection with state regulation of prices and tariffs for 2021".

3. Galbraith J. K., 2008. The new industrial Society. Selected works//Moscow: Mysl 2008: 464-465. (Anthology of Economic Thought).

4. Ivanov V.A., 2008. Methodological foundations of innovative development of the agro-industrial complex// Economic and social changes: facts, trends, forecast – 2 (2) – 2008: 54. (in Russian)

5. Kibirov A. Ya. and others, 2015. Agriculture of Germany. M.: Voskhod-A.-2015: 88.

6. Kisurkin A. A., 2012. Factors affecting the innovative development of the region and their classification by management levels// Modern problems of science and education. – No. 2, 2012 // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5762>. (Accessed 02 July 2021).

7. The newest philosophical dictionary. URL: [https:// gufo.me/dict/philosophy](https://gufo.me/dict/philosophy). (Accessed 02 July 2021).

8. Ozhegov S. I., 2007. Dictionary of the Russian language. Moscow: ONYX. Peace and edu

cation. 2007.

9. Shaitan B. I., 2005. Innovations in agriculture and the role of the agricultural consulting service// Materials of the International scientific and practical conference "Innovative activity in the agro-industrial complex: experience and problems" (January 13-14, 2005). – М., 2005: 207.

10. Schumpeter J., 2007. Development. In the book: The Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy. Moscow: Expo-2007. pp. 843-855 (Anthology of economic thought).

11. Schumpeter J., 2007. Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy. Moscow: Expo-2007: 864. (Anthology of economic thought)

12. Statistical collection of the RSO, 2021. Department of State Statistics of the Republic of South Ossetia. 2021.

Информация о конфликте интересов:

авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Кулов Аслан Ростиславович, профессор, доктор экономических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник отдела ценовых и финансово-кредитных отношений в АПК, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», Москва, Россия.

ORCID ID 0000-0002-4259-8368, AuthorID: 360774

Aslan R. Kulov, Professor, Doctor of Economics, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Department of Price and Financial and Credit Relations in the Agro-industrial Complex, Federal State Budgetary Scientific Institution "Federal Scientific Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics", Moscow, Russia

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА
WORLD ECONOMY**

УДК 338.22.01
JEL: E600, E620, E520

DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-2

¹Сандоян Э.М.,
¹Егиазарян А. Б.,
¹Восканян М.А.,
¹Галстян А. Г.,
²Григорян Г. А.

**КОНТРИКЛИЧНАЯ ФИСКАЛЬНАЯ И МОНЕТАРНАЯ
ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ
МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

¹Российско-Армянский Университет
0051, Армения, Ереван, О. Эмина 123.
²«Grigoryan and Partners LLC»
0001, Армения, Ереван, ул. Чаренца 17

e-mail: edward.sandoyan@rau.am, armenyeghiazaryan2@gmail.com,
mariam.voskanyan@rau.am, voskanyanm@gmail.com, ani.galstyan@rau.am,
gagik.a.grigoryan@gmail.com

Аннотация

Проблема контрциклического фискального и монетарного регулирования в последние два десятилетия стала очень актуальной, как в развитых, так и в развивающихся странах. Данная статья посвящена анализу и оценке контрциклической политики с точки зрения фундаментальной базы, а также ее практического применения. Предметом исследования является контрциклическая фискальная и монетарная политика с точки зрения ее результативности в условиях экономического кризиса. Методологической базой исследования стал обзор теоретических и практических моделей контрциклической фискальной и монетарной политики, известных в научной литературе, а также ее практическое применение в развитых и развивающихся странах. Ключевой целью исследования стала попытка выявить и дать оценку контрциклической фискальной и монетарной политики с точки зрения теории и практики применения. Результатом исследования стал вывод о том, что в условиях кризиса контрциклическая фискальная и монетарная политика приводит к неоднозначным результатам, однако в целом наиболее оптимальная для нивелирования последствий кризиса.

Ключевые слова: контрциклическая политика государства, макроэкономическое регулирование, монетарная политика, фискальная политика, антикризисная политика.

Информация для цитирования: Сандоян Э. М., Егиазарян А. Б., Восканян М.А., Галстян А. Г., Григорян Г. А. Контрциклическая фискальная и монетарная политика государства в области макроэкономического регулирования // Научный результат. Экономические исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 14-40. DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-2

¹Edward M. Sandoyan,
¹Armen B. Egiazaryan,
¹Mariam H. Voskanyan,
¹Ani H. Galstyan,
²Gagik A. Grigoryan

**STATE'S COUNTERCYCLIC FISCAL AND
MONETARY POLICY IN THE FIELD
OF MACROECONOMIC REGULATION**

¹ Russian-Armenian University
123 Hovsep Emin St., Yerevan, 0051 Armenia

²«Grigoryan and Partners LLC»
17 Charents St., Yerevan, 0001, Armenia

e-mail: edward.sandoyan@rau.am, armenyeghiazaryan2@gmail.com, mariam.voskanyan@rau.am, voskanyanm@gmail.com, ani.galstyan@rau.am, gagik.a.grigoryan@gmail.com

Abstract

The problem of countercyclical fiscal and monetary regulation has become very urgent in the last two decades. This article is devoted to the analysis and assessment of countercyclical fiscal and monetary policy from the point of view of the fundamental basis, as well as its practical application. The subject of this research is countercyclical fiscal and monetary policy from the point of view of its effectiveness in the context of the economic crisis. The methodological basis of the study is an overview of theoretical and practical models of countercyclical fiscal and monetary policy known in the scientific literature. The key objective of the study was to attempt to identify and evaluate countercyclical fiscal and monetary policies from the point of view of theory and practice. The result of the study was the conclusion that in a crisis, countercyclical fiscal and monetary policy leads to ambiguous results, but on the whole, it is the most optimal for leveling the consequences of the crisis.

Key words: countercyclic government policy; economic crisis; macroeconomic regulation; monetary policy; fiscal policy; anti-crisis policy

Information for citation: Sandoyan E.M., Egiazaryan A.B., Voskanyan M.H., Galstyan A.H., Grigoryan G.A. "State's countercyclic fiscal and monetary policy in the field of macroeconomic regulation", *Research Result. Economic Research*, 7(3), 14-40, DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-2

Введение

Современное представление контрциклической политики исходит из опыта макроэкономического регулирования во времена «Великой депрессии». В основе контрциклической политики лежит тезис о необходимости сглаживания экономических циклов, иными словами, в условиях роста необходимо проводить сдерживающую макроэкономическую политику, а в условиях кризиса стимулирую-

ющую. Следует отметить, что в отличие от проциклической политики, большинство исследований в области контрциклического регулирования во главу угла ставят монетарное регулирование. В особенности этот акцент прослеживается в условиях кризиса, когда необходимы краткосрочные и гибкие инструменты, и монетарная политика в этом смысле более эффективна с точки зрения контрциклического регулирования экономики.

Основная часть

Литературный обзор: теоретические предпосылки контрциклического регулирования в рамках макроэкономической политики. Согласно Яхину (2008) [Yakhin, Y., 2008], теоретической основой контрциклического подхода в макроэкономическом регулировании является новая кейнсианская модель малой открытой экономики, которая предполагает, что в случае высокой степени интегрированности страны в мировую экономику оптимальным подходом государственного является контрциклическая политика, а в случае, когда экономика, более носит закрытый характер оптимальным будет проциклический подход. Другой теоретической основой (Били, 2011г.) [Bili, M. R., 2011.] контрциклической политики является правило Тейлора и правило роста. В этом случае, ключевым инструментом макроэкономической политики является монетарное регулирование, основанное на поддержании целевого уровня инфляции и что намного важнее, стабилизации инфляционного фона, что в долгосрочной перспективе обеспечивает корректировку отклонений темпов роста от потенциальных значений.

С другой стороны, опыт контркризисного регулирования в период мирового финансового кризиса 2007-2008 гг. показал, что инструменты монетарного регулирования оказались недостаточно эффективными и большая часть стран прибегала именно к фискальным инструментам в период спада экономики. Более того, по итогам 2020 года также можно утверждать, что наибольшее распространение среди механизмов контрциклического регулирования имели элементы налогово-бюджетной политики.

К ключевым инструментам контрциклической политики относят фискальное регулирование, монетарное и валютное регулирование, политику по управлению государственным долгом, а также финансовое регулирование, в особенности банковский надзор. Все виды инструментов могут применяться как в условиях роста (применяется политика по сдерживанию роста), так и в условиях спада экономики (применяется политика по стимулированию роста). В таблице 1 обобщённо классифицированы основные механизмы контрциклической политики.

Таблица 1

Основные механизмы контрциклической политики

Table

The main mechanisms of countercyclical policy

Инструменты	Механизм	Результат
<i>В условиях роста экономики</i>		
Сдерживающая фискальная политика	Сокращение расходов государственного бюджета, увеличение налоговой нагрузки. Покрытие или минимизация государственных заимствований.	Сглаживание экономических циклов. Сокращение уровня государственного долга
Сдерживающая монетарная политика	Увеличение ставки рефинансирования и нормы резервирования. Плавающий обменный курс.	Сдерживания роста денежного предложения Стабильный уровень цен
Политика по регулированию финансовых рынков	Ослабление регулятивных и надзорных механизмов	Увеличение рисков в финансовой системе
<i>В условиях спада экономики</i>		
Стимулирующая	Расширение расходов государ-	Расширение денежного предло-

Инструменты	Механизм	Результат
фискальная политика	ственного бюджета, снижение налоговой нагрузки на экономику. Наращивание заимствований государства	жения, стимулирование экономической деятельности, увеличение доли государственного сектора в ВВП. Увеличение уровня государственного долга
Стимулирующая монетарная политика	Снижение ставки рефинансирования и нормы резервирования. Плавающий обменный курс.	Расширение денежного предложения.
Политика по регулированию финансовых рынков	Ужесточение регулятивных и надзорных механизмов. Покрытие потерь в финансовой системе за счет государственных вливаний	Минимизация волатильности финансовой системы

Источник: составлены авторами.

Рассмотрим более детально представленные в таблице виды политик.

Фискальная политика. Ключевой спор вокруг возможности применения фискальной политики в зависимости от цикличности экономики заключается в степени гибкости налогово-бюджетных инструментов и временного лага воздействия. Группа авторов (Бакстер и Кинг (1993) [Baxter M. and R. King, 1993]; Кристиано и др. (1992) [Christiano, L., Aiyagari, S. R. and M. Eichenbaum, 1992]; Фатас и Михов (2001) [Fatas A. and L. Mihov, 2001] и др.) в своих исследованиях приходит к выводу, что в условиях спада увеличение государственных расходов может практически полностью компенсировать сокращение потребительского спроса. Бланшар (2002) [Blanchard, O.; Perotti, R., 2002], напротив, доказывает, что увеличение государственных расходов усиливает шоки в экономике. Блиндер (1987) [Blinder A. S., 1987] объясняет такую нелинейность воздействия налогово-бюджетных механизмов на экономические циклы тем, что эффект вытеснения государственными расходами доли частного потребления обычно применим в условиях положительного разрыва выпуска, тогда как в условиях, когда объемы ВВП ниже потенциального, бюджеты, как правило, страдают дефицитом средств.

Фаташ и Михов (2001) [Fatas A.; Mihov I., 2001] используя порядок Холецкого для выявления фискальных шоков обнаружили, что увеличение государственных расходов обычно чрезмерно, однако более чем компенсирует падение частного потребления. Бланшар и Перотти (2002) [Blanchard O.; Perotti R., 2002] используя информацию об эластичности фискальных переменных для определения реакции автоматических стабилизаторов фискальной политики доказывают в своем исследовании, что экспансионистские фискальные шоки увеличивают объем производства, оказывают положительное влияние на частное потребление и отрицательное влияние на частные инвестиции. Перотти (2004) [Perotti R., 2004] исследуя влияние налогово-бюджетной политики в Австралии, Канаде, Германии и Великобритании на экономический рост, также доказал достаточно высокое положительное влияние на частное потребление, но в то же время нейтральность к бюджетным мерам со стороны частных инвестиций.

Большое количество эмпирической макроэкономической литературы (например, Ромер и Ромер (2010) [Romer C. D. and D. Romer, 2010]), посвящено вопросу о том, могут ли фискальные шоки, в частности, увеличение государственных расходов за счет долга или сокращение налогов за счет долга, иметь положительное влияние

на объем производства в краткосрочной перспективе. Однако, все эти исследования носят достаточно общий характер и рассматривают воздействие налогово-бюджетных мер на экономический цикл в целом, что обуславливает сложность определения эффективности конкретных инструментов в том или ином случае с точки зрения экономического роста.

Де Кастро и Эрнандес де Кос (2006) [De Castro Fernandez F.; Hernandez De Cos, P., 2006] рассматривая данные по Испании показали, что, хотя существует положительная взаимосвязь между государственными расходами и объемом производства в краткосрочной перспективе, в среднесрочной и долгосрочной перспективе шоки роста расходов приводят только к более высокой инфляции и значительно сокращают производительность. Хапке-Фалк [Heppke-Falk, K.H.; Tenhofen, J.; Wolff, G. B., 2006] рассматривая опыт Германии пришел к выводу, что положительный шок государственных расходов увеличивает производство и частное потребление лишь на незначительную величину. С другой стороны, Джордано и др. (2007) рассматривая уже опыт Италии доказали, что рост государственных расходов оказывают постоянное положительное влияние на объем производства и частное потребление.

Таким образом, однозначного ответа на вопрос каким является эффект от фискальных мер в случае контрциклической политики в литературе нет. Однако, мы объясняем это тем фактом, что каждый из выше перечисленных авторов рассматривал опыт данной конкретной экономики, в данный конкретный момент. В этом смысле, становится очевидным, что универсальных рецептов по применению фискальных инструментов в условиях контрциклической политики нет, и необходим индивидуальный подход в каждом конкретном случае.

Монетарная политика. Реализация денежно-кредитной политики в условиях открытой политики с точки зрения контрциклической политики довольно слож-

ная задача. Многие экономисты задаются вопросом, должна ли монетарная политика быть контрциклической? В целом, ответ заключается, по сути, в том, какова цена вопроса? Каковы экономические выгоды от политики по стабилизации совокупного спроса в условиях внешних шоков?

Среди первых авторов, обратившихся к этому вопросу можно отметить Фишера (1977) [Fischer, Stanley, 1977], а затем Фелпса и Тейлора (1977) [Phelps, Edmund S., and Taylor, John B., 1977] и Ротенберга (1987) [Rotemberg, Julio J., 1987], которые опираясь на свои исследования, пришли к выводу, что задачей денежно-кредитной политики является стабилизация совокупного выпуска посредством изменений денежной массы, с целью противодействия эффектам от внешних и внутренних шоков. Например, в связи с высокой зависимостью от мировых цен на ресурсы, страны в условиях спада прибегают к жесткой денежно-кредитной политике, с целью поддержания макроэкономической стабильности на внутреннем рынке, что находится в противоречии в антициклической политикой как таковой (см., например, Франки (2010) [Corsetti, Giancarlo, Luca Dedola, and Sylvain Leduc, 2010]. Несмотря на достаточно обширную литературу относительно оптимальной денежно-кредитной политики в условиях открытой экономики, трудно сделать причинно-следственные выводы на основе макроэкономических данных, поскольку как шоки спроса, так и ответные меры политики часто являются эндогенными для основных экономических условий. В этой связи, большинство исследований в основном сосредоточены на теоретических моделях и калибровочных уравнениях (например, Корсетти и Лука (2010) [Corsetti, Giancarlo, Luca Dedola, and Sylvain Leduc, 2010].

Во время мирового финансового кризиса, начавшегося в 2007 году, многие центральные банки вели стимулирующую денежно-кредитную политику, чтобы облегчить проблемы финансового рынка, увеличить объем производства и стабили-

зирать инфляцию. Денежно-кредитная политика была в значительной степени успешной с точки зрения минимизации проблем финансового рынка, однако рост производства и инфляция во многих странах с развитой экономикой демонстрировали низкие показатели, что замедлило восстановительный рост (Пайн, Левис и др. (2014)) [Pain, N., C. Lewis, T.-T. Dang, Y. Jin, and P. Richardson, 2014]. Эти наблюдения привели к достаточно широким дебатам о том, можно ли считать, что трансмиссионные каналы монетарной политики успешны в условиях кризиса, в частности в условиях финансового кризиса, и насколько в целом денежно-кредитная политика успешна в условиях финансовой глобализации и высокой степени волатильности мировой экономики (Боуис, Раданович и Рене (2013)) [Bouis, R., L. Rawdanowicz, J.-P. Renne, S. Watanabe, and A. K. Christensen, 2013]. В этой связи возникает вопрос, насколько контрциклическая монетарная политика возможна, и не стоит ли больший приоритет отдать стимулирующей фискальной политике в условиях кризиса. Кроме того, немаловажным становится вопрос о нежелательных побочных эффектах контрциклической монетарной политики, таких как появление чрезмерных рисков и взвинченных цен на финансовые активы, что может стать следствием длительной экспансионистской политики со стороны денежных властей (Раян (2005)) [Rajan, R. G., 2005].

Следует отметить, что современные исследования (Франкел (2011)) [Frankel, J.A., 2011], МакГеттингман (2013)) [McGettingham, D., Moriyama, K., Ntsama, J.N.N., Painchard, F., Qu, H., Steinberg, C., 2011] и др.), касающаяся цикличности денежно-кредитной политики, в целом свидетельствуют то, что денежно-кредитная политика в большинстве случаев контрциклическа в промышленно развитых странах и проциклическа в развивающихся странах.

Политика по регулированию финансовых рынков. Современные исследования в области регулирования финансо-

вой системой с точки зрения контрциклической политики большое внимание уделяют неформальным факторам, которые лежат в основе жесткости или мягкости финансового регулирования в современной экономике. Достаточно большой блок исследований (например, Стинглер (1971)) [Stigler G., 2010], Чарлес и Хабер (2014)) [Calomiris, Charles W., and Stephen H. Haber, 2014]), рассматривает финансовое регулирование и его направленность как результат торга за интересы конкретных институтов финансового посредничества. Несмотря на то, что характер макроэкономической политики, неформальные институты давления и частные интересы подвержены постоянным изменениям, Каломирис и Хабер (2014)) [Calomiris, Charles W., and Stephen H. Haber, 2014] утверждают, именно частная выгода лежит в основе многих нормативов банковского регулирования в различных странах, вне зависимости от временного периода. Эта точка зрения находит свое подтверждение в обширной литературе по этой теме. Многие исследования (например, Познер (1997)) [Posner, Eric A., 1997], Крознер и Страхан (1999)) [Kroszner, R., Strahan, P., 1999], Ефрам и Москович (2010)) [Benmelech, Efraim, and Tobias J. Moskowitz, 2010], Атиф, Суфи и Требби (2010)) [Mian, Atif, Amir Sufi, and Francesco Trebbi, 2010], Суфи и Требби (2013)) [Mian, Sufi, and Trebbi, 2013], Рагхарам и Рамчаран (2011)) [Rajan, Raghuram G., and Rodney Ramcharan, 2011] и др.) с точки зрения причин дерегулирования или смягчения политики финансового надзора, в свою очередь, подтверждают тезис о доминировании частных интересов в процессе реализации политики по регулированию финансовых систем. Таким образом, можно утверждать, что во многом политика по регулированию финансовых систем не носит циклический характер в силу необъективных причин. Точнее, можно утверждать, что в силу этих, необъективных причин, финансовое регулирование, как правило, носит циклический характер.

В целом, вопросам цикличности финансового регулирования посвящено не так много работ. Стоит отметить исследование Рейгана (2009) [Reinhart, Carmen M., and Kenneth Rogoff, 2009], который в своей работе, посвященной последнему мировому финансовому кризису, выдвигает тезис об опасности жесткого регулирования, которое может быть чревато для экономики более худшими последствиями, нежели дерегулирование. Блиндер (2015) [Blinder, Alan S., 2015], в свою очередь, представляет обратную точку зрения, согласно которой только жесткое регулирование может быть оптимальным в условиях кризиса. Иными словами, согласно Блиндеру, политика по регулированию финансовой системы должна, в большей степени, носить проциклический характер. Интересная точка зрения касательно цикличности политики по регулированию финансового рынка присутствует в работе Айзенмана (2009) [Joshua Aizenman and Reuven Glick, 2009], который выдвигает тезис о том, что сама финансовая система и механизмы ее регулирования лежат в основе цикличности экономики, и поэтому оптимальная политика по регулированию финансовых рынков может сглаживать цикличность экономики.

Тем не менее, можно утверждать, что политика по регулированию финансовых систем, в большинстве своем не носит циклический характер, как в теории, так и на практике.

Применение контрциклической политики на практике: опыт некоторых стран. Контрциклическая политика нашла довольно широкое применение в опыте многих развитых и развивающихся стран. В рамках данного исследования нами был рассмотрен опыт двух кризисов последних десятилетий и проведена классификация политик стран с точки зрения инструментов и результатов ее проведения, а также

степени развитости экономик. Важно отметить, что опыт развитых и развивающихся стран в некоторой степени отличается, как минимум исходя из широты спектра используемых инструментов макроэкономического регулирования, особенно в случае фискального стимулирования экономики.

Опыт рассмотренных стран был классифицирован с точки зрения фискального и монетарного регулирования в условиях кризиса. Общей чертой реализуемых инструментов стала стимулирующая политика. Во всех случаях целью макроэкономической политики, как в развитых, так и в развивающихся странах, стало восстановление экономического роста и сглаживание экономических циклов в условиях кризиса.

Не смотря на большую разницу в источниках возникновения кризисов 2007-2008 гг. и предыдущего года, меры, принятые государствами с точки зрения макроэкономического регулирования с целью поддержания или восстановления экономического роста достаточно схожи. Практически во всех случаях страны применяли именно контрциклическую политику. Безусловно, можно привести и другие примеры. Например, есть страны, которые в условиях кризисов применяли проциклическую политику, или вовсе политику макроэкономической политики. Однако, в рамках данного исследования, нами был сделан упор только на примеры тех стран, которые применили именно инструменты контрциклического регулирования.

Как мы можем наблюдать на рисунке 1, мировой финансовый кризис отразился на рассмотренных развитых и развивающихся странах достаточно негативно с точки зрения темпов экономического роста, а также воздействие носило, как минимум среднесрочный характер.

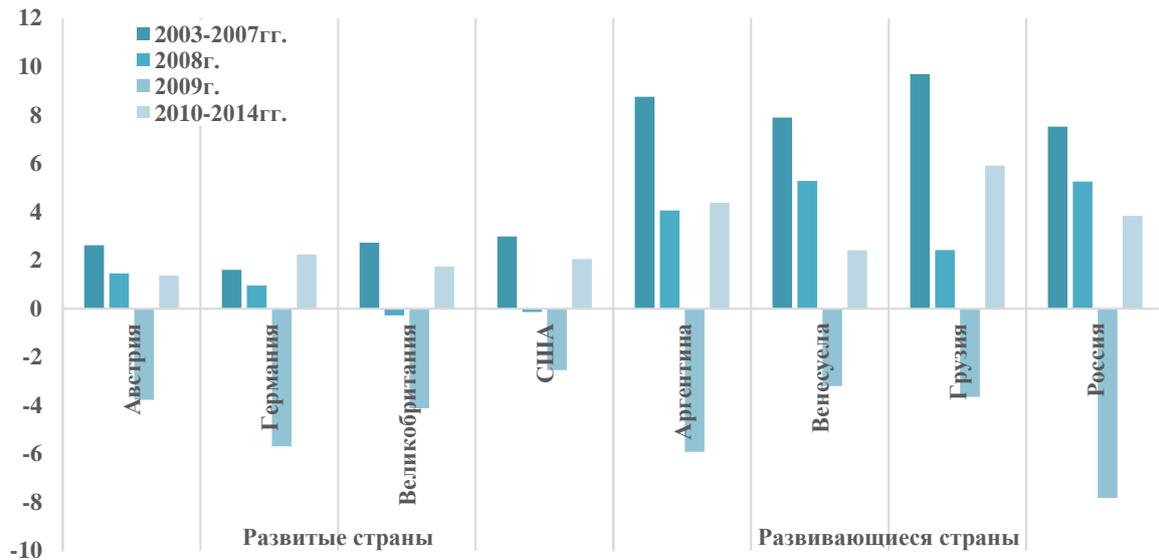

Рис. 1. Темпы экономического роста в период мирового финансового кризиса, %.

Fig. 1. Economic growth rates during the global financial crisis, %.

Источник: IMF Database – <https://www.imf.org/>

Примечание: *Прогнозные значения.

Однако, по итогам 2020 года, падение валового продукта рассмотренных экономик носило еще более тяжелый характер (см. рис. 2). Об этом также свиде-

тельствуют прогнозы МВФ на 2021 год. Наихудшие показатели демонстрирует экономика Венесуэлы, и наименьшее падение ВВП наблюдается в России.

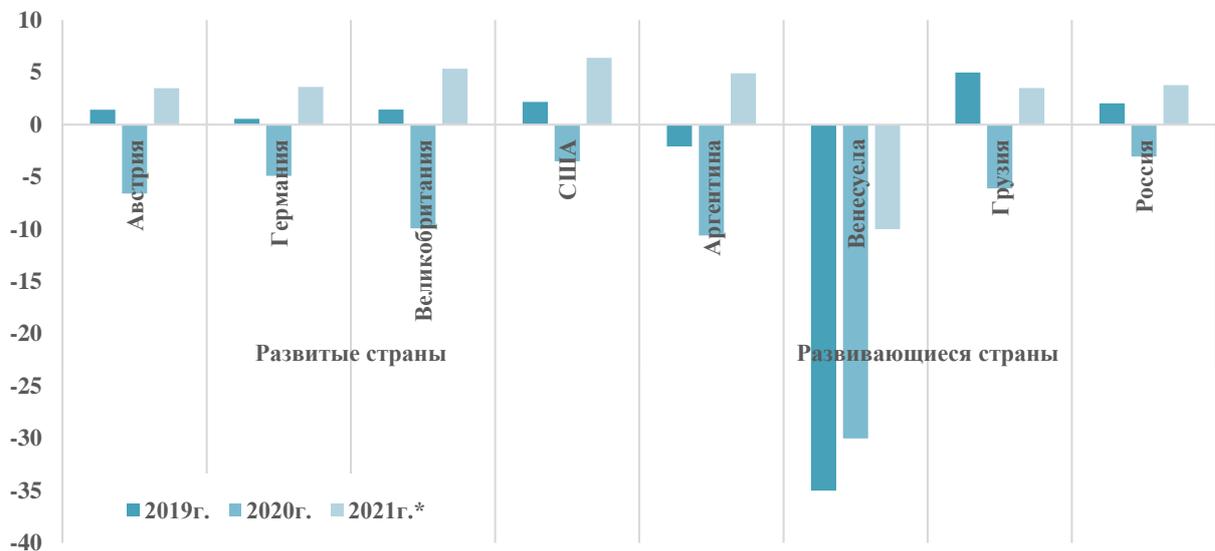

Рис. 2. Темпы экономического роста в период пандемии COVID 19, %.

Fig. 2. Economic growth rates during the COVID 19 pandemic, %.

Источник: IMF Database – <https://www.imf.org/>

Примечание: *Прогнозные значения.

Таким образом, очевидной для органов государственного регулирования стала

необходимость проведения антикризисной и контрциклической политики как в период

мирового финансового кризиса, так и в течении прошлого и текущего годов. В рамках данного исследования был проведен детальный анализ макроэкономического регулирования, проведенного в восьми странах, с точки зрения нивелирования последствий кризиса и смягчения социальных и экономических последствий в стране. Упор исследования делался, прежде всего на ключевых инструментах антикризисного регулирования. Ниже будет представлен обобщённый анализ фискальной и монетарной политик некоторых стран в условиях кризиса 2007-2008гг., а также 2020-2021гг. с точки зрения контрциклического регулирования экономики.

Фискальная политика. Как и в теории, на практике фискальная политика в

условиях кризиса, в большинстве случаев становится основным инструментом нивелирования негативных социально-экономических последствий падения ВВП. Основной упор в условиях контрциклической политики правительства делают на активное вливание в экономику финансовых ресурсов за счет бюджета. Стимулирование экономики за счет бюджетных средств, как правило, происходит через субсидирование различных секторов экономики, а также посредством сокращения налогового бремени. Как мы можем видеть из таблицы 2 и 3, как развитые, так и развивающиеся страны использовали оба эти подхода, как во время кризиса 2007-2008 гг., так и в течении 2020 года.

Таблица 2
 Фискальная политика развитых стран в период мирового финансового кризиса 2007-2008 гг.
 Table 2

Fiscal policy of developed countries during the global financial crisis of 2007-2008.

	Австрия	Великобритания	Германия	США
Инструменты	Снижение ставки подоходного налога (с 38.3% до 36.5% и с 43.6% до 43.6%); Повышение лимита необлагаемого подоходного налога с 10,000 Евро до 11,000 Евро; Повышение налогооблагаемой суммы для 1-ого ребенка с 50.9 до 58.4 Евро; Налоговые льготы для инвестиций от прибыли или накопленной прибыли.	Гарантирование кредитов малого и среднего бизнеса в размере до 75% суммы кредита; Рост расходов на инфраструктурные проекты; Снижение ставки НДС с 17.5% до 15%.	Увеличение расходов государственного бюджета. Инвестиции в инфраструктурные проекты (дороги, мосты железные дороги и т.п.) более 17 млрд Евро; Внедрение расчета ускоренной налоговой амортизации для поддержания новых инвестиций; Система предоставления гарантии малому и среднему бизнесу; Продление срока финансовой поддержки для безработных с 6-и до 24-ых месяцев;	Увеличение расходов государственного бюджета. Инвестиции в инфраструктурные проекты (дороги, мосты железные дороги и т.п.) Налоговые привилегия для сектора зеленой энергетики на сумму 13 млрд долл. США Увеличение срока использования предыдущих убытков с 2 х до 5и лет Увеличение финансирования программ социального обеспечения, помощь безработным и социально необеспе-

	Австрия	Великобритания	Германия	США
			Единовременные выплаты семьям с детьми в размере 100 Евро,	ленным населения Для социально не обеспеченного населения возможность получить оплаченных налоги
Результат	Дефицит государственного бюджета Восстановление экономического роста. Контроль уровня безработицы	Дефицит государственного бюджета Восстановление экономического роста.	Дефицит государственного бюджета Восстановление экономического роста. Управление показателя безработицы	Дефицит государственного бюджета Восстановление экономического роста.

Таблица 3

Фискальная политика развивающихся стран в период мирового финансового кризиса 2007-2008 гг.

Table 3

Fiscal policy of developing countries during the global financial crisis of 2007-2008

	Аргентина	Венесуэла	Грузия	Россия
Инструменты	Контрциклические налогово-бюджетные меры, стимулирование спроса. Увеличение государственных расходов и дефицита государственного бюджета.	Полуавторитарный и чрезвычайно популистский режим. Использование колоссальных доходов от нефтепромышленности для реализации популистской политики, в т.ч. Перераспределение богатства, земельная реформа, демократизация экономической деятельности. Установление налога 1,5% на банковские операции между юридическими лицами. В 2009 году был увеличен НДС на 3 п.п. и были установлены налоги на табачную и алкогольную промышленность.	Увеличение расходов государственного бюджета. Программа постепенного снижения налогов и создание Налоговой Службы. Внедрение комплексных налоговых ИТ-решений, в т.ч. создание единой базы данных налогоплательщиков, ASYCUDA и др. Установление безналогового режима для индустриальных зон и складов. Был разработан налоговый кодекс, основанный на передовой международной практике, внедрены международно признанные	Снижение ставки налога на прибыль с 24 до 20%. Переход к сумме фактически полученной прибыли по уплате налога на прибыль, в частности, изменился подход к предоплате по налогу на прибыль; Возможность применения ускоренной амортизации для признания прибыли, что упрощает инвестиции. Амортизационная «премия» в размере 30% для определенной

	Аргентина	Венесуэла	Грузия	Россия
			методы, сведены к минимуму бюрократические препятствия. Увеличение финансирования программ социального обеспечения.	группы активов. Посредством этого механизма правительство поощряло новые инвестиции в основные фонды особого значения. Освобождение от НДС при импорте основных технологических средств, не производимых в России. Государственная поддержка экспорта в размере 6 миллиардов рублей. Увеличение пособия по безработице до 4900 руб. Привлечение безработных к оплачиваемым общественным работам; Обучение безработных по повышению квалификации, отвечающее требованиям рынка.
Результат	Средний уровень дефицита государственного бюджета.	Снижение уровня бедности до 27.2% в 2012 году. Чрезмерное расходование государственных средств.	Значительный дефицит государственного бюджета (5-6% от ВВП). Восстановление экономического роста.	Дефицит государственного бюджета Восстановление экономического роста.

Сопоставляя бюджетные вливания развитых и развивающихся стран во время мирового финансового кризиса 2007-2008 гг., можно отметить, что если развитые экономики использовали как бюджетные

расходы, так и налоговую политику для поддержки ВВП, то в случае развивающихся больший акцент все же делался на расходную часть бюджета, нежели на фискальное регулирование. По всей видимо-

сти, это было обусловлено тем фактом, что, как правило, в развивающихся экономиках налоговая система и налоговое администрирование находятся на очень низком уровне институциональной состоятельности и правительства таких стран в меньшей степени обладают соответствующим фискальным инструментарием. Кроме того, как правило, искажения рынка (монополии, коррупция, неэффективное правительство и многое другое) в развивающихся странах присутствуют в большей степени и сам этот факт, уже не позволяет эффективно использовать антикризисные фискальные меры в полной мере.

Развитые страны в процессе проведения контрциклического регулирования больший акцент делали на поддержание бизнес-среды, а также различные инфраструктурные проекты. В то же время, развивающиеся экономики сделали больший акцент на социальной поддержке населения, при этом расплывая огромные бюджетные средства среди большого числа бенефициаров, что в большей степени стало популистической мерой, нежели эффективным способом нивелирования последствий падения ВВП.

2020 г. и последующий за ним 2021-ый конечно кардинально отличаются от предыдущих кризисов по своему содержанию и последствиям. Если кризис 2007-2008 гг. носил системный характер и был

во многом обусловлен несовершенством регулирования финансовых системы, раздутыми денежными системами и большим влиянием финансовых пузырей на стабильность реального сектора, то кризис 2020 г. ознаменовал практическую остановку многих секторов экономики. В этой связи, меры, направленные на нивелирование последствий кризиса, носили несколько иной характер. Например, достаточно большие вливания бюджета были направлены на социальные нужды населения, был использован подход так называемых «вертолетных денег», большие объемы финансирования системы здравоохранения. По линии налоговых политик, почти все страны применили налоговые каникулы для многих пострадавших от карантина отраслей, а также такие каникулы были предоставлены по линии физических рисков. При этом, следует отметить, что кризис 2020-2021 гг. не сильно отразился на финансовой системы, с точки зрения негативных последствий, а даже местами наоборот, способствовал определенному росту.

Тем не менее, если результаты контрциклической фискальной политики 2007-2008 гг. можно уже в определенной степени оценить, хотя бы с точки зрения восстановительного роста, то действенность контрциклических мер, предпринятых в течении 2020-2021 гг. еще предстоит оценить.

Таблица 4
 Фискальная политика развитых и развивающихся странах в период пандемии COVID 19 (2020-2021 гг.)

Table 4
 Fiscal policies in developed and developing countries during the COVID 19 Pandemic (2020-2021)

Страны	Инструменты
Австрия	Поддержка системы здравоохранения, Финансовая поддержка пострадавшим отраслям, например, гостиничный бизнес, авиаперевозки и т.п. Государственные гарантии для кредитов МСП, Поощрение инвестиции, со финансируя до 14% реализуемых инвестиции, Организация неполноценного рабочего дня, Поддержка ликвидности для бизнеса Государственные кредитные гарантии,

Страны	Инструменты
	<p>Снижение минимальной ставки налога на прибыль с 25 до 20 процентов, Отсрочка уплаты подоходного налога с физических и юридических лиц, отчислений на социальное страхование и уплаты НДС на 3 месяца, Снижение НДС по некоторым категориям, Финансирование инфраструктурных проектов</p>
Великобритания	<p>Увеличение государственных расходов Меры по поддержке бизнесов (29 миллиардов фунтов стерлингов), в том числе налоговые каникулы на имущество, прямые гранты для малых фирм и фирм в наиболее пострадавших секторах, а также компенсация отпуска по болезни Облегчение схемы кредитования для бизнеса, правительство запустило три отдельные схемы, чтобы облегчить доступ бизнеса к кредитам (гарантирование кредитов на 80% суммой до 5 млн фунтов стерлингов и 100% ос суммой до 100,000 фунт стерлингов) Моратории на уплату налогов (мораторий на уплату НДС за второй квартал 2020 года до конца финансового года и уплату налога на прибыль само занятых на шесть месяцев) Финансовая поддержка само занятых (Правительство выплачивало 80 % заработка само занятых) Субсидирования рабочего времени и возмещение потерь в з/п от государства до 60 % зарплаты. Страхование торговых кредитов для сделок между предприятиями и государством на общую сумму 10 миллиардов фунтов стерлингов, Возможность уплачивать НДС и начисленный налог на прибыль частями</p>
Германия	<p>Увеличение государственных расходов Инвестиции в инфраструктурные проекты Временное снижение налога на добавленную стоимость с 19% до 16% Финансовая поддержка местных муниципалитетов и государственных органов В течении локдауна финансовая поддержка пострадавшим компаниям в размере 75% выручки полученной в ноябре 2019 года. Расширенные кредитные гарантии для экспортеров и банков финансирующих экспортную деятельность Увеличение системы государственного гарантирования кредитов, в некоторых случаях до 100 % кредита (общая сумма доступной гарантии 757 млрд евро или 24% от ВВП Германии) Субсидии, выданные работникам по системе Kurzarbeit”, что дало возможность работникам сохранить заработную плату в размере от 60 до 67 % зарплаты, а работодателям Расширенные пособия по уходу за детьми для родителей с низкими доходами Более легкий доступ к поддержке базового дохода для самозанятых, Поддержка малого бизнеса и самозанятых, в частности :гранты (50 миллиардов евро) для владельцев малого бизнеса и самозанятых лиц, серьезно пострадавших от COVID-19, беспроцентные отсрочки налогообложения до конца года</p>
США	<p>Увеличение государственных расходов Инвестиции в инфраструктурные проекты</p>

Страны	Инструменты
	<p>Вливание денег в экономику: CARES акт, более 2-х трлн долларов США было предоставлено физическим и юридическим лицам, (еженедельные выплаты безработным в размере 300 долларов США, прямые выплаты физическим лицам в размере 600 долларов США)</p> <p>Кредитования малого и среднего сектора для выплат зарплат в размере 374 млрд долларов США</p> <p>Предоставление единовременных налоговых льгот физическим лицам (общая сумма 293 млрд долларов США Coronavirus Aid, Relief and Economy Security Act (“CARES Act”))</p> <p>Предоставления займов, гарантий и поддержки программы на сумму 510 миллиардов долларов США на предотвращение корпоративного банкротства Coronavirus Aid, Relief and Economy Security Act (“CARES Act”))</p> <p>Поддержка местных муниципалитетов и государственных органов в размере 150 млрд. долларов США</p>
Аргентина	<p>Фискальные реформы, направленные на сокращение дефицита бюджета. Увеличение налогов с целью увеличения доходов бюджета, введение нового налога на экспорт сельскохозяйственной продукции.</p> <p><i>Меры во время пандемии</i></p> <p>Объявленные правительством меры составили около 6% ВВП, включая социальную поддержку.</p>
Грузия	<p>Финансирование коммунальных платежей граждан на 3 месяца. Отсрочка налога на имущество и подоходного налога для предприятий, связанных с туристической сферой. Субсидирование 80% процентных платежей по шестимесячным банковским кредитам для малых гостиниц. Отсрочка 90-дневного срока таможенного оформления ввоза автомобилей. Ежемесячная поддержка в размере 200 лари в течение 6 месяцев гражданам, потерявшим работу из-за пандемии. Предоставление субсидии работодателям за каждую сохраненную работу. Помощь в размере 300 лари само занятым или работникам в неформальном секторе. Оказание помощи в среднем на 600 лари семьям с низким социальным рейтингом и людям с ограниченными возможностями.</p>
Россия	<p>Субсидирование процентных ставок для малых и средних предприятий и системообразующих предприятий;</p> <p>Налоговые отсрочки для наиболее пострадавших компаний по большинству налогов,</p> <p>Отсрочка социальных отчислений для МСП в пострадавших отраслях на 6 месяцев,</p> <p>Налоговые каникулы по всем налогам (без НДС) и социальным отчислениям на 2 квартал 2020 года для МСП, индивидуальных предпринимателей и НПО, предоставляющих социальные услуги</p> <p>Создание резервного фонда в размере 300 млрд рублей, который должен быть использован для покрытия или уменьшения потери доходов граждан</p> <p>Бюджетные гранты для МСП в затронутых отраслях для покрытия заработной платы,</p> <p>Повышенные зарплаты и других видов вознаграждение медперсоналу,</p> <p>Выдача пособия болезни и отпускных в размере не менее минимальной заработной платы лицам находящиеся на карантине,</p> <p>Финансовая поддержка граждан потерявших работу после 1 марта 2020</p>

Страны	Инструменты
	года, в том числе для индивидуальных предпринимателей (стандартное пособие по безработице равнялось минимальной заработной плате за пять месяцев); Единовременная финансовая поддержка семьям с детьми до 3х лет

Источник: составлено авторами.

Как мы можем видеть на рисунке 1, все рассмотренные страны демонстрируют падение ВВП, которое продолжалось как минимум два года. Однако последующий период сопровождался восстановительным ростом, причем в развивающихся странах показатели были значительно больше, чем в развитых. Тем не менее, можно ли судить о положительных результатах проводимой контрциклической политики в период мирового финансового кризиса? В краткосрочной или среднесрочной перспективе, странам удалось в некоторой степени нивелировать негативные социальные последствия падения ВВП. В долгосрочной перспективе восстановить экономике в полной мере странам все же не удалось. Показатели ВВП на душу населения

в протяжении десятилетия не демонстрировали высокого роста, что наиболее ярко заметно в развивающихся странах.

С другой стороны, любая контрциклическая политика сопровождается существенным увеличением расходов бюджета и как следствие, высокими показателями государственного долга. И если для развитых стран, как правило источником заимствований становятся государственные облигации, то для развивающихся стран, как правило, рост государственного долга происходит за счет внешних заимствований.

Как мы можем видеть на рисунке 3, рост государственного долга по отношению к ВВП наблюдается во всех рассмотренных странах, за исключением Грузии.

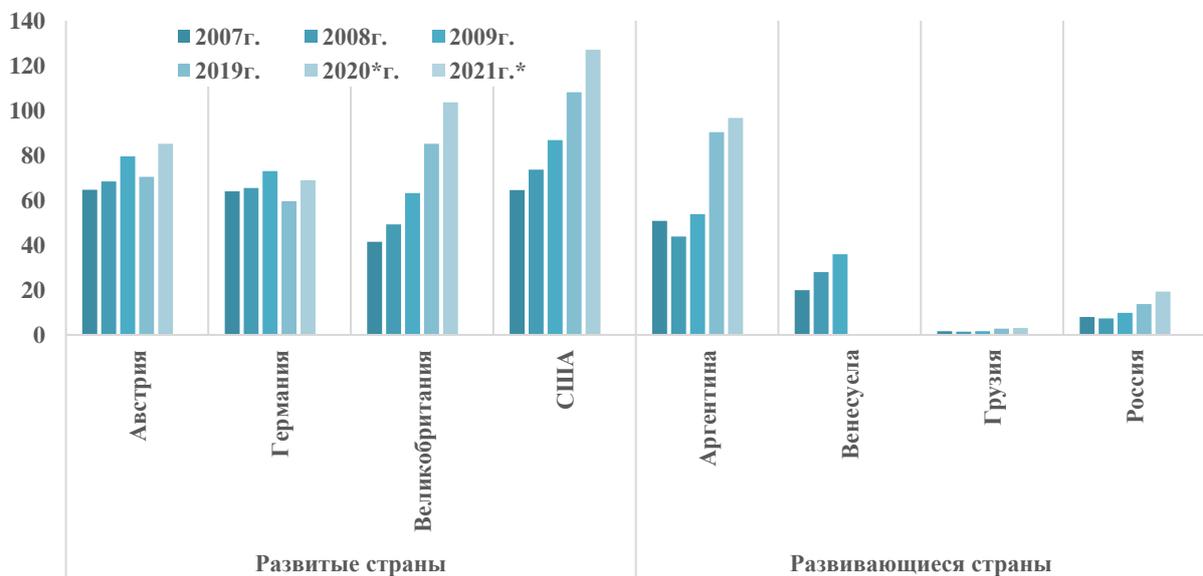

Рис. 3. Государственный долг в % от ВВП, в период 2007-2008 гг. и в период пандемии COVID 19, 2020 г.

Fig. 3. Public debt as a % of GDP, in the period 2007-2008 and during the COVID 19 pandemic, 2020

Источник: World Bank Database – <https://databank.worldbank.org/>, IMF Database – <https://www.imf.org/>

Примечание: *Прогнозные значения.

Заметим также, что по сравнению с кризисом 2007-2008 гг., кризис 2020 года заставил страны значительно больше увеличить государственные заимствования, что позволяет сделать вывод о более активном стимулировании экономики со стороны государства в течении текущего кризиса. Причем, эта картина наблюдается как в развитых, так и в развивающихся странах.

Обобщив, можно сказать, что контрциклическая фискальная политика, строго согласно теории, на практике сопровождалась повышением государственных расходов и как следствие высоким уровнем государственного долга практически во всех рассмотренных странах. Вместе с тем, последствия для экономического роста с точки зрения положительного эффекта не так однозначны.

Монетарная политика и регулирование финансового рынка. Контрциклическая политика с точки зрения денежно-кредитного регулирования носила несколько иную направленность. Если фискальная политика в большей части была направлена на поддержания спроса, то монетарная политика и регулирование финансового рынка несли в себе, в первую очередь, задачу поддержания самой финансовой системы, как в развитых, так и в развивающихся странах.

С другой стороны, опять же если кризис 2007-2008 гг. по своей сути непосредственно затрагивал, и даже нашел свое начало в финансовой системе, то 2020 год и последующий период, в большей степени коснулся реального сектора и довольно мало отразился, если не сказать вовсе не отразился негативно на финансовом рынке (см. таблицы 5 и 6).

Таблица 5

Монетарная политика и регулирование финансового рынка развитых стран в период мирового финансового кризиса 2007-2008 гг.

Table 5

Monetary policy and regulation of the financial market of developed countries during the global financial crisis of 2007-2008

	Австрия	Великобритания	Германия	США
Инструменты	Временное внедрение системы страхования банковских депозитов на 100% со стороны государства Участие в капиталах коммерческих банков по программе Finanzmarktstabilitätsgesetz Для активации внутрибанковских транзакции была основано посредническое агентство, которая снижала риски связанные с не-	Снижение ставки рефинансирования Банком Англии, Bank Recapitalisation Programme, данная программа была разработана со стороны Financial conduct authority, суть программы это капитализация коммерческих банков на основе расчета безопасного уровня капитала для каждого банка. Гарантии обязательств финансово-	Стабилизация финансовой системы (Finanzmarktstabilisierungsgesetz, FMStG) вливание ликвидности в финансовую систему, участие в капиталах коммерческих банков и т.п Разработка закона по созданию стабилизационного фонда Finanzmarktstabilisierungsgesetz	Вливание ликвидности с помощью специального инструментария репо-кредитования центрального банка, Снижение процентных ставок ФР. Расширение кредитования коммерческих банков. Инвестиции

	Австрия	Великобритания	Германия	США
	<p>уплатой между банками Вливание ликвидности в коммерческие банки</p>	<p>вого сектора Вливание ликвидности в финансовый сектор по инструменту discount window facility, коммерческие банки могут получить финансирование имея подходящий залог, срок кредита 30 или 364 дней Создание возможности обмена секьюритизированных ипотечных активов с государственными облигациями, Разработки схемы по защите активов (Asset protection scheme) цель этого инструмента – защитить банки от значительных потерь по кредитам, ипотеке и другим финансовым активам.</p>	<p>fondsgesetz, FMStFG Расширение кредитования коммерческих банков, путем предоставления государственных гарантии кредиторам</p>	<p>в капиталах коммерческих банков Вливание ликвидности с помощью кредитования коммерческих с сроком на 28 дней Создание своп инструментов с центральными банками других стран для стабилизации валютного рынка Страхование обязательств коммерческих банков для повышения доверия</p>
Результат	<p>Увеличение ликвидности коммерческих банков Увеличение устойчивости финансовой системы</p>	<p>Увеличение ликвидности коммерческих банков Увеличение ликвидности секьюритизированных ипотечными кредитами ценных бумаг Обеспечение коммерческих банков и финансовый структур инвалютой Снижение процентных</p>	<p>Увеличение ликвидности коммерческих банков Увеличение устойчивости финансовой системы Снижение процентных ставок кредитования</p>	<p>Снижение оттока депозитов коммерческих банков Увеличение ликвидности коммерческих банков Увеличение ликвидности коммерческих ценных бумаг Обеспечение коммерче-</p>

	Австрия	Великобритания	Германия	США
		ставок кредитования		ских банков и финансовый структур инвалютой Снижение процентных ставок кредитования

Источник: составлено авторами.

Таблица 6

Монетарная политика и регулирование финансового рынка развивающихся стран в период мирового финансового кризиса 2007-2008 гг.

Table 6

Monetary policy and regulation of the financial market of developing countries during the global financial crisis of 2007-2008

	Аргентина	Венесуэла	Грузия	Россия
Инструменты	Активное вмешательство в валютный рынок с целью сглаживания волатильность валютного курса. В целях обеспечения надлежащего управления риском ликвидности ЦБ разработал дополнительные окна ликвидности, изменил определение окна повторного дисконтирования, ввел расширенные средства рынка репо фонды (новые линии в национальной и других валютах), сделал аукцион опционов репо, сделал операции на открытом рынке с государственными облигациями. Сни-	Регулирование валютного курса.	Вливание ликвидности с помощью специального инструментария репо-кредитования центрального банка, снижение нормы обязательного резервирования и ликвидности, снижение процентных ставок ЦБ. Расширение кредитования коммерческих банков.	Снижение ставки рефинансирования ЦБ Меры по повышению ликвидности банковской системы, Увеличение максимального размера компенсации по вкладам физических лиц в банках с 400 до 700 тысяч рублей. Размещение Центральным банком депозитов в коммерческих банках; Предоставление Центральным банком без залоговых кредитов коммерческим банкам на срок до одного года. Снижение нормы обязательных резервов; Предоставление

	Аргентина	Венесуэла	Грузия	Россия
	<p>жение минимальных требований к ликвидности для депозитов в иностранной валюте. Увеличение процентных ставок.</p>			<p>субординированных кредитов коммерческим банкам. Увеличение уставного капитала государственных банков. Содействие процессам финансирования ипотечных кредитов и секьюритизации активов; Предоставление государственных гарантий юридическим лицам, общая сумма гарантии составляет 300 миллиардов рублей, из которых 100 миллиардов будут направлены строительным компаниям.</p>
Результат	<p>Увеличение кредитов в иностранной валюте, благодаря снижению минимальных требований к ликвидности для депозитов в иностранной валюте. В результате удалось увеличить внутреннее финансирование торговли по отношению к внешнему финансированию. Обесценение национальной валюты. Низкий уровень инфляции.</p>	<p>Средний уровень инфляции.</p>	<p>Сдерживание обесценения национальной валюты и инфляции. Высокие процентные ставки</p>	<p>Снижение оттока депозитов коммерческих банков Увеличение ликвидности коммерческих банков Обеспечение коммерческих банков и финансовый структур инвалютой Снижение процентных ставок кредитования</p>

Источник: составлено авторами

В этой связи, нам представляется важным отметить также, что если в период кризиса 2007-2008 года фактически задачи по поддержанию стабильности финансовой системы стояли в приоритете, и во многом расходились с целями монетарного

регулирования, то в период кризиса, связанного с пандемией COVID 19, наблюдается ровно обратная картина. Задачи монетарной политики находятся в приоритете. Причем в большей степени это касается развивающихся экономик.

Таблица 7

Монетарная политика и регулирование финансового рынка развитых и развивающихся странах в период пандемии COVID 19 (2020-2021 гг.)

Table 7

Monetary policy and financial market regulation in developed and developing countries during the COVID 19 pandemic (2020-2021)

Страны	Инструменты
Австрия	Вливание ликвидности, Oesterreichische Nationalbank (OeNB) заявил о готовности предоставить банкам достаточные денежные средства, Управление финансового рынка запретило короткие продажи в течение одного месяца после резкого падения цен на Венской фондовой бирже
Великобритания	Снижение ставки рефинансирования на 0.65% до 0.01%, Увеличение владения центральным банком государственных облигаций Великобритании и нефинансовых корпоративных облигаций на 450 млрд фунтов стерлингов (Quantitative easing) Предоставление краткосрочной ликвидности государству при необходимости Банком Англии, Предоставление предприятиям ликвидности и гарантий по кредитам на общую сумму 352 млрд фунтов стерлингов (19,5 процента ВВП), Активация механизма условного РЕПО в дополнение к существующим механизмам Банка Англии по обеспечению ликвидности в фунтах стерлингов, Повышение уровня ликвидности с помощью своп соглашений с центральными банками Канады, Японии, Еврозоны, США и Швейцарии, Снижение ставки контр циклического буфера капитала (CCyB) в Великобритании до 0 процентов (2%) Разработка новой схемы гарантирования ипотечных кредитов (сумма кредита до 600,000 фунтов стерлингов, предоплата 5%) Приостановление выплаты дивидендов и покупка собственных акции крупным банкам до конца 2020 г.,
Германия	Изменение регулятивной требования по коммерческим банка, в частности снижение контр циклического буфера капитала с 0.25% до 0%, Прямое приобретение капитала затронутых коронавирусом системообразующих компании до 100 млрд Евро, Трехмесячный мораторий на выплаты по потребительским кредитам, Кредиты выделенные по государственным программам по борьбе с коронавирусом и гарантированные KfW, не участвуют в расчетах взвешенных рисков, Временное приостановлении действия актов по возбуждению дела о несостоятельности для компаний с чрезмерной задолженностью или компаний банкротов. Временное приостановление выплат дивидендов или выкуп собственных акции коммерческими банками.

Страны	Инструменты
США	<p>Снижение процентных ставок ФР с 2.42 до 0.05</p> <p>Вливание ликвидности с помощью кредитования коммерческих с сроком до 90 дней, снижение стоимости кредитования discount window lending</p> <p>Расширение кредитования коммерческих банков, позволяя коммерческим банкам секьюритизировать выданные кредиты на учебу, покупку мапин и т.п.</p> <p>Приобретение Федеральным Резервом коммерческих ценных бумаг по акту Commercial Paper Funding Facility, что решало две задачи</p> <p>Вливание денег в экономике (Quantitative easing)</p> <p>Обеспечение необходимой ликвидностью коммерческих ценных бумаг</p> <p>Снижение стоимости своп инструментов с другими центральными банками, расширение своп инструментов с новым центральным банком</p> <p>Активизация рынка ценных бумаг: предоставление финансов Primary Dealer Credit Facility, облегчение регулирования при выпуске коммерческих бумаг компаниями и муниципальными эмитентами Commercial Paper Funding Facility</p> <p>Предоставление ликвидности финансовым организациям для кредитования малого и среднего бизнеса по программе Small Business Administration's Paycheck Protection Program</p> <p>Приобретение муниципальных ценных бумаг и кредитов выделенных малому и среднему бизнесу (Main Street Lending Program, Municipal Liquidity Facility)</p> <p>Изменение регулятивных требований, связанных с классификацией банковских кредитов, которая дала возможность продлить даты выплаты кредитов, связанных с коронавирусом без регулятивного последствия для банковской системы</p> <p>Снижение коэффициента леввериджа для банков до 8и %ов</p>
Аргентина	<p>Резкое увеличение процентных ставок (более 60%).</p> <p><i>Меры во время пандемии</i></p> <p>Снижение нормы обязательного резервирования, смягчение требований к классификации кредитов и т.д.</p>
Грузия	<p>Таргетирование инфляции. Прямые интервенции на валютном рынке, регулирование валютного курса. Отсрочка погашения кредитов на 3 месяца. Банки были проинструктированы оценить качество своих кредитных портфелей, проверки были остановлены, поощрялись отсрочки погашения кредитов и был применен механизм отсрочки уплаты штрафов. Предоставление стандартизированных сценарии и методологию для оценки кредитных убытков, ожидаемых в результате отложенного восстановления после COVID-19.</p> <p>В марте 2020 года НБГ смягчил требования к капиталу более чем на три процентных пункта.</p> <p>После ослабления своей учетной ставки на 100 базисных пунктов в период с апреля по август 2020 года НБГ повысил ставку на 150 базисных пунктов в 2021 году.</p>

Страны	Инструменты
Россия	Снижение ставки рефинансирования с 6.25% до 4.25% (исторический минимум) Продажа валютных резервов со стороны ЦБ для удержания курса рубля, Временное увеличение ЦБ лимита операций валютного свопа и Временное введение долгосрочного инструмента рефинансирования, Временное послабление регулирования для банков для помощи корпоративным заемщикам, Разработка более благоприятного режима для валютных кредитов, выданных определенным секторам, Отсрочка создания резервов по реструктурированным корпоративным кредитам и кредитам МСП, Коммерческим банкам было разрешено оценивать ценные бумаги по ценам, котируемым на 1 марта, Снижение взноса в Фонд страхования вкладов с 0,15 процента до 0,1 процента, Упрощение регулирования ликвидности для системно значимых кредитных организаций, Нормативные изменения для поддержки кредитования включают новые методы оценки кредитного риска и более низкие весовые коэффициенты риска при ипотечном кредитовании

Источник: составлено авторами.

Основной упор используемых инструментов регулирования финансового рынка как в развитых, так и в развивающихся странах был сделан на поддержание ликвидности финансовой системы. В развитых странах, были внедрены различные гарантии для обязательств финансовых систем со стороны государства, введены инвестиционные программы по усилению позиций капитала банковской системы, страхование обязательств коммерческих банков для повышения доверия населения и многие другие инструменты.

С точки зрения инструментов монетарного регулирования были предприняты меры по стимулированию спроса на денежном рынке, в основном связанные со снижением ставки рефинансирования. Развивающиеся страны сделали больший упор на валютное регулирование.

В качестве результатов контрциклических мер в период мирового финансового кризиса можно отметить в целом увеличение ликвидности коммерческих банков в странах, а также повышение устой-

чивости финансовой системы в целом. Были также снижены процентные ставки по кредитам, что стимулировало спрос на денежном рынке и как следствие привело к стимулированию реального сектора экономики рассмотренных стран.

Однако очевидной ценной проведенных мер, стало увеличение инфляционного давления в странах, особенно в условиях развивающихся экономик. Как мы можем видеть на рисунке 3, общий фон цен в рассмотренных странах имеет тенденцию к росту. Однако период 2020 года характеризуется гораздо большим инфляционным давлением, при том что мы пока можем судить лишь о краткосрочных эффектах.

Меры контрциклической монетарной политики в период пандемии COVID 19 в целом больше были направлены на стимулирование реального сектора, нежели на работу с финансовыми системами. Следует также отметить, что, если в развитых странах используя уже налаженные в 2007-2008гг. механизмы поддержания и стимулирования ликвидности финансовых си-

стем удалось избежать каких-либо существенных проблемы в этой сфере, то развивающиеся страны вынуждены были использовать больше прямых инструментов

для поддержания стабильности финансовых систем, что было обусловлено ограниченными финансовыми возможностями правительств развивающихся стран.

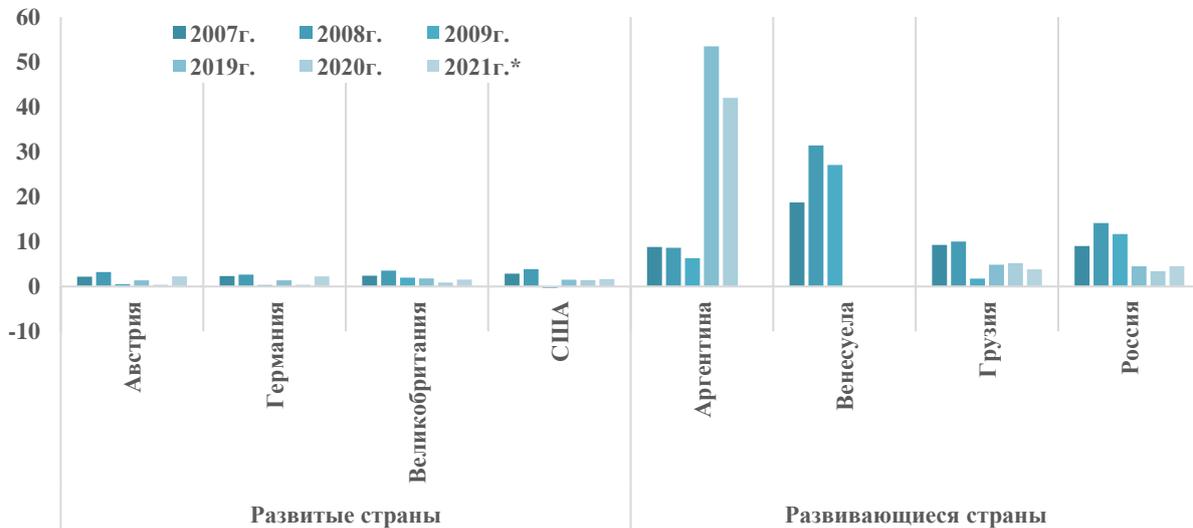

Рис. 4. Темпы роста ИПЦ в период 2007-2008 гг. и в период пандемии COVID 19, 2020 г.

Fig. 4. CPI growth rates in the period 2007-2008 and during the COVID 19 pandemic, 2020.

Источник: World Bank Database – <https://databank.worldbank.org/>, IMF Database – <https://www.imf.org/>

Примечание: *Прогнозные значения.

Однако, инфляционный фон в период последнего кризиса значительно выше, что означает, что негативные социальные последствия будут значительно сильнее и этот ущерб еще предстоит оценить.

Заключение

Обобщая теоретическую основу контрциклической политики и опыт ее практической реализации, можно отметить, что на сегодняшний день, не смотря на появление новых инструментов как со стороны фискального, так и со стороны монетарного регулирования, сам принцип реализации контрциклической политики остался прежний.

Важным выводом является факт неоднозначности результативности контрциклической политики в целом. На наш взгляд, успех или отсутствие такого при реализации контрциклической политики очень сильно зависят от степени развитости самой экономики в момент кризиса, от

готовности Правительства принимать оптимальные решения, от институциональной среды в целом, а также от многих других сопутствующих элементов. Поэтому оценить саму по себе контрциклическую политику с точки зрения результативно в отрыве от среды, в которой она реализуется, представляется малоэффективным.

Что касается воздействия или последствий контрциклической политики с точки зрения экономического роста, то выводы опять же носят достаточно неоднозначный характер. Судить о восстановительном росте можно только в развитых странах. Однако, в силу участившихся кризисных явлений, сложно определить в какой момент экономический рост преодолевает границу восстановительного роста и переходит в стадию интенсивного роста. Тем не менее, данная тематика станет предметом наших дальнейших исследований.

Список литературы

1. Алтунбаса, Ю., Л. Гамбакорта и Д. Маркес-Ибаньес, 2014. Влияет ли денежно-кредитная политика на банковский риск? Международный журнал центрального банка Март 2014 г.: 95-135.
2. Бакстер, М. и Р. Кинг, 1993: Налогово-бюджетная политика в условиях общего равновесия. Американский экономический обзор 83(3), 1993: 315-334.
3. Бенмелех, Эфраим и Тобиас Дж.Московиц, 2010. Политическая экономия финансового регулирования: свидетельства законов о ростовщичестве штатов США в 19 веке. Финансовый журнал 65, № 3, 2010: 1029-1073.
4. Били М. Р., 2011. Разрыв в объеме производства и Денежно-кредитная политика при низких процентных ставках. Федеральный резервный банк Канзас – Сити-Экономический обзор, Первый квартал 2011 года: 63-87.
5. Бланшар О.; Перотти Р., 2002. Эмпирическая характеристика динамического влияния изменений государственных расходов и налогов на выпуск продукции. Ежеквартальный экономический журнал, 117(4), 2002: 1329-1368.
6. Блиндер А. С., 1987. Нормирование кредитов и Эффективные сбои в поставках. Экономический журнал 97(386), 1987: 327-352.
7. Блиндер Алан С., 2015. Финансовая энтропия и оптимальность чрезмерного регулирования. Новая Международная финансовая система: Анализ совокупного воздействия реформы регулирования 48, 2015: 3.
8. Буис Р., Л. Равданович, Дж.-П. Ренн, С. Ватанабе и А. К. Кристенсен, 2013. Эффективность денежно-кредитной политики с момента начала финансового кризиса. Рабочий документ Экономического департамента ОЭСР № 1081.
9. Каломирис, Чарльз У. и Стивен Х. Хабер, 2014. Хрупкая по замыслу. Политическое происхождение банковских кризисов и дефицита кредитов. Принстонская экономическая история западного мира, Джоэл Мокир, редактор серии, 2014.
10. Кристиано Л., Айягари С.Р. и М. Эйхенбаум, 1992. Влияние государственного потребления на объем производства, занятость и процентные ставки. Журнал денежной экономики 30(1), 1992: 73-86.
11. Корсетти, Джанкарло, Лука Дедола и Сильвен Ледюк (2010). "Оптимальная денежно-кредитная политика в условиях открытой экономики". Справочник по денежно – кредитной экономике. Том 3. Эльзевир, 2010: 861-933.
12. Де Кастро Фернандес, Ф.; Эрнандес Де Кос, П., 2006, Экономические последствия экзогенных финансовых потрясений в Испании: подход SVAR. Рабочий документ ЕЦБ № 647.
13. Фатас А. и Л. Михов, 2001: Налогово-бюджетная политика и бизнес-циклы: Эмпирическое исследование. Монеда и Кредито 212, 2001: 167-210.
14. Фатас А.; Михов И., 2001, Влияние фискальной политики на потребление и занятость: теория и фактические данные. Дискуссионный документ CEPR № 2760, 2001.
15. Фишер, Стэнли, 1977. Долгосрочные контракты, Рациональные ожидания и Правило оптимальной денежной массы. J. P. E. 85 (февраль 1977): 191-205.
16. Франкель Дж. А., 2011. Денежно – кредитная политика на развивающихся рынках. Фрейдман Б., Вудфорд М. (ред.), Справочник по денежной экономике, Том 3В. Северная Голландия, Амстердам, 2011: 1439-1520.
17. Франкель, Джеффри, 2010. Денежно – кредитная политика на развивающихся рынках. Справочник по денежно – кредитной экономике. Том 3. Эльзевир, 2010. 1439-1520.
18. Джордано Р.; Момильяно С.; Нерии С.; Перотти Р., 2007, Влияние фискальной политики в Италии: данные модели VAR. Европейский журнал политической экономии, 23, 2007: 707-733.
19. Хеппке-Фальк, К. Х.; Тенхофен, Дж.; Вольф, Г. Б., 2006, Макроэкономические последствия внешних шоков фискальной политики в Германии: дезагрегированный анализ SVAR. Deutsche Bundesbank, Дискуссионный документ № 41. 2006.
20. Хименес, Г., С. Онгена, Дж.-Л. Пейдро и Дж. Саурина, 2014. Опасные времена для денежно-кредитной политики: Что говорят двадцать три миллиона банковских кредитов о влиянии денежно-кредитной политики на принятие кредитных рисков? Эконометрика 82 (2), 2014: 463-505.
21. Джошуа Айзенман и Рувим Глик, 2009. Стерилизация, Денежно-кредитная политика и Глобальная финансовая интеграция.

Обзор международной экономики, 17(4), 777-801, 2009/ DOI:10.1111/j.1467-9396.2009.00848.x

22. Кроснер Р., Страхан П., 1999. Что Движет Дерегулированием? Экономика и политика ослабления ограничений на филиалы банков. Ежеквартальный журнал экономики, 1999: 1437 – 1467.

23. Мак Геттингем, Д., Морияма, К., Нцама, Дж. Н. Н., Пейнчард, Ф., Ку, Х., Стейнберг, С., 2013. Денежно-кредитная политика на развивающихся рынках: укрощение цикла. Рабочий документ МВФ 13/96., 2013.

24. Миан, Атиф, Амир Суфи и Франческо Треббни, 2010. Политическая экономия расширения низкокачественных ипотечных кредитов. Номер w16107. Национальное бюро экономических исследований, 2010.

25. Миан, Суфи и Треббни, 2013. Политическая экономия расширения низкокачественных ипотечных кредитов. Ежеквартальный журнал политических наук 2013.8, 2013: 373-408.

26. Боль Н., С. Льюис, Т.-Т. Данг, Ю. Джин и П. Ричардсон, 2014. Прогнозы ОЭСР во время и после финансового кризиса: по-смертное исследование. Рабочий документ Экономического департамента ОЭСР № 1107. 2014.

27. Перотти Р, (2004. Оценка последствий фискальной политики в странах ОЭСР. Университет Боккони, Рабочий документ, 2004 год.

28. Фелпс, Эдмунд С. и Тейлор, Джон Б., 1977. Стабилизирующие возможности денежно-кредитной политики в соответствии с рациональными ожиданиями. J. P. E. 85 (февраль 1977): 163-90.

29. Познер Эрик А., 1997. Политическая экономия Закона о реформе банкротства 1978 года. Мичиганское юридическое обозрение 96, № 1 (1997): 47-126.

30. Раджан Р. Г., 2005. Сделало ли финансовое развитие мир более рискованным? Материалы Симпозиума по экономической политике – Джексон – Хоул, Федеральный резервный банк Канзас-Сити, август 2005 г.: 313-369.

31. Раджан, Рагурам Г. и Родни Рамчаран (2011). Избирательные округа и законодательство: Борьба за закон Макфаддена 1927 г. № w17266. Национальное бюро экономических исследований, 2011.

32. Рейнхарт, Кармен М. и Кеннет Рогофф, 2009. На этот раз все по-другому: восемь столетий финансовой глупости. издательство Принстонского университета, 2009.

33. Ромер К. Д. и Д. Ромер, 2010: Макроэкономические последствия налоговых изменений: Оценки, основанные на Новой мере фискальных потрясений. Американский экономический обзор, 100(3), 2010: 763-801.; Мертенс и Равн (2012).

34. Ротемберг, Хулио Дж., 1987. Новые кейнсианские микрооснования. В ежегоднике NBER по макроэкономике за 1987 год под редакцией Стэнли Фишера. Кембридж, Массачусетс.: MIT Press, 1987.

35. Стиглер Г., 1971. Теория экономического регулирования. Журнал Белла по экономике и науке управления, 2(1), 1971: 3-21.

36. Вегх С. А., Вулетин Г., 2013. Преодоление страха свободного падения: изменение денежно-кредитной политики на развивающихся рынках. Рабочий документ NBER 18175. 2013.

37. Яхин Ю., 2008. Финансовая интеграция и цикличность денежно-кредитной политики в малых странах с открытой экономикой. Дискуссионный документ Центра экономических исследований Монастера № 08-11, 2008.

1. Altunbasa, Y., L. Gambacorta, and D. Marques-Ibanez (2014). Does monetary policy affect bank risk? International Journal of Central Banking March, 2014: 95-135.

2. Baxter, M. and R. King (1993): Fiscal Policy in General Equilibrium. American Economic Review 83(3), 1993: 315-334.

3. Benmelech, Efraim, and Tobias J. Moskowitz (2010). The political economy of financial regulation: evidence from US state usury laws in the 19th century. The journal of finance 65, no. 3, 2010: 1029-1073.

4. Bili M. R. (2011). Output Gaps and Monetary Policy at Low Interest Rates. Federal Reserve Bank of Kansas City – Economic Review, First Quarter 2011: 63-87.

5. Blanchard O.; Perotti R. (2002). An empirical characterization of the dynamic effects of changes in government spending and taxes on output. Quarterly Journal of Economics, 117(4), 2002: 1329-1368.

6. Blinder A. S. (1987). Credit Rationing and Effective Supply Failures. *The Economic Journal* 97(386), 1987: 327-352.
7. Blinder Alan S. (2015). Financial Entropy and the Optimality of Over-regulation. *The New International Financial System: Analyzing the Cumulative Impact of Regulatory Reform* 48, 2015: 3.
8. Bouis R., L. Rawdanowicz, J.-P. Renne, S. Watanabe, and A. K. Christensen (2013). The effectiveness of monetary policy since the onset of the financial crisis. *OECD Economics Department Working Paper No. 1081*, 2013.
9. Calomiris, Charles W., and Stephen H. Haber (2014). Fragile by design. The political origin of banking crises and scarce credit. *The Princeton Economic History of the Western World*, Joel Mokyr, Series Editor, 2014.
10. Christiano L., Aiyagari S. R. and M. Eichenbaum (1992). The output, employment, and interest rate effects of government consumption. *Journal of Monetary Economics* 30(1), 1992: 73-86.
11. Corsetti, Giancarlo, Luca Dedola, and Sylvain Leduc (2010). "Optimal monetary policy in open economies." *Handbook of Monetary Economics*. Vol. 3. Elsevier, 2010: 861-933.
12. De Castro Fernandez, F.; Hernandez De Cos, P. (2006), The economic effects of exogenous fiscal shocks in Spain: a SVAR approach. *ECB Working Paper #647*.
13. Fatas A. and L. Mihov (2001): Fiscal Policy and Business Cycles: An Empirical Investigation. *Moneda y Credito* 212, 2001: 167-210.
14. Fatas A.; Mihov I. (2001), The effects of fiscal policy on consumption and employment: theory and evidence. *CEPR Discussion Paper # 2760*, 2001.
15. Fischer, Stanley (1977). Long-Term Contracts, Rational Expectations, and the Optimal Money Supply Rule. *J.P.E.* 85 (February 1977): 191-205.
16. Frankel J.A. (2011). Monetary policy in emerging markets. *Freidman B., Woodford, M. (Eds.), Handbook of Monetary Economics*, Vol. 3B. North Holland, Amsterdam, 2011: 1439-1520.;
17. Frankel, Jeffrey (2010). Monetary policy in emerging markets. *Handbook of Monetary Economics*. Vol. 3. Elsevier, 2010. 1439-1520.
18. Giordano R.; Momigliano S.; Neri I, S.; Perotti, R. (2007), The effects of fiscal policy in Italy: Evidence from a VAR model. *European Journal of Political Economy*, 23, 2007: 707-733.
19. Heppke-Falk, K.H.; Tenhofen, J.; Wolff, G. B. (2006), The macroeconomic effects of exogenous fiscal policy shocks in Germany: a disaggregated SVAR analysis. *Deutsche Bundesbank, Discussion Paper #41*. 2006.
20. Jimenez, G., S. Ongena, J.-L. Peydró, and J. Saurina (2014). Hazardous times for monetary policy: What do twenty-three million bank loans say about the effects of monetary policy on credit risk-taking? *Econometrica* 82 (2), 2014: 463-505.
21. Joshua Aizenman and Reuven Glick (2009). Sterilization, Monetary Policy, and Global Financial Integration. *Review of International Economics*, 17(4), 777-801, 2009/ DOI:10.1111/j.1467-9396.2009.00848.x
22. Kroszner R., Strahan P. (1999). What Drives Deregulation? *Economics and Politics of the Relaxation of Bank Branching Restriction*. *Quarterly Journal of Economics*, 1999: 1437 - 1467.
23. Mc Gettingham, D., Moriyama, K., Ntsama, J.N.N., Painchard, F., Qu, H., Steinberg, C., (2013). Monetary policy in emerging markets: taming the cycle. *IMF Working Paper 13/96.*, 2013.
24. Mian, Atif, Amir Sufi, and Francesco Trebbi (2010). The political economy of the subprime mortgage credit expansion. No. w16107. *National Bureau of Economic Research*, 2010.
25. Mian, Sufi, and Trebbi (2013). The Political Economy of the Subprime Mortgage Credit Expansion. *Quarterly Journal of Political Science* 2013.8, 2013: 373-408.
26. Pain N., C. Lewis, T.-T. Dang, Y. Jin, and P. Richardson (2014). OECD forecasts during and after the financial crisis: A post mortem. *OECD Economics Department Working Paper No.1107*. 2014.
27. Perotti R. (2004) Estimating the effects of fiscal policy in OECD countries. *University of Bocconi, Working Paper*. 2004.
28. Phelps, Edmund S., and Taylor, John B. (1977). Stabilizing Powers of Monetary Policy under Rational Expectations. *J.P.E.* 85 (February 1977): 163-90.
29. Posner Eric A. (1997). The political economy of the Bankruptcy Reform Act of 1978. *Michigan Law Review* 96, no. 1 (1997): 47-126.
30. Rajan R. G. (2005). Has financial development made the world riskier? *Proceedings -*

Economic Policy Symposium – Jackson Hole, Federal Reserve Bank of Kansas City Aug, 2005: 313-369.

31. Rajan, Raghuram G., and Rodney Ramcharan (2011). Constituencies and legislation: The fight over the mcfadden act of 1927. No. w17266. National Bureau of Economic Research, 2011.

32. Reinhart, Carmen M., and Kenneth Rogoff (2009). This time is different: eight centuries of financial folly. Princeton University Press, 2009.

33. Romer C. D. and D. Romer (2010): The Macroeconomic Effects of Tax Changes: Estimates Based on a New Measure of Fiscal Shocks. American Economic Review, 100(3), 2010: 763-801.; Mertens and Ravn (2012).

34. Rotemberg, Julio J. (1987). The New Keynesian Microfoundations. In NBER Macroeconomics Annual 1987, edited by Stanley Fischer. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1987.

35. Stigler G. (1971). The Theory of Economic Regulation. The Bell Journal of Economics and Management Science, 2(1), 1971: 3-21.

36. Vegh C.A., Vuletin, G. (2013). Overcoming the fear of free falling: monetary policy graduation in emerging markets. NBER Working Paper 18175. 2013.

37. Yakhin Y. (2008). Financial Integration and Cyclicity of Monetary Policy in Small Open Economies. Monaster Center for Economic Research Discussion Paper No. 08-11, 2008.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Сандоян Эдвард Мартинович, доктор экономических наук, профессор Российско-Армянского Университета, директор Института Экономики и Бизнеса, (г. Ереван, Армения)

Edward M. Sandoyan, Doctor of Economics, Professor, Russian-Armenian University, Director of the Institute of Economics and Business, (Yerevan, Armenia)

Егиазарян Армен Бенъяминович, кандидат экономических наук, доцент Российско-Армянского Университета, Институт Экономики и Бизнеса, доцент кафедры экономической теории и проблем экономики переходного периода, (г. Ереван, Армения)

Armen B. Egiazaryan, PhD in Economics, Associate Professor, Russian-Armenian University, Institute of Economics and Business, Associate Professor at the Department of Economic Theory and Problems of the Economy in Transition, (Yerevan, Armenia)

Восканян Мариам Амбарцумовна, доктор экономических наук, доцент Российско-Армянский Университет, Институт Экономики и Бизнеса, Заведующая кафедрой экономики и финансов, (г. Ереван, Армения)

Mariam H. Voskanyan, Doctor of Economics, Associate Professor, Russian-Armenian University, Institute of Economics and Business, Head of the Department of Economics and Finance, (Yerevan, Armenia)

Галстян Ани Гамлетовна, Российско-Армянский Университет, Институт Экономики и Бизнеса старший преподаватель кафедры экономики и финансов, (г. Ереван, Армения)

Ani H. Galstyan, Russian-Armenian University, Institute of Economics and Business, Senior Lecturer at the Department of Economics and Finance, (Yerevan, Armenia)

Григорян Гагик Аматуниевич, кандидат экономических наук, FCCA, CIA, PMP, «Grigoryan and Partners LLC», Исполнительный директор, (г. Ереван, Армения)

Gagik A. Grigoryan, PhD in Economics, FCCA, CIA, PMP, "Grigoryan and Partners LLC" Executive Director, (Yerevan, Armenia)

УДК 33.338.45

DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-3

Эралиева А.А.

**ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ В СТРАНАХ ЕАЭС**

Академия государственного управления
при Президенте Кыргызской Республики,
ул. Панфилова 237, г. Бишкек 720040 Кыргызская Республика

e-mail: mtaista@yandex.ru

Аннотация

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью развития сектора промышленности в странах ЕАЭС и перехода к новым стандартам цифровизации связанной с «Индустрией 4.0». В этой связи, статья направлена на выявление факторов, обуславливающих инновационный потенциал предприятий и других немаловажных условий для развития промышленных предприятий на основе цифровых технологий. Кроме того, выявлены основные причины технологического отставания промышленных предприятий и факторов, сдерживающих их развитие в странах ЕАЭС. В результате проведенного исследования рассмотрена возможность цифрового прорыва в промышленности за счет изменения привычного уклада технологий, отказа от устаревших систем. Скорость внедрения технологий в производстве играет определяющую роль, поскольку возникают на рынке все новые инновационные решения и прежние уже быстро выходят из строя. В этом активную роль должен сыграть топ-менеджмент готовый пойти на риск в освоении новых технологий и способный внести в организацию новые преобразования. Применение зарубежного опыта по части использования цифровых платформ B2B и других цифровых инструментов будет способствовать инновационному развитию предприятий промышленности. В итоге страны, не вкладывающие средства и усилия в развитие инновационных технологий не смогут конкурировать со странами в Индустрии 4.0 в ближайшее время. Кроме того, возможности роста экономики зависят от инвестиционной политики, подготовки специалистов по информационным технологиям, увеличения объема инвестиций в научные исследования.

Ключевые слова: цифровизация; Индустрия 4.0; трансформация промышленности; B2B платформа; IT-сектор

Информация для цитирования: Эралиева А.А. Технологическая модернизация промышленных предприятий в цифровой экономике в странах ЕАЭС // Научный результат. Экономические исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 41-50. DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-3

Aisuluu A. Eralieva

**THE MODERNIZATION OF INDUSTRIAL ENTERPRISES
IN THE DIGITAL ECONOMY OF THE EURASIAN
ECONOMIC UNION**

Academy of Public Administration under the
President of the Kyrgyz Republic,
237 Panfilov St., Bishkek, 720040, Kyrgyzstan

e-mail: mtaista@yandex.ru

Abstract

The relevance of this study is due to the need to develop the industrial sector in the EAEU countries and the transition to new standards of digitalization associated with Industry 4.0. In this regard, the article aims to identify the factors that determine the innovation potential of enterprises and other important conditions for the development of industrial enterprises based on digital technology. In addition, the main reasons for the technological lag of industrial enterprises and the factors constraining their development in the EAEU countries were identified. As a result of the study the possibility of a digital breakthrough in the industry by changing the usual way of technology, the rejection of outdated systems. The speed of implementation of technologies in production plays a decisive role, since all the new innovative solutions are emerging in the market and the old ones are already rapidly failing. Top management, ready to take risks in mastering new technologies and able to introduce new transformations into the organization, should play an active role in this. The use of foreign experience in the use of B2B digital platforms and other digital tools will contribute to the innovative development of industrial enterprises. As a result, countries that do not invest funds and efforts in the development of innovative technologies will not be able to compete with countries in Industry 4.0 in the near future. In addition, economic growth opportunities depend on investment policies, the training of information technology specialists, and increased investment in scientific research.

Key words: digitalization; Industry 4.0; industrial transformation; the B2B platform; IT-sector

Information for citation: Eralieva A.A. "The modernization of industrial enterprises in the digital economy of the Eurasian Economic Union", *Research Result. Economic Research*, 7(3), 41-50, DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-3

Введение

Много исследований проводятся на данном этапе на тему цифровой трансформации промышленности и это во многом связано с технологическим прорывом Индустрии 4.0. Именно сейчас происходит осознание происходящего и то, что еще недавно мы погружались в виртуальную реальность в фантастических фильмах, сего-

дня стало объективной реальностью и уже никого не удивляют роботы, 3D печать, искусственный интеллект и другие технологии. В том, что отрасль промышленности значительно отстает от других отраслей в инновационном развитии показала пандемия Covid-19, когда многие крупные известные предприятия и компании были вынуждены остановить свое производство,

расторгнуть связи с поставщиками, с целью недопущения тактильного производства. В то же время пандемия дала толчок к переходу предприятий к новым формам организации производства и переходу к цифровизации. По словам известного У. Черчилля любой кризис предоставляет также и новые возможности.

Целью исследования является проведение сравнительного анализа уровня достижения отрасли промышленности в странах ЕАЭС и зарубежных странах, выявление основных сдерживающих факторов развития, нахождение оптимальных способов промышленной модернизации.

Материалы и методы (Methodology and methods). Теоретико-методологической базой исследования являются труды отечественных и зарубежных специалистов в области экономики. В ходе исследования применены системный, синергетический, комплексный подходы вместе с методами анализа и синтеза, статистического анализа, экспертных оценок.

Основная часть

Под цифровой трансформацией промышленности понимается процесс перехода промышленности из одного технологического строя в другой через применение цифровых и информационно-коммуникационных технологий. В широком смысле «цифровая промышленность» – это концепция, отражающая конечную цель оцифровки производства. Цифровая промышленность сочетает в себе физический и цифровой мир, который непрерывно собирает и передает данные через подключенные машины, устройства и производственные системы. Далее данные могут использоваться самооптимизирующимися устройствами или в рамках всей организа-

ции для упреждающего решения проблем улучшения производственных процессов и реагирования на новые требования [<https://tulip.co//glossary/what-is-a-smart-factory-and-what-it-means-for-you>].

По результатам исследования Всемирного экономического форума, цифровизация принесет большую прибыль в течение следующего десятилетия до 2025 г. около 30 трлн.долл. США дохода для мировой экономики.

При переходе или трансформации промышленности неизбежно вырисовываются основные проблемы, мешающие их потенциальному развитию. Так, промышленное производство в странах ЕАЭС занимает 8-е место в мире или 2,2% от мировой доли [<http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/ses.aspx>] это средний показатель, если учесть тот факт, что страны ЕАЭС способны выпускать конкурентоспособную и экспорт ориентированную продукцию. Преимуществом использования новых технологий является сокращение неуместных и недостаточно используемых производственных мощностей, снижение лишних затрат, сокращение времени простоя и минимизация отходов. Кроме того, с помощью данных механизмов предприятиям предоставляется возможность развития без дополнительных вложений как денежных, так и физических.

Цифровая промышленность сочетает в себе: искусственный интеллект, аналитику больших данных, облачные вычисления, Интернет вещей и другие «умные» производственные практики. С помощью данных гибких механизмов цифровое производство оптимально задействует процесс принятия решений (рис. 1).

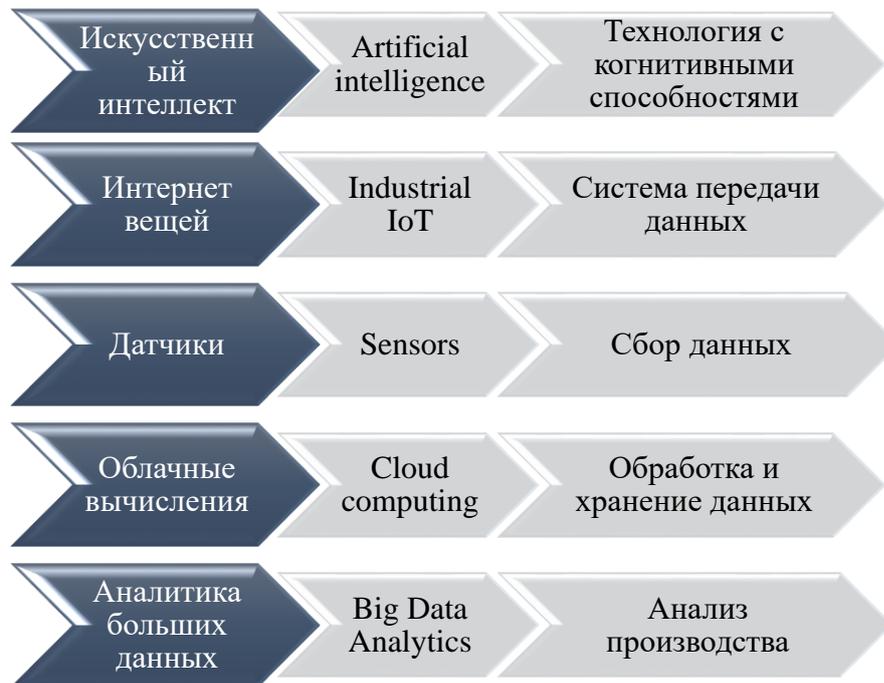

Рис. 1. Цифровое пространство промышленности
Fig. 1. The digital environment of industry

Соответствующими нормативными правовыми актами намечены шаги по планомерному переходу стран-участниц ЕАЭС к цифровизации, в том числе и в сфере промышленности. Так, к определенным достижениям пришла Республика Армения, где в сфере IT-технологий существуют около 400 компаний, а основная часть продукции направлена на экспорт. Среди них заметно выделяется представительство Microsoft. Инфраструктура цифровой экономики оснащена инновационными центрами, лабораториями. В наличии имеются цифровые платформы и ресурсы. Доля промышленности в ВВП в 2019 г. составила 18,1% [Статистический ежегодник, Армения, 2019]. Именно в 2019 году зафиксирован самый большой экономический рост. Наибольшая доля в ВВП приходится на обрабатывающую промышленность [<https://e-cis.info/news/567/85720>]. Вместе с тем устаревшие технологии в промышленности ухудшают экологическую ситуацию в стране.

Концепция цифровой экономики в Республике Беларусь построена таким образом, что отрасль IT индустрии развива-

ется вместе с подготовкой специалистов в этой области. Обеспечивается экспорт информационных технологий по всему миру из Белорусского парка высоких Технологий. Промышленный сектор в ВВП страны в 2019г. занимает 25,7%. [Промышленность Республики Беларусь, 2019]. Но некоторое технологическое отставание отмечается исследователями сферы промышленности от мировых лидеров. В Республике Казахстан, как и в других соседних странах также уделяется внимание развитию IT сектора. На данном сегменте рынка крупным является Центр исследовательских лабораторий, включающий 4 лаборатории и Технопарк. В структуре отраслей экономики в ВВП промышленность занимает 27,5% в 2019 году [Промышленность Казахстана и его регионов, 2020]. Сдерживающими факторами являются ограниченность финансовых ресурсов, нехватка квалифицированных кадров [<https://lsm.kz/kakie-problemy-ne-dayut-ocifrovat-kazahstan>].

В Кыргызской Республике вопрос развития IT сектора подкрепляется принятием ряда стратегических документов. В

инфраструктуре цифровой экономики представлен парк высоких технологий, ассоциация разработчиков программного обеспечения. Реализуются электронные, цифровые проекты. Сектор промышленности в ВВП в 2019 г. составил 17,9% [<http://stat.kg/ru/news/struktura-valovogo-vnutrennego-produkta-za-2019-god>]. Всего 6% промышленных предприятий внедряют инновационные технологии. Общий объем экспорта из Кыргызской Республики в 2018г. составил 1,76 млрд. долл. США, что более чем на 100 млн. долл. меньше по сравнению с 2008 годом [Стратегия устойчивого развития промышленности Кыргызской Республики на 2019-2023]. В основном, экспортируются товары обрабатывающей промышленности. В Российской Федерации сфера IT индустрии отмечена зарубежными СМИ как высокий уровень профессиональной подготовки специалистов. Инфраструктура цифровой экономики включает Ассоциацию кластеров и технопарков, а также действующие различные центры. Промышленность занимает в ВВП 30,3% [Социально-экономическое положение России, 2021]. Основным сдерживающим фактором роста промышленности является ухудшение делового и инвестиционного климата. По показателям 2016 года, на Россию пришлось 88,4% промышленной продукции в ЕАЭС, Казахстан-6,3%, Беларусь-4,6%. По удельному весу высокотехнологичных видов деятельности в общем объеме промышленного производства, то лидерами стали Россия (28%) и Беларусь (26%). В Казах-

стане данный показатель составил 9%, в Армении и Кыргызстане 4% и чуть более 2% [<https://kapital.kz/economic/61755/kak-razvivayetsya-promyshlennaya-politika-v-yeaes.html>].

Определенно имеются схожие проблемы в сфере промышленности у стран-партнеров, причиной является общее историческое наследие. Исследователями отмечается, что достигнутые определенные успехи в советское время были утеряны и не сохранены, что также повлияло негативно на текущее положение сферы промышленности. К примеру, в 1990-х годах была разрушена наукоемкая отрасль машиностроение, необходимое для разработки автоматических и полуавтоматических линий металлообработки и машиностроения [Яшина М.Н., Бочарова С.В., Пименов В.В., 2018]. Пандемия в 2020 г. послужила одним из сдерживающих условий развития промышленности на пути к цифровой трансформации. Негативные вызовы, с которыми столкнулись страны из-за карантинных мер вызвало остановку производства на многих предприятиях. Снизилась инвестиционная активность. Цепочка добавленной стоимости была нарушена особенно в таких секторах как производство продовольствия, лекарств, энергетики и т.д. [Место ЕАЭС в мире стратегических изменений]. Платформа ЮНИДО (UNIDO) предоставила данные индикаторов промышленного развития стран в 2018 году. Страны ЕАЭС заняли следующие позиции (таблица).

Таблица 1

Индекс конкурентоспособности сектора промышленности стран ЕАЭС среди 152 стран в 2018 г.

Table 1

Industrial Sector Competitiveness Index in the Eurasian Economic Union among 152 countries in 2018.

№	Страна	Тип экономики	Ранг
1.	Германия	Промышленно развитая страна	1
2.	Китай	Промышленно развитая страна	2
3.	Российская Федерация	Развивающаяся индустриальная экономика	32

№	Страна	Тип экономики	Ранг
4.	Республика Беларусь	Развивающаяся индустриальная экономика	47
5.	Республика Казахстан	Развивающаяся индустриальная экономика	68
6.	Республика Армения	Развивающаяся страна	103
7.	Кыргызская Республика	Развивающаяся страна	122

По данным:

<https://stat.unido.org/publications;jsessionid=646A8B7E3B27742FE3104FAEF1BFE061>

Индекс складывается из трех параметров: потенциал производства и экспорта промышленных товаров; техническое обновление и модернизация; последствия для всего мира. В свою очередь на данные показатели повлияли различные факторы: наличие природных ресурсов, природные, географические условия, разный экономический уровень развития стран, входящих в ЕАЭС. ЮНИДО определяет конкурентоспособность промышленности как способность стран увеличивать присутствие на международном и внутреннем рынках, сопровождающиеся развитием промышленных секторов и видов деятельности с более высокой добавленной стоимостью и технологическим контентом [Competitive Industrial Performance Report, (2020)]. На международном рынке привлекательность компании характеризуется лишь его конкурентоспособностью. Лидирующие места в данном рейтинге заняли Германия и Китай. В чем же кроется успех промышленных лидеров Германии и Китая?

На сайте Федерации немецкой промышленности BDI [<https://english.bdi.eu/topics/germany/digitalisation>] в разделе о немецкой мощи промышленности успех компаний видится в использовании цифровых платформ B2B. Расшифровывается business to business, «бизнес к бизнесу»- это маркетплейсы, интернет-платформы где продавцы и покупатели находят друг друга с целью заключения оптовых сделок. В 2018 году 67% компаний в сфере промышленности уже использовали цифровые платформы, то есть почти 7% добавленной стоимости в промышленном секторе и отраслевых

услугах, которые существенно зависят от использования платформ, это соответствует 112 млрд. евро. Немецкие компании все больше инвестируют в создание собственных платформ и включают их в свой портфель продуктов и услуг. Применение данных платформ включает как плюсы, так и минусы. В проведенном исследовании семь из десяти компаний заявили, что жизнеспособность компании они видят в создании цифровых платформ. В то же время почти каждая третья компания ответила, что цифровая платформа может поставить под угрозу существование компании. Основные причины: повышенное ценовое давление, потеря прямых отношений с клиентами, нечеткая правовая база для сотрудничества на этих платформах.

В следующих областях платформы могут использоваться в секторе B2B: анализ машинных и производственных данных на платформах промышленного Интернета вещей способно значительно повысить доступность лифтов, производственных машин и оборудования, поездов за счет сокращения внеплановых простоев. Более того, закупки и продажи можно сделать более эффективными за счет использования торговых площадок. Покупки на основе цифровых платформ позволяют сэкономить 41 процент. А с помощью логистических платформ можно значительно сократить километры пустых грузовиков и лучше использовать грузовое пространство грузовых самолетов. Немецкие компании являются мировыми лидерами в таких высокотехнологичных отраслях, как машиностроение, автомобилестроение, химическая промышленность, фармацев-

тика, электроника и авиакосмическая промышленность.

Китай инвестирует большие средства в ИТ индустрию, чтобы стать лидером четвертой промышленной революции. В Китае, как и в Германии распространено применение цифровых платформ. Одним из наиболее значимых из них является INDICS, созданный China Aerospace Science & Industry Corporation Limited (CASIC), государственное предприятие по выпуску ракет, находящимся под прямым контролем правительства. Стремление к

цифровым платформам сочетает корпоративные инициативы китайских интернет-гигантов с государственным стремлением интегрировать традиционные отрасли с использованием передовых наукоемких и коммуникационных технологий. По данным аналитического центра, связанного с Министерством промышленности и информационных технологий Китая, в 2017 году на цифровую экономику Китая приходилось 32,9% общего ВВП страны [<https://www.jri.co.jp/MediaLibrary/file/english/periodical/rim/2018/70.pdf>].

Рис. 2. Классификация цифровой экономики
 Fig. 2. Classification of the digital economy

По данным: <https://www.jri.co.jp/MediaLibrary/file/english/periodical/rim/2018/70.pdf>

На рисунке представлена классификация цифровой экономики по версии ЮНКТАД, где платформы и цифровые решения являются полностью цифровыми, а цифровой контент и электронная коммерция представляет собой смешанный вид деятельности. Кроме того, необходимо учесть, что одной из важнейших характеристик современного цифрового предприятия является его интеграция, то есть наличие корпоративной экосистемы, объединяющей не только системы автоматизации внутри предприятия, но и две другие в равной степени важные компоненты:

процессы и персонал [Novikov S., 2020]. По результатам опроса издания Harvard Business Review в 2017 году, 96% участвовавших респондентов (3000 чел.) ответили, что цифровая трансформация является для них приоритетом, но лишь 3% из них сумели реализовать свои инициативы. Данное исследование определило 10 барьеров компаний на пути к цифровой трансформации [<https://www.thirdrepublic.com/blog/barriers-digital-transformation>]:

1. Неспособность предприятий к переменам, экспериментам. Привычный уклад

имеющихся технологий устраивает большинство руководителей и, прежде чем они приступают к испытаниям новой технологии, данная инновация уже устаревает.

2. Устаревшие системы. Для многих предприятий отказ от замены старых систем на новые по-прежнему остается серьезным препятствием для успеха.

3. Неспособность работать вместе. Для достижения цифровых преобразований команды должны работать вместе. Это единая стратегия для всего предприятия.

4. Недостаточное взаимодействие между информационными технологиями и направлениями деятельности. 49% опрошенных респондентов назвали недостаточное сотрудничество проблемой на пути к цифровой трансформации.

5. Привычка ухода от риска. 47% опрошенных респондентов ответили, что уход от риска является реальным препятствием для их попыток к цифровой трансформации. По сути, цифровая трансформация требует риска и не все компании решаются на подобный шаг.

6. Управление преобразованиями. Чуть менее половины опрошенных респондентов заявили, что не готовы приступать к управлению цифровыми технологиями, поскольку цифровая трансформация представляет собой изменение всей системы.

7. Отсутствие корпоративного видения в отношении цифровых технологий. Цифровая трансформация предполагает наличие четкого видения и планирования, которое в действительности у многих компаний отсутствует.

8. Отсутствие таланта. С учетом темпов развития цифровой трансформации и технологических инноваций предприятиям необходимо уделять первоочередное внимание привлечению нужных специалистов и восполнению пробелов в их навыках, если у них есть хоть какая-то надежда на реализацию своих инициатив.

9. Недостаточный бюджет. Иногда проблема действительно заключается в нехватке средств, но иногда это может быть

нежелание высшего руководства реинвестировать бюджет в инициативы цифровой трансформации.

10. Кибербезопасность. Кибербезопасность представляет собой весьма ощутимую угрозу для успеха проектов цифровой трансформации, предприятиям необходимо иметь возможность защитить себя по мере того, как все больше информации перемещается в облако, а организации становятся все более зависимыми от технологий.

Заключение

Вхождение в Индустрию 4.0 сопровождается определенными изменениями в государствах ЕАЭС. Так, разработаны нормативные документы, осуществляются совместные проекты. Концепция создания условий для цифровой трансформации промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза и цифровой трансформации промышленности государств-членов Союза включает основные рекомендации: создание условий для цифровой трансформации промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС, дальнейшая интеграция с использованием средств интегрированной информационной системы и другие предложения. Вместе с тем, имеются проблемы, которые стоят на пути к промышленной цифровизации: устаревшие технологии в промышленности, нехватка специалистов в IT-индустрии, неблагоприятный инвестиционный климат и др.

На данный момент происходит процесс перехода предприятий к развитию высокотехнологичных отраслей производства и формированию нового информационного общества. Это увеличивает потребность в разработке и внедрении программного обеспечения, выпуска новой специализированной техники. В соответствии с новыми требованиями промышленные предприятия должны переориентировать свою работу на наукоемкую продукцию, увеличить объем инвестиций в научные исследования и увеличить показатели инвестиционной привлекательности. Кроме

того, данный процесс должен сопровождаться подготовкой специалистов в IT-индустрии.

Переход к цифровой промышленности открывает путь к модернизации цифровой экономики, увеличению темпов и эффективности развития на основе интенсивного использования отечественного интеллектуального потенциала и развития передовых технологий.

Список литературы

1. Благущ И.С., Кажуро Н.Я., 2019. Реализация экспортного потенциала промышленности Республики Беларусь: тенденции, факторы, перспективы//Наука и техника. 2019. 18 (1): 75-81.

2. Место ЕАЭС в мире стратегических изменений: сценарий «Собственный центр силы» на основе научно-технологического прорыва-долгосрочный ответ на вызовы глобального экономического кризиса, вызванного пандемией, 2020 г. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/f98/Doklad-Mesto-EAES-v-mire.pdf> (дата обращения: 29.06.21).

3. Промышленность Республики Беларусь, 2019 г. URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 15.06.21).

4. Промышленность Казахстана и его регионов, 2020 г. URL: <https://www.stat.gov.kz> (дата обращения: 06.07.21).

5. Статистический ежегодник, Армения, 2019 г. URL: <https://armstat.am/file/doc/99516788.pdf> (дата обращения: 25.06.21).

6. Социально-экономическое положение России, 2021 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/4fTGgalT/osn-05-2021.pdf> (дата обращения: 06.07.21).

7. Стратегия устойчивого развития промышленности Кыргызской Республики на 2019-2023 годы, 2019 г. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/files/2020-04/KGZ%20IDS%202019-2023_Russian%20original%20version.pdf (дата обращения: 30.06.21).

8. Яшина М.Н., Бочарова С.В., Пименов В.В., 2018. Модернизация промышленных предприятий в условиях цифровой экономики//Вестник СГСЭУ. 2018. №4 (73): 22-27.

9. Arto L., Karin V., Sari L-S., Marianne K. (2020), "Examining relational digital transformation through the unfolding of local practices of the Finnish taxi industry", Journal of Strategic Information Systems, 29, 1-21.

10. Competitive Industrial Performance Report, (2020), [Online], available at: <https://stat.unido.org/content/publications/competitive-industrial-performance-report-2020> (Accessed 7 July 2021).

11. Martin R. Hilbert (2001), From industrial economics to digital economics: an introduction to the transition. United Nations Publication, Santiago, Chile. 2001.

12. Novikov S. (2020), "Transformation of Industrial Enterprises in the Digital Economy", Research in World Economy, (11) 5, 2020: 90-99.

13. Thomas R., Carsten L. (2020), "Digitization capability and the digitalization of business models in business-to-business firms: Past, present, and future", Industrial Marketing Management, 86, 2020: 180-190.

References

1. Blagush I. S., Kazhuro N. Ya. (2019). Realization of the export potential of the industry of the Republic of Belarus: trends, factors, prospects//Science and technology. 2019. 18 (1): 75-81. (in Russian)

2. The place of the EAEU in the world of strategic changes: the "Own Center of Power" scenario based on a scientific and technological breakthrough-a long-term response to the challenges of the global economic crisis caused by the pandemic, 2020 URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/f98/Doklad-Mesto-EAES-v-mire.pdf> (accessed: 29.06.21). (in Russian)

3. Industry of the Republic of Belarus, 2019 URL: <https://www.belstat.gov.by/> (accessed: 15.06.21).

4. Industry of Kazakhstan and its regions, 2020 URL: <https://www.stat.gov.kz> (accessed: 06.07.21).

5. Statistical Yearbook, Armenia, 2019. URL: <https://armstat.am/file/doc/99516788.pdf> (accessed: 25.06.21).

6. Socio-economic situation of Russia, 2021 URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/4fTGgalT/osn-05-2021.pdf> (accessed: 06.07.21). (in Russian)

7. Strategy for Sustainable Industrial Development of the Kyrgyz Republic for 2019-2023, 2019.

URL: https://www.unido.org/sites/default/files/files/2020-04/KGZ%20IDS%202019-2023_Russian%20original%20version.pdf (accessed: 30.06.21).

8. Yashina M.N., Bocharova S.V., Pimenov V.V., (2018). Modernization of industrial enterprises in the digital economy//Bulletin of the SSUE. 2018. №4 (73): 22-27. (in Russian)

9. Arto L., Karin V., Sari L-S., Marianne K. (2020), "Examining relational digital transformation through the unfolding of local practices of the Finnish taxi industry", Journal of Strategic Information Systems, 29, 2020: 1-21.

10. Competitive Industrial Performance Report, (2020), [Online], available at: <https://stat.unido.org/content/publications/competitive-industrial-performance-report-2020> (Accessed 7 July 2021).

11. Martin R. Hilbert (2001), From industrial economics to digital economics: an introduction to the transition. United Nations Publication, Santiago, Chile.

12. Novikov S. (2020), "Transformation of Industrial Enterprises in the Digital Economy", Research in World Economy, (11) 5, 2020: 90-99. (in Russian)

13. Thomas R., Carsten L. (2020), "Digitization capability and the digitalization of business models in business-to-business firms: Past, present, and future", Industrial Marketing Management, 86, 2020: 180-190.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Эралиева Айсулуу Алиевна, кандидат экономических наук, и.о. доцента, Академия государственного управления при Президенте Кыргызской Республики, (г. Бишкек, Кыргызская Республика)

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0003-3447-3626>

Aisuluu A. Eralieva, PhD in Economics, Associate Professor, Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic, (Bishkek, Kyrgyz Republic)

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0003-3447-3626>

**ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
BRANCH AND REGIONAL ECONOMY**

DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-4

Антипин И.А.

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ КЛАСТЕРОВ
В РЕГИОНАХ РОССИИ**

Уральский государственный экономический университет
ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45, г. Екатеринбург, 620144, Россия

e-mail: aia87@mail.ru

Аннотация

Национальные цели, стратегические задачи развития Российской Федерации предполагают динамичный рост малого и среднего предпринимательства, но его современное состояние вызывает определенные опасения. В этих условиях необходим поиск и анализ новых форм работы, включая кластерную интеграцию. Цель работы – исследование потенциала кластерной организации малого и среднего предпринимательства, анализ особенностей функционирования современных предпринимательских кластеров в России. В результате установлено, что в ряде стран существуют кластеры, включающие только малые и средние предприятия. Такие кластеры могут создавать единую цепочку создания ценности и конкурировать на мировом рынке. При этом даже частичное проявление кластерных эффектов позитивно сказывается на предпринимательской деятельности. В определенной степени аналогичные тенденции имеют место и в России. Однако кластеры малых и средних предприятий в отечественной экономике слабо изучены и достаточно редко оформляются официально. Анализ российских кластеров малых и средних предприятий с институционально закрепленным статусом показал, что их создание часто зависит от субъективного фактора. Чаще к этому прибегают несырьевые регионы, нуждающиеся в новых точках роста. Кластеры малых и средних предприятий очень неравномерно распределены по территории России, и это обусловлено большим количеством «скрытых» кластеров. Среди видов экономической деятельности преобладают туризм и информационные технологии. Это можно объяснить повсеместным распространением предпринимательских структур соответствующего профиля. Период функционирования кластера не имеет статистически значимых связей с общей численностью работников и средней численностью на одно предприятие. Следовательно, необходимы дальнейшие более глубокие исследования проблем и особенностей функционирования таких кластеров, включая и неофициальные.

Ключевые слова: предпринимательство; малые и средние предприятия; кластер; регион; маршаллианские эффекты; пространственная организация экономики.

Информация для цитирования: Антипин И.А. Особенности формирования предпринимательских кластеров в регионах России // Научный результат. Экономические исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 51-60. DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-4

Ivan A. Antipin

**PECULIARITIES OF THE FORMATION OF CLUSTERS
OF ENTREPRENEURSHIP IN THE REGIONS OF RUSSIA**

«Ural State University of Economics», 62/45 8 Marta/Narodnoi Voli St.,
Yekaterinburg, 620144, Russia

e-mail: aia87@mail.ru

Abstract

The national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation imply the dynamic growth of small and medium-sized businesses, but its current state raises certain concerns. In these conditions, it is necessary to search and analyze new forms of work, including cluster integration. The purpose of the work is to study the potential of the cluster organization of small and medium-sized businesses and analyze the features of the functioning of modern business clusters in Russia. As a result, it was found that in a number of countries there are clusters that include only small and medium-sized enterprises. Such clusters can create a single value chain and compete in the global market. At the same time, even a partial manifestation of cluster effects has a positive effect on entrepreneurial activity. To a certain extent, similar trends are taking place in Russia. However, clusters of small and medium-sized enterprises in the domestic economy are poorly studied and are rarely formalized. An analysis of Russian clusters of small and medium-sized enterprises with an institutionally fixed status showed that their creation often depends on a subjective factor. More often this is resorted to by non-resource regions that need new points of growth. Clusters of small and medium-sized enterprises are very unevenly distributed over the territory of Russia, and this is due to the large number of “hidden” clusters. Tourism and information technology prevail among the types of economic activities. This can be explained by the ubiquitous spread of entrepreneurial structures of the corresponding profile. The period of operation of the cluster has no statistically significant relationships with the total number of employees and the average number of employees per enterprise. Consequently, further in-depth studies of the problems and features of the functioning of such clusters, including unofficial ones, are required.

Key words: entrepreneurship; small and medium-sized enterprises; cluster; region; Marshallian effects; spatial organization of the economy.

Information for citation: Antipin I. A. “Peculiarities of the formation of clusters of entrepreneurship in the regions of Russia”, *Research Result. Economic Research*, 7(3), 51-60, DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-4

Введение

Достижение национальных целей, стратегических задач развития малого и среднего предпринимательства России существенно осложняется реальными проблемами малых и средних предприятий (МСП), которые серьезно пострадали как от общего ухудшения экономической обстановки, так и от ограничений, связанных со сдерживанием распространения новой коронавирусной инфекции.

Современное состояние малого и среднего предпринимательства в большинстве регионов страны требует использования нетривиальных подходов, поскольку традиционные методы связаны со значительными затратами ресурсов и не гарантируют результата.

Региональной экономической науке хорошо известен значительный эффект использования прогрессивных форм пространственной организации, в частности, кластерной [Konstantynova A., Lehmann T., Дворяжкина Е.Б., Корчагина И.В., 2017; Мишура Н.А., 2012]. Участие в кластере обуславливает повышение конкурентоспособности участников за счет ряда маршаллианских эффектов, а также обеспечивает более продуктивное использование факторов производства. Поэтому формирование,

развитие, государственная поддержка кластеров рассматривается как один из мощных инструментов стимулирования разных секторов экономики.

Вместе с тем, потенциал кластеров в качестве стратегического направления развития малого и среднего предпринимательства довольно слабо изучен. В ряду традиционных подходов и инструментов поддержки МСП почти никогда не рассматриваются современные формы пространственной организации экономики.

Поэтому цель статьи – исследование потенциала кластерной организации МСП и анализ особенностей функционирования современных предпринимательских кластеров в России.

Основная часть

В настоящее время опубликовано ограниченное число работ, анализирующих кластеры МСП. Большинство кластеров строится на средообразующей роли крупных компаний, однако в таких структурах малое и среднее предпринимательство занимается в основном шлейфовым бизнесом, что ограничивает его возможности. Отдельные эмпирические исследования кластеров, состоящих только из МСП, проведены на материалах ряда развивающихся стран (таблица 1).

Таблица 1

Результаты эмпирических исследований кластеров МСП в зарубежных странах

Table 1

Results of empirical studies of SME clusters in foreign countries

Авторы исследования, год	Регион исследования	Основные выводы
Н. Sandee, S. van Hulsen, 2000	О. Ява, Индонезия	Есть примеры коллективного пользования оборудованием, что позволяет существенно повысить конкурентоспособность и выживаемость МСП
Т. Tambunan, 2009	Ряд стран Юго-Восточной Азии	Существуют разные варианты кластеров МСП, включая трансгородские, экспортноориентированные, работающие в рамках единой цепочки создания ценности, в них наблюдаются маршаллианские эффекты
М. Javidnia и др., 2012	Г. Семнан, Иран	Срок жизни МСП, входящих в кластер производства автомобильных деталей, достоверно выше вследствие доступа к инфраструктуре и включения в единую цепочку создания ценности

Авторы исследования, год	Регион исследования	Основные выводы
J. Shri Nihar Ranjan, 2017	Крупные города Индии	МСП в городах осуществляют совместные закупки и практикуют коллективное использование оборудования, что позволяет повысить производительность
Й.Э. Гули, 2019	Страны Западной Африки	МСП в рамках кластеров развиваются значительно успешнее, цепочки создания ценности обеспечиваются только МСП
S. Rahman, A. Kabir, 2019	Г. Кхулна, Народная республика Бангладеш	При выборе места для бизнеса предприниматели учитывают наличие подобных МСП рядом, которые обеспечивают поток покупателей, других кластерных эффектов не наблюдается
L. Kartika, 2020	Г. Богор, Индонезия	Во многих отраслях формируется замкнутый цикл создания ценности (от заготовки сырья до продажи) только МСП, без участия крупных

Как видно из данных таблицы 1, во многих странах и регионах мира наблюдаются феномены пространственной организации деятельности МСП, обладающие всеми или некоторыми признаками классического портеровского кластера. Благодаря совместной деятельности предприниматели повышают эффективность работы и конкурентоспособность на рынке.

Причем в отдельных случаях МСП формируют единую цепочку создания ценности. Следовательно, кластеризация обладает определенным потенциалом активизации малого и среднего предпринимательства, повышения его экономической безопасности, продуктивности работы.

Однако кластеры МСП России изучены пока недостаточно. Отдельные авторы отмечают наличие некоторых кластерных эффектов в сегменте МСП и потенциал повышения зрелости кластеров [Крюкова И.В., 2014; Гусева М.С., Амелькина Д.В., 2016]. Представляется, что пространственная близость, действительно, часто влечет за собой конкуренцию и (или) сотрудничество предпринимателей, в результате чего возникают хотя бы отдельные маршаллианские эффекты (например, коллективные закупки или совместное использование некоторых активов).

Появление кластеров – достаточно сложный эволюционный процесс, возмож-

ность «ускорения» которого административными мерами и выделением ресурсов неочевидна. К основным факторам зарождения и эволюции кластеров МСП принято относить не только агломерационный эффект (пространственную близость), но также наличие, доступность технологий, компетенций, финансовых ресурсов и инфраструктуры [Бувальцева В.И., Корчагина И.В., 2011; Швец И.Ю., 2015].

Разумеется, наиболее благоприятные условия для формирования серьезных кластеров МСП складываются в крупных городах с насыщенным потребительским спросом. Так, в южных регионах России отмечаются кейсы кластерной интеграции индустрии гостеприимства [Гладкая С.В., Саламатина В.С., 2019], в городах с численностью населения более 1 млн. чел. – в строительной индустрии [Родионов А.П.,

Немногочисленные эмпирические исследования свидетельствуют, что потенциал кластерной интеграции МСП не реализован до конца, как вследствие объективных причин, так и незаинтересованности самих предпринимателей, недоверия по отношению к государству и друг к другу. В частности, в Калининградской области существует критическая масса МСП, самозанятых для появления конкурентоспособного ремесленного кластера, но по-

тенциальные участники совершенно не желают попадать в поле зрения государства, участвуя в официальных проектах по кластеризации [Лисевич А.В., Огнева Н.Ф., 2017].

Исследование МСП г. Кемерово показало, что сложились, как минимум, два кластера автосервисных предприятий, где наблюдаются обмен информацией, компетенциями, участие в единых цепочках создания ценности и коллективные закупки, но степень контактов и доверия недостаточна, поэтому, в частности, никто не занимается совместным приобретением и эксплуатацией сложного оборудования [Акулов А.О., 2021].

Таким образом, необходимы дальнейшие исследования процессов кластеризации в качестве одного из стратегических направлений развития российского малого и среднего предпринимательства. Пред-

ставляет интерес эмпирический анализ показателей и практик работы уже существующих кластеров МСП. Для этого были использованы материалы «Карты кластеров России», составленной Российской кластерной обсерваторией Института статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики <https://map.cluster.hse.ru/list> (дата обращения

и
 я Учитывая существующие критерии отнесения предприятий к категории МСП, в исследовании рассматриваются кластеры, совокупная численность персонала которых не превышает 500 человек (при количестве резидентов более 10 организаций это включает наличие в составе кластеров крупных предприятий). Характеристики выбран-

Характеристики российских кластеров малых и средних предприятий Таблица 2

Characteristics of Russian clusters of small and medium enterprises Table 2

Название кластера	Расположение	Год создания	Отраслевая принадлежность	Число резидентов	Численность персонала
Кластер цифровой экономики	Центральный федеральный округ (ФО), Брянская область	2019	Информационные технологии	20	150
Туристский кластер	Центральный ФО, Орловская область	2016	Туризм	21	21
Научно-промышленный кластер приборостроения и электроники	Центральный ФО, Орловская область	2014	Микроэлектроника, приборостроение	18	27
IT кластер	Центральный ФО, Пензенская область	2013	Информационные технологии	11	202
«Рязанский»	Центральный ФО, Рязанская область	2011	Туризм	12	413
Туристско-рекреационный кластер	Северо-Западный ФО, Мурманская область	2015	Туризм	12	59
Кластер северного дизайна	Северо-Западный ФО, Мурманская область	2018	Деловые услуги	12	90

Название кластера	Расположение	Год создания	Отраслевая принадлежность	Число резидентов	Численность персонала
Кластер водоснабжения и водоотведения	Северо-Западный ФО, Санкт-Петербург	2015	Переработка отходов	12	180
Кластер туристической отрасли	Южный ФО, Ростовская область	2017	Туризм	10	89
Кластер производителей мебели, деревообработки и смежных отраслей	Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия)	2009	Деревообработка	11	78
«Северная мозаика»	Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия)	2011	Туризм	13	88

Анализ данных таблицы 2 позволяет сделать ряд выводов относительно современного состояния и перспектив развития кластеров МСП в России. Прежде всего, они крайне неравномерно распределены по территории страны, на три субъекта Российской Федерации из 85 приходится 6 кластеров из 11 или около 55%. В целом кластеры МСП представлены только в 8 регионах, что составляет абсолютное меньшинство.

При этом все регионы, имеющие кластеры МСП, не относятся к лидерам социально-экономического развития (за исключением г. Санкт-Петербурга), что несколько противоречит теоретическим установкам. Кластеры МСП должны чаще встречаться в наиболее развитых регионах и крупных городах, однако в России это оказывается не так.

Тем не менее, как полагает автор, это объясняется влиянием субъективного фактора (позиция органов власти субъекта РФ, предпринимательского сообщества, заинтересованность в официальном создании кластера), а не объективными особенностями пространственного распределения кластеров МСП. Значительная часть реально существующих предпринимательских кластеров не имеет никакого официального статуса в силу отсутствия мотивации бизнеса и власти институционально

оформлять их.

Большинство официально признанных кластеров МСП концентрируется в Центральной России и на северо-западе страны, в Приволжском, Уральском, Сибирском федеральных округах их нет. Это также можно связать с большей активностью несырьевых регионов в сфере поиска новых форм стимулирования экономического роста.

Что касается отраслевой принадлежности, то самой «популярной» специализацией кластеров МСП является туризм (5 из 11 кластеров или около 45%). В то же время эти кластеры действуют в регионах, не являющихся главными туристическими центрами страны, и не обладающих серьезными конкурентными преимуществами для развития данной сферы деятельности (за исключением, возможно, Ростовской области). Например, если говорить о Мурманской области или Республике Саха (Якутия), все же туризм в условиях Крайнего Севера крайне сложно сделать массовым в силу его экстремальности. Судя по всему, многие регионы Центрального федерального округа, находясь в довольно сложном экономическом положении, стараются максимально использовать любые шансы для повышения деловой активности.

При этом в традиционно туристиче-

ских регионах России, например, в Краснодарском крае, никаких кластеров туризма и гостеприимства официально не существует, хотя кластерная самоорганизация МСП, видимо, имеет место. Представляется, что туристические кластеры формируются сравнительно часто потому, что этот вид деятельности не является капиталоемким, а какие-то МСП в этой сфере есть практически повсеместно.

Тем не менее, туристические кластеры МСП сложно считать серьезными игроками, хотя бы учитывая численность их персонала. Три кластера МСП, так или иначе, связаны с информационными технологиями и производством электроники, что также является перспективной сферой деятельности для малого и среднего предпринимательства, учитывая малую капиталоемкость и невысокие барьеры для входа.

Наряду с этим, обращает на себя внимание весьма низкая средняя численность персонала МСП, участвующих в кластерах. В случае с туристским кластером Орловской области, судя по всему, имеет место техническая ошибка при формировании базы данных (у всех участников указана численность персонала в 1 человек, что вряд ли реально). Но и в других кластерах средняя численность сотрудников одного МСП варьируется от 2 до 35 человек, что указывает на миниатюризацию таких хозяйствующих субъектов.

Причем ни общая численность персонала всех участников кластера, ни средняя численность сотрудников у одного МСП не коррелирует с возрастом кластера (коэффициенты корреляции составляют 0,3432 и 0,2710). Длительный срок существования кластера не гарантирует роста. Поэтому и сложно говорить о наличии единых цепочек создания ценностей, которые бы обеспечивали повышение конкурентоспособности МСП.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что существование кластеров, вклю-

чающих только МСП, вполне возможно и это подтверждается мировым опытом. В различных государствах существуют интеграционные территориальные группировки предпринимательских структур. В ряде случаев они функционируют как классические портеровские кластеры с единой цепочкой создания ценности, продукт которой вполне конкурентоспособен даже на глобальном рынке. В таких кластерах в полном объеме проявляются маршаллианские эффекты, обуславливающие более продуктивное использование труда и капитала. Но даже и отдельные кластерные эффекты существенно повышают выживаемость и производительность МСП, поэтому кластеризация является стратегически важным направлением развития предпринимательства в стране.

В то же время российские кластеры МСП пока недостаточно изучены, хотя примеры кластерной организации предпринимательства, несомненно, есть. В этой связи изучение официально признанных российских кластеров МСП показало ряд их особенностей и тенденций развития. Во-первых, на институциональное оформление кластеров влияет в первую очередь субъективный фактор – позиция властей региона и (или) предпринимательского сообщества. Довольно многочисленные кейсы кластерного взаимодействия редко получают официальное закрепление в силу незаинтересованности и недостатка взаимного доверия. Поэтому пространственное распределение «официальных» кластеров не коррелирует с уровнем экономического развития, потребительского спроса и наличием крупных городов.

Более активны в создании кластеров регионы с ограниченным потенциалом традиционных отраслей, стремящиеся создать новые «точки роста» в региональной экономике. Именно этим обусловлено активное создание туристических кластеров и в принципе заинтересованность в видах деятельности со свободным пространственным размещением и невысокой капиталоемкостью. Реальным материальным

производством кластеры МСП почти не занимаются, поскольку оно более продуктивно в рамках крупных производственных комплексов.

Анализ показывает, что размеры кластеров МСП и отдельных субъектов предпринимательской деятельности, в них входящих, остаются довольно скромными, причем срок работы кластера никак не коррелирует ни с общим количеством занятых, ни со среднесписочной численностью у одного предпринимателя в среднем. Судя по всему, это говорит о проблемах в функционировании кластеров, когда не удается реализовать маршаллианские эффекты, а также о практиках сугубо номинального создания такого рода структур. Поэтому необходимы дальнейшие исследования особенностей эволюции кластеров МСП, включая неформальные, для выработки новых подходов к развитию малого и среднего предпринимательства в стране.

Список литературы

1. Акулов А.О., 2021. Неформальные кластеры малых и средних предприятий в муниципальной экономике (кейс кластеризации автосервисов города Кемерово) // Муниципалитет: экономика и управление. №1., 2021: 36-51. DOI: 10.22394/2304-3385-2021-1-36-51.
2. Бувальцева В.И., Корчагина И.В., 2011. Идентификация факторов кластеризации малых предприятий в промышленно-развитых регионах (на примере Кемеровской области) // *n Social Science Journal*. №3., 2011:
3. Гладкая С.В., Саламатина В.С., 2019. Инвестиционная деятельность туристических кластеров как средство формирования международного туристского предпринимательства // *of Economic Regulation*. Т. 10. №4., 2019: 47-53.
4. Гули Й.Э. (2019). Агропромышленные кластеры в странах Западной Африки // *Путеводитель предпринимателя*. №43., 2019: 72–85.
5. Гусева М.С., Амелькина Д.В., 2016. Государственная поддержка малого инновационного предпринимательства в кластере: потребности, ресурсы и возможности // *Ars Administrandi*. №3., 2016: 66-84.
6. Дворядкина Е.Б., Корчагина И.В., 2017. Тенденции кластерного развития промышленного региона: роль кластеров малых и средних предприятий (на примере Кемеровской области) // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. №2. Номер статьи 5011, 2011. Режим доступа: 13.07.2021).
7. Крюкова И.В., 2014. Концепция кластерной организации предпринимательской деятельности в сфере гостеприимства (на примере Вологодской области) // *Экономика и управление*. №4., 2014: 99-105.
8. Лисевич А.В., Огнева Н.Ф., 2017. Региональный ремесленный кластер: развитие посредством идей социального предпринимательства // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: Экономика и управление. №3., 2017: 100-105.
9. Мишура Н.А., 2012. Кластерная организация экономики: к вопросу об идентификации кластера // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. Т. 8. №43., 2012:
10. Родионов А.П., 2016. Экономическое развитие региона на основе формирования кластера малого предпринимательства промышленности строительных материалов // *Российское предпринимательство*. Т. 17. №8.,
11. Швец И.Ю., 2015. Формирование кластеров как рыночных инструментов пространственного развития предпринимательства // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ)*. Серия: Социально-экономические науки. №5., 2015:
12. Chatterji A., Glaeser E., Kerr W. (2014). Clusters of entrepreneurship and innovation // *Innovation policy and the economy*. Vol. 14., 2014: 129-166. DOI: 10.1086/674023.
13. Javidnia M., Tavangar A., Astanbous M., Armoun Z. (2012). An empirical study on the effects of industrial clusters on small and medium enterprises // *Management Science Letters*. Vol. 2, no. 6. P. 1965-1974. DOI: 10.5267/j.msl.2012.06.025.
14. Kartika L. (2020). Strategies for developing sustainable and competitive cluster for handicrafts – based small medium enterprise (SME) // *Transactions on Machine Learning and Artificial Intelligence*. Vol. 8, no. 3. P. 11-20. DOI: 10.14738/tmlai.83.8218.
15. Konstantynova A., Lehmann T. (2017). Cluster activities in different institutional envi-

ronments. Case studies of ICT-Clusters from Austria, Germany, Ukraine and Serbia // *Administrative Sciences*. Vol. 7, no. 2. Article number 11. DOI: 10.3390/admsci7020011.

16. Rahman S., Kabir A. (2019). Factors influencing location choice and cluster pattern of manufacturing small and medium enterprises in cities: evidence from Khulna City of Bangladesh // *Journal of Global Entrepreneurship Research*. Vol. 9. Article number 61. DOI: 10.1186/s40497-019-0187-x.

17. Sandee H., van Hulsen S. (2000). Business development services for small and cottage industry clusters in Indonesia. A review of case studies from Central Java // *Business Services for Small Enterprises in Asia: Developing Markets and Measuring Performance: International Conference (Hanoi, Vietnam)*. URL: <http://value-chains.org/dyn/bds/docs/118/sandee.htm> (accessed 20.07.2021).

18. Shri Nihar Ranjan J. (2017). The micro, small & medium enterprises (MSMEs) manufacturing sector in India: Role of MSME clusters and the idea of MSME manufacturing cluster density // *IOSR Journal of Economics and Finance*. Vol. 8, no. 5. P. 49–59. DOI: 10.9790/5933-0805014959.

19. Tambunan T. (2009). Export-oriented small and medium industry clusters in Indonesia // *Journal of Enterprising Communities: People and Places in the Global Economy*. Vol. 3, no. 1. P. 25–58. DOI: 10.1108/17506200910943661.

References

1. Akulov A.O. (2021). Informal clusters of small and medium-sized enterprises in the municipal economy (the case of clustering car services in the city of Kemerovo) // *Municipality: Economics and Management*. No. 1., 2021: 36-51. DOI: 10.22394/2304-3385-2021-1-36-51. (in Russian)

2. Buvaltseva V.I., Korchagina I.V. (2011). Identification of factors of clustering of small enterprises in industrially developed regions (on the example of the Kemerovo region) // *European Social Science Journal*. No. 3., 2011: 312-320. (in Russian)

3. Smooth S.V., Salamatina V.S. (2019). Investment activity of tourism clusters as a means of forming international tourism entrepreneurship // *Journal of Economic Regulation*. Vol. 10, no. 4., 2019: 47-53. DOI: 10.17835/2078-5429.2019.10.4.047-053. (in Russian)

4. Guli Y.E. (2019). Agro-industrial clusters

in West African countries // *Entrepreneur's Guide*. No. 43., 2016: 72-85. (in Russian)

5. Guseva M.S., Amelkina D.V. (2016). State support of small innovative entrepreneurship in the cluster: needs, resources and opportunities // *Ars Administrandi*. No. 3., 2016: 66-84. (in Russian)

6. Dvoryadkina E.B., Korchagina I.V. (2017). Trends in cluster development of an industrial region: the role of clusters of small and medium-sized enterprises (on the example of the Kemerovo region) // *Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal*. No. 2. Article number 5011. Accessed: <http://ee-region.ru/article/5011/>. (Accessed 13 July 2021). (in Russian)

7. Kryukova I.V. (2014). The concept of cluster organization of entrepreneurial activity in the field of hospitality (on the example of the Vologda region) // *Economics and Management*. No. 4., 2014: 99-105. (in Russian)

8. Lisevich A.V., Ogneva N.F. (2017). Regional craft cluster: development through the ideas of social entrepreneurship // *Bulletin of Tver State University. Series: Economics and Management*. No. 3., 2017: 100-105. (in Russian)

9. Mishura N.A. (2012). Cluster organization of the economy: on the issue of cluster identification // *National interests: priorities and security*. Vol. 8, no. 43., 2012: 37-44. (in Russian)

10. Rodionov A.P. (2016). Economic development of the region based on the formation of a small business cluster in the building materials industry // *Russian Journal of Entrepreneurship*. Vol. 17, no. 8., 2016: 999-1010. (in Russian)

11. Shvets I.Yu. (2015). Formation of clusters as market instruments for the spatial development of entrepreneurship // *Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences*. No. 5., 2015: 14-21. (in Russian)

12. Chatterji A., Glaeser E., Kerr W. (2014). Clusters of entrepreneurship and innovation // *Innovation Policy and the Economy*. Vol. 14., 2014: 129-166. DOI: 10.1086/674023.

13. Javidnia M., Tavangar A., Astanbous M., Armoun Z. (2012). An empirical study on the effects of industrial clusters on small and medium enterprises // *Management Science Letters*. Vol. 2, no. 6., 2012: 1965-1974. DOI: 10.5267/j.msl.2012.06.025.

14. Kartika L. (2020). Strategies for developing sustainable and competitive cluster for

handicrafts – based small medium enterprise (SME) // Transactions on Machine Learning and Artificial Intelligence. Vol. 8, no. 3., 2020: 11–20. DOI: 10.14738/tmlai.83.8218.

15. Konstantynova A., Lehmann T. (2017). Cluster activities in different institutional environments. Case studies of ICT-Clusters from Austria, Germany, Ukraine and Serbia // Administrative Sciences. Vol. 7, no. 2., 2017. Article number 11. DOI: 10.3390/admsci7020011.

16. Rahman S., Kabir A. (2019). Factors influencing location choice and cluster pattern of manufacturing small and medium enterprises in cities: evidence from Khulna City of Bangladesh // Journal of Global Entrepreneurship Research. Vol. 9. Article number 61., 2019. DOI: 10.1186/s40497-019-0187-x.

17. Sandee H., van Hulsen S. (2000). Business development services for small and cottage industry clusters in Indonesia. A review of case studies from Central Java // Business Services for Small Enterprises in Asia: Developing Markets and Measuring Performance: International Conference (Hanoi, Vietnam). URL: <http://valuechains.org/dyn/bds/docs/118/sandee.htm> (accessed 20.07.2021).

18. Shri Nihar Ranjan J. (2017). The micro, small & medium enterprises (MSMEs) manufacturing sector in India: Role of MSME clusters and the idea of MSME manufacturing cluster density // IOSR Journal of Economics and Finance. Vol. 8, no. 5., 2017: 49-59. DOI: 10.9790/5933-0805014959.

19. Tambunan T. (2009). Export-oriented small and medium industry clusters in Indonesia // Journal of Enterprising Communities: People and

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Антипин Иван Александрович, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург, Россия)

Ivan A. Antipin, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Regional, Municipal Economics and Management, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

**ЭКОНОМИКА, УПРАВЛЕНИЕ И УЧЕТ НА ПРЕДПРЕЯТИИ
ECONOMICS, MANAGEMENT AND BUSINESS ACCOUTING**

УДК 658.114:657.6

DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-5

Грузневич Е.С.

**ОЦЕНКА СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ:
СУЩНОСТЬ И МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет»,
пр-т Московский, 72, Витебск, 210035, Республика Беларусь

e-mail: gruzs@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрена сущность и разработаны критерии сравнения дефиниций «оценка», «анализ», «оценка деятельности», «анализ деятельности», «оценка эффективности деятельности». Предложен новый подход к определению эффективности – социо-эколого-экономический, который в отличие от традиционного её представления, соответствует современным тенденциям экономики и глобальному императиву устойчивого развития. Сформулировано авторское определение категории «оценка социо-эколого-экономической эффективности деятельности организации». Разработан методический подход к оценке социо-эколого-экономической эффективности деятельности предприятия на основе факторного анализа. Для каждого аспекта эффективности определен ключевой показатель. Преимуществом авторского подхода является возможность установить взаимосвязь между отдельными составляющими – включить в социальный и экологический аспекты индикаторы экономического аспекта, тем самым исследовать зависимости между ними.

Ключевые слова: оценка эффективности деятельности организации; социо-эколого-экономическая эффективность; ключевые показатели аспектов эффективности; факторный анализ.

Информация для цитирования: Грузневич Е.С. Оценка социо-эколого-экономической эффективности деятельности организации: сущность и методический подход // Научный результат. Экономические исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 61-70. DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-5

**Katerina S.
Gruznevich**

ASSESSMENT OF THE SOCIO-ECOLOGICAL AND ECONOMIC EFFICIENCY OF THE ORGANIZATION: THE ESSENCE AND METHODOLOGICAL APPROACH

Vitebsk State Technological University, 72 Moskovsky Ave.,
Vitebsk, 210035, Republic of Belarus,

e-mail: gruzs@mail.ru

Abstract

The article considers the essence and developed criteria for comparing the definitions of “assessment”, “analysis”, “performance evaluation”, “performance analysis”, “performance evaluation”. The author proposes a new approach to the definition of efficiency – socio-ecological-economic, which in contrast to the traditional representation, is consistent with modern economic trends and the global imperative of sustainable development. The author's definition of the category “assessment of socio-environmental and economic efficiency of the organization” was formulated. The methodical approach to the assessment of socio-environmental and economic efficiency of the enterprise based on the factor analysis was developed. For each aspect of efficiency the key indicator was determined. The advantage of the author's approach is the opportunity to establish the relationship between the individual components – to include indicators of the economic aspect in the social and environmental aspects, thereby investigating the relationship between them.

Key words: assessment of the effectiveness of the organization; socio-ecological and economic efficiency; key performance indicators; factor analysis

Information for citation: Gruznevich K. S. “Assessment of the socio-ecological and economic efficiency of the organization: the essence and methodological approach”, *Research Result. Economic Research*, 7(3), 61-70, DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-5

Введение

На современном этапе основной целью деятельности предприятий является не только получение коммерческого эффекта в виде прибыли, но и их стабильное развитие, которое зависит от здоровья людей и качества окружающей среды. Понимание этого формирует новый взгляд на предприятие – только умеренное потребление ресурсов, сохранение природной среды ради будущих поколений может сделать организацию эффективной в долгосрочной перспективе. Поэтому традиционное представление данной категории с позиции достижение только экономических целей уже недостаточно. Для того чтобы быть эффек-

тивной организации необходимо учитывать еще и социо-экологические аспекты деятельности. Понимание этого ведет к необходимости взглянуть на эффективность с социо-эколого-экономической позиции, что требует уточнения и разработки понятийно-категорийного аппарата и нового подхода к ее оценке.

Цель статьи – сформировать определение понятия «оценка социо-эколого-экономической эффективности деятельности организации» на основе синтеза категорий, которые ее образуют, и предложить авторский подход к ее оценке на основе факторного анализа.

Основная часть

Содержание категорий «оценка» и «анализ» в различных областях науки и практики разнообразно. Несмотря на это, в общепризнанных толковых словарях [Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю., 2006; Ефремова Т. Ф., 2010; Грицанов А. А., 2003] определяется, что оценка – это мнение или

суждение, в то время как под анализом в большинстве случаев понимается разделение целого, сложного на простые элементы. Из чего следует, что эти категории не тождественны, а для их разграничения предлагается использовать следующее критерии (таблица 1):

Таблица 1

Критерии сравнения категорий «анализ» и «оценка»

Table 1

Criteria for comparing categories "analysis" and "evaluation"

Критерий сравнения	Анализ	Оценка
Морфологический признак	Метод	Мнение, способ
Емкость категории	Более емкая категория	Менее емкая категория (завершающая часть анализа)
Этап проведения	Первостепенная категория	Последующая категория
Авторство	Носит объективный характер	Носит субъективный характер

Анализ первостепенен, оценка в свою очередь основывается на результатах анализа и является его завершающим этапом. Анализ не учитывает субъективное мнение автора, который ее проводит, оценка же напротив, носит субъективный характер, подвержена влиянию личности автора, ангажирована. Личность автора позволяет получить разные оценки, основанные на одних и тех же результатах анализа. Исходя из разработанных критериев (табл. 1), можно определить, что анализ – это метод научного познания, основанный на разделении сложного на простые аспекты, которые подлежат дальнейшему изучению. Оценка – способ, на основании которого можно взискать мнение о значимости какого-либо действия, объекта или явления, сформированное на завершающем этапе анализа, которое носит субъективный характер и зависит от личности автора.

Парадоксальным является, что ученые-экономисты не приводят определений категорий «анализ деятельности» и «оценка деятельности», поэтому, на наш взгляд, для их понимания данные термины необходимо сузить, конкретизировать и рассмотреть с позиции экономической науки, специфичным для которой являются кате-

гории «анализ хозяйственной деятельности», «комплексный анализ хозяйственной деятельности», «анализ финансово-хозяйственной деятельности», «экономический анализ хозяйственной деятельности». Идеи анализа хозяйственной деятельности нашли свое отражение в работах профессоров, таких как: А. Д. Шеремет и Е. В. Негашев [2020], М. В. Мельник и Е. Б. Герасимова [2020], Г. В. Савицкая [2019], М. А. Вахрушина [2008], В. В. Ковалев и О. Н. Волкова [2010] и многих других. Классики определяют, что экономический анализ – это научный способ познания сущности экономических явлений и процессов [Савицкая Г. В., 2019], средство получения цельного знания о хозяйственной деятельности [Шеремет А. Д., Негашев Е. В., 2020], научно-практическое направление, изучающее различные аспекты деятельности организаций [Вахрушина М. А., 2008]. Синтезируя мнения авторов, под анализом деятельности будем понимать метод научного познания, основанный на разделении деятельности организации на аспекты, которые подлежат дальнейшему изучению, во всем многообразии связей и зависимостей. В свою очередь, оценка деятельности – это способ, на ос-

новании которого можно взыскать мнение об эффективности или результативности различных аспектов деятельности организации, сформированное на завершающем этапе анализа деятельности, которое носит субъективный характер и зависит от личности автора.

Понятие «эффективность» в экономической науке и практической деятельности занимает одно из центральных мест и подвергается постоянному исследованию многих авторов. Подробное исследование категории проведено в статье [Грузневич Е. С, Щелкунова З.И., 2017]. Традиционное понимание эффективности рассматривает ее как соотношение результата финансово-хозяйственной деятельности предприятия к затратам и выражает ни что иное как экономическую эффективность. Однако, такой классический общепризнанный подход в современных условиях, на наш взгляд, является уже достаточно ограниченным. Нет сомнений в том, что производство негативно отражается на окружающей среде и здоровье населения, и это должно учитываться при оценке. Поэтому, на наш взгляд, эффективность необходимо рассматривать с позиции со-

цио-эколого-экономического подхода, который отвечает современным тенденциям экономики и глобальной концепции устойчивого развития. Под социо-эколого-экономической эффективностью предлагается понимать состояние, при котором величина взаимосвязанного социо-эколого-экономического эффекта превышает суммарные затраты на его получение.

Возвращаясь к вопросу сущности категорий «оценка деятельности» и «оценка эффективности деятельности» можно отметить следующее. Ученые [Шермет А. Д., Негашев Е. В., 2020; Савицкая Г. В., 2019; Вахрушина М. А., 2008; В. В. Ковалев и О.Н. Волкова, 2010] придерживаются мнения, что анализ эффективности деятельности является частью анализа хозяйственной деятельности. Из этого следует, что оценка деятельности является более емкой категорией, которая рассматривается как самостоятельное научное направление, включает различные аспекты, эффективность является один из них. Для разграничений категорий предлагается использовать следующие критерии сравнения (таблица 1):

Таблица 2

Критерии сравнения «оценка деятельности» и «оценка эффективности деятельности»

Table 2

Comparison criteria "performance assessment" and "performance assessment"

Критерий сравнения	Оценка деятельности	Оценка эффективности деятельности
Емкость категории	Более емкая категория	Менее емкая категория
Применяемый инструментарий	Может быть оценена любым методом, характерным для экономической науки	Имеет характерные данной категории методы и методики оценки
Дискуссионность в научных публикациях	Не рассматривается в научных публикациях как отдельная категория	Является дискуссионной, проводятся многочисленные исследования
Этап проведения	На любом этапе торго - производственного цикла	На завершающем этапе анализа деятельности предприятия

Основное назначение анализа и оценки деятельности – это формирование

информационной базы для принятия оптимальных управленческих решений. Одна

категория не может существовать без другой, что подтверждает их тесную связь, однако они имеют свои особенности, что делает их нетождественными и целесообразными в использовании в том или ином случае. Оценка эффективности деятельности является дискуссионной категорией, составной частью анализа предприятия, которая выполняется на завершающем этапе, имеет специфический инструментарий.

Синтезируя рассмотренные дефиниции, можно определить, что оценка социо-эколого-экономической деятельности предприятия – способ, на основании которого можно выискать мнение о социо-эколого-экономической эффективности деятельности предприятия, сформированное на завершающем этапе анализа, име-

ющее выраженный авторский стиль.

Для оценки социо-эколого-экономической эффективности деятельности предприятия объективным является применение факторных моделей. На практике этот подход позволяет определить влияние изменения факторов на изменение результирующего показателя, и установить взаимосвязь между отдельными составляющими – включить в социальный и экологический аспекты индикаторы экономического аспекта, тем самым исследовать зависимости между ними, что было отражено в авторском определении данной категории.

Наглядно, подход может быть представлен в виде следующей схемы:

Рис. 1 Подход к оценке социо-эколого-экономической эффективности на основе факторного анализа

Fig.1. An approach to assessing socio-ecological-economic efficiency based on factor analysis

Моделирование показателя рентабельности продаж осуществлялось на основе ресурсно-затратного подхода, который характеризует эффективность использования ресурсов – основных средств (фондоотдача, фондовооруженность труда), оборотные средства (оборотная фондоемкость), трудовых ресурсов (трудоемкость продукции), и показателя, характеризующего эффектив-

ность сбытовой деятельности (коэффициент соотношения объема производства к выручке от реализации). При расчете ключевого показателя экономического аспекта объективно использовать прибыль от реализации, так как рентабельность продаж характеризует эффективность основной деятельности.

Факторная модель рентабельности продаж предстала формулой:

$$R_{\text{пр}} = R_{\text{ОбС}} \times \Phi_{\text{еОбС}} \times \Phi_{\text{o}} \times \Phi_{\text{в}} \times T_{\text{e}} \times K_{\text{с}} \quad (1)$$

где $R_{\text{ОбС}}$ – рентабельность оборотных средств, %;

$\Phi_{\text{еОбС}}$ – оборотная фондоемкость, руб.;

Φ_{o} – фондоотдача основных средств, руб.;

$\Phi_{\text{в}}$ – фондовооруженность труда, тыс. руб./чел.;

T_{e} – трудоемкость продукции, чел./тыс. руб.

$K_{\text{с}}$ – коэффициент соотношения объема производства к выручке от реализации продукции, коэфф.

Разложив каждый показатель, включенный в модель, получим:

$$R_{\text{пр}} = \frac{\text{Пр}}{\text{ОбС}} \times \frac{\text{ОбС}}{\text{ОП}} \times \frac{\text{ОП}}{\text{ОС}} \times \frac{\text{ОС}}{\text{ССЧ}} \times \frac{\text{ССЧ}}{\text{ОП}} \times \frac{\text{ОП}}{\text{В}}, \quad (2)$$

где Пр – прибыль от реализации продукции, работ, услуг, тыс. руб.;

ОбС – среднегодовая стоимость оборотных средств, тыс. руб.;

ОП – объем производства продукции, работ, услуг, тыс. руб.;

ОС – среднегодовая стоимость основных средств, тыс. руб.;

ССЧ – среднесписочная численность работников, чел.

В – выручка от реализации продукции, работ, услуг, тыс. руб.

При моделировании рентабельности персонала выбор показателей базировался на связи экономического и социального аспектов – более эффективная основная деятельность, которую можно оценить показателями рентабельности продаж и коэффициентом реализуемости, ведет к

росту зарплатоотдачи и средней заработной платы и наоборот. Рентабельность персонала характеризует эффективность использования всех категорий работников задействованных как в основной, так инвестиционной и финансовой деятельности, поэтому ее расчет целесообразно проводить на основе прибыли до налогообложения.

Факторная модель рентабельности персонала представлена формулой:

$$R_{\text{пер}} = R_{\text{пр}} \times K_{\text{р}} \times Z_{\text{o}} \times Z_{\text{Пср}}, \quad (3)$$

где $R_{\text{пр}}$ – рентабельность продаж, коэфф.;

$K_{\text{р}}$ – коэффициент реализуемости, коэфф.;

Z_{o} – зарплатоотдача, руб.

$Z_{\text{Пср}}$ – средняя заработная плата, руб.

Разложив каждый показатель, включенный в модель, получим:

$$R_{\text{пер}} = \frac{\text{Пр}}{\text{В}} \times \frac{\text{В}}{\text{ОП}} \times \frac{\text{ОП}}{\text{ФЗП}} \times \frac{\text{ФЗП}}{\text{ССЧ}}, \quad (4)$$

где ФЗП – фонд заработной платы, тыс. руб.

Моделирование показателя удельной экологической эффективности осуществлялось на основе емкости налоговых платежей за захоронение отходов, добычу воды, выбросы загрязняющих веществ в

атмосферный воздух, при этом прослеживается ее взаимосвязь с экономическим аспектом деятельности – объемом производства продукции.

Показатель удельной экологической эффективности рассчитывается по формуле:

$$V_{\text{эк}} = \frac{1}{3} (D_{\text{зо}} + D_{\text{дв}} + D_{\text{выб}}), \quad (5)$$

где $D_{\text{зо}}$ – доля налоговых платежей за захоронение отходов в общем объеме производства, коэфф.;

$D_{\text{дв}}$ – доля налоговых платежей за добычу воды в общем объеме производства, коэфф.;

$D_{\text{выб}}$ – доля налоговых платежей за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух в общем объеме производства продукции, коэфф.;

Разложив каждый показатель, включенный в модель, получим:

$$Y_{\text{ЭК}} = \frac{1}{3} (N_{\text{ОЗ}} \times Y_{\text{ОЗ}} \times O_{\text{ОЗ}} + N_{\text{ДВ}} \times O_{\text{ДВ}} + N_{\text{ОВ}} \times Y_{\text{АЗ}} \times O_{\text{ОВ}}) = \frac{1}{3} \left(\frac{N_{\text{ЗО}}}{O_{\text{ТХ}_3} \times \frac{O_{\text{ТХ}_3}}{O_{\text{ТХ}}} \times \frac{O_{\text{ТХ}}}{O_{\text{П}}} + \frac{N_{\text{В}}}{V_{\text{Д}}} \times \frac{V_{\text{Д}}}{O_{\text{П}}} + \frac{N_{\text{АВ}}}{V_{\text{П}}} \times \frac{V_{\text{П}}}{V_{\text{О}}} \times \frac{V_{\text{О}}}{O_{\text{П}}} \right), \quad (6)$$

где $N_{\text{ОЗ}}$ – сумма экологического налога за одну тонну отходов, тыс. руб./тонн;
 $Y_{\text{ОЗ}}$ – доля отходов, которые подверглись захоронению в общем объеме отходов, коэф.

$O_{\text{ОЗ}}$ – отходоёмкость, тонн/ тыс. руб.

$N_{\text{ДВ}}$ – сумма налога на добычу воды за 1 тыс. м³ воды, тыс. руб./тыс. м³;

$O_{\text{ДВ}}$ – водоёмкость, руб.

$N_{\text{ОВ}}$ – сумма налога за одну тонну выбросов газов, обладающих парниковым эффектом, тыс. руб./тонн

$Y_{\text{АЗ}}$ – удельный вес выбросов газов, обладающих парниковым эффектом к общей сумме выбросов загрязняющих веществ, коэфф.

$O_{\text{ОВ}}$ – выбросоёмкость, руб.

$N_{\text{ЗО}}$ – сумма налога и неналоговых платежей за захоронение отходов, тыс. руб.

$O_{\text{ТХ}_3}$ – объем отходов, которые подверглись захоронению, тонн;

$O_{\text{ТХ}}$ – общий объем отходов, образованных в организации за период, тонн;

$N_{\text{В}}$ – сумма налога и неналоговых платежей за добычу воды, тыс. руб.;

$V_{\text{Д}}$ – объем изъятой (добытой) и полученной воды, тыс. м³;

$N_{\text{АВ}}$ – сумма налога за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, тыс. руб.;

$V_{\text{П}}$ – выбросы газов, обладающих парниковым эффектом, тонн;

$V_{\text{О}}$ – общая сумма выбросов загрязняющих веществ, тонн.

Результаты исследования и их об- суждение

Проведем апробацию предложенного подхода на примере организации, основным видом деятельности которой является производство верхней одежды. Изначально рассчитаем значение ключевых показателей за два периода (табл. 3).

Результаты апробации подхода к оценке социо-эколого-экономической эффективности представлены в таблице 4.

Таблица 3

Значение ключевых показателей эффективности деятельности организации

Table 3

The value of key performance indicators of the organization

Наименование показателя	Базисный год	Отчетный год	Изменение
Рентабельность продаж, %	6,71	4,82	-1,89
Убыточность персонала, руб. /чел.	0,02	1,98	1,96
Показатель удельной экологической эффективности, коэфф.	0,174	0,133	-0,041

Таблица 4

Результаты апробации подхода к оценке социо-эколого-экономической эффективности

Table 4

Results of approbation of the approach to assessing socio-ecological and economic efficiency

Фактор	Влияние фактора
Рентабельность продаж – экономический аспект, в п.п.	
Рентабельность оборотных средств	-2,52
Оборотная фондоемкость	0,15
Фондоотдача основных средств	-0,15
Фондовооруженность труда	0,59

Фактор	Влияние фактора
Трудоемкость продукции	-0,44
Коэффициент соотношения объема производства к выручке от реализации продукции	0,48
Общее изменение	-1,89
Убыточность персонала – социальный аспект, в тыс. руб. / чел.	
Убыточность продаж, рассчитанная по убытку до налогообложения	1,97
Коэффициент реализуемости	-0,20
Зарплатоотдача	-0,10
Средняя заработная плата	0,29
Общее изменение	1,96
Показатель удельной экологической эффективности – экологический аспект, в дол. ед.	
Сумма экономического налога за одну тонну отходов	-
Доля отходов, которые подверглись захоронению в общем объеме отходов	-0,004
Отходоёмкость	0,002
Сумма налога на добычу воды за 1 тыс. м ³	0,004
Водоёмкость	-0,009
Сумма налога за одну тонну выбросов газов, обладающих парниковым эффектом	-0,035
Удельный вес выбросы газов, обладающих парниковым эффектом к общей сумме выбросов загрязняющих веществ	-
Выбросоёмкость	0,001
Общее изменение	-0,041

Экономическая эффективность деятельности организации в отчетном году по сравнению с базисным периодом снизилась в результате уменьшения рентабельности продаж на 1,89 п.п. и она составила 4,82 %. Негативное влияние на это оказали такие факторы как: рентабельность оборотных средств (-2,52 п. п.), фондоотдача основных средств (-0,15 п. п.) и трудоемкость продукции (-0,44 п. п.). Причинами этого явилось превышение темпа роста оборотных средств над темпом роста прибыли от реализации, вызванное наличием излишних незадействованных оборотных средств в виде готовой продукции на складе. За счет недостаточно полной загрузки основных средств, ввиду накопленных остатков на складе и сокращения спроса на продукцию на предприятии наблюдается уменьшение рентабельности продаж, вызванное снижением фондоотдачи. Для производства одного рубля продукции органи-

зации потребовалось больше трудовых ресурсов, это отрицательно сказалось на конечном результате деятельности. Все остальные факторы оказали положительное влияние на исследуемый показатель.

В результате получения убытка по инвестиционной и финансовой деятельности, который не перекрылся прибылью от текущей деятельности, в организации была получена убыточность персонала в размере 1,98 тыс. руб. / чел., что на 1,96 тыс. руб. / чел. больше, чем в базисном периоде, что является следствием неэффективности социального аспекта деятельности предприятия. За счет роста складских запасов и уменьшения коэффициента реализуемости наблюдается рост убыточности персонала на 0,20 тыс. руб. / чел. В результате превышения темпа роста фонда заработной платы над темпом роста объема производства продукции, показатель сократился на 0,10 тыс. руб. / чел.

В организации наблюдается уменьшения удельного экологического показателя на 0,041 до 0,133, что свидетельствует о повышении экологической эффективности. Отрицательное влияние на показатель оказали такие факторы как: увеличение отходоёмкости производства (на 0,02), которое произошло в результате превышения темпа роста образованных отходов над темпом роста объема производства, суммы налога на добычу за 1 тыс. м³ (на 0,04), и выбросоёмкости (на 0,001), которое вызвано опережающим темпом роста выбросов над темпом роста объема производства.

Заключение

Таким образом, можно заключить, что:

– анализ носит объектный характер, оценка – это субъективное мнение на анализ;

– в экономической терминологии и научных публикациях термин «оценка деятельности» не исследуется как отдельная категория, вместе с тем распространение получил термин анализ хозяйственной деятельности и его производные;

– оценка деятельности является завершающей стадией анализа и носит субъективный характер;

– социо-эколого-экономическая эффективность – состояние, при котором величина взаимосвязанного социо-эколого-экономического эффекта превышает суммарные затраты на его получение;

– оценка эффективности деятельности менее емкая категория, чем оценка деятельности и рассматривается как ее составная часть;

– оценка социо-эколого-экономической деятельности предприятия – способ, на основании которого можно высказать мнение о социо-эколого-экономической эффективности деятельности предприятия, сформированное на завершающем этапе анализа, имеющее выраженный авторский стиль;

– одним из подходов к оценке со-

цио-эколого-экономической деятельности предприятия является факторный анализ, который позволяет моделировать отдельные аспекты эффективности по ключевому показателю и выявить взаимосвязи между показателями;

– апробация авторского подхода была проведена на примере субъекта хозяйствования основным видом деятельности которого является производство верхней одежды.

– предложенная методика может быть использована в практике промышленных организаций как один из способов оценки.

Список литературы

1. Вахрушина М.А., 2008. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности: учебное пособие. / Москва: Вузовский учебник. 2008: 463.

2. Грицанов А.А., 2003. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправленное. / Минск: Книжный Дом. 2003: 1280.

3. Грузневич Е.С., Щелкунова З.И., 2017. Комплексная методика оценки эффективности деятельности коммерческой организации на основе целевого подхода // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2017. № 2(33): 123 – 131.

4. Даванков А.Ю., Верещагина Т.А., Грязев М.А., 2010. Социо-эколого-экономическая эффективность территории / Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 12: 11–18.

5. Ефремова Т.Ф., 2010. Современный словарь русского языка три в одном: орфографический, словообразовательный, морфемный: около 20 000 слов, около 1200 словообразовательных единиц / Москва: АСТ. 2010: 699.

6. Ковалев В. В., Волоква О. Н., 2010. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник / Москва: Проспект. 2010: 465.

7. Мельник М.В., Герасимова Е.Б., 2020. Анализ финансово-хозяйственной деятельности предприятия: учебное пособие. / Москва: ФОРУМ: ИНФРА-М. 2020: 208.

8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., 2006. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Москва: А ТЕМП. 2006: 944.

9. Прокопьева, Ю.В., Константинова

О.С., 2017. Различие понятий «оценка» и «анализ» финансового состояния предприятия. / Современное общество: глобальные и региональные процессы Материалы I международной научной конференции: ООО «Айсинг» (Санкт-Петербург). 2017: 67-71.

10. Савицкая Г. В., 2019 Анализ хозяйственной деятельности: учеб. пособие. / Москва: ИНФРА-М, 2019: 284.

11. Шеремет А.Д., Негашев Е.В., 2020. Методика финансового анализа деятельности коммерческих организаций: практическое пособие / Москва: ИНФРА-М. 2020: 208.

12. Thorn, S. What is Enterprise Analysis: does it differ from Enterprise Architecture? / URL:

<https://modernanalyst.com/Resources/Articles/tabid/115/ID/1379/What-is-Enterprise-Analysis-does-it-differ-from-Enterprise-Architecture.aspx>, дата обращения 04.07.2021 г.

References

1. Vakhrushina M.A., (2008). Complex economic analysis of economic activity: a tutorial / Moscow: University textbook. 2008: 463. (in Russian)

2. Gritsanov A.A., (2003). The latest philosophical dictionary: 3rd ed., Revised. / Minsk: Book House. 2003: 1280.

3. Gruznevich E.S., Shchelkunova Z.I. (2017). A comprehensive methodology for assessing the effectiveness of a commercial organization based on a targeted approach // Bulletin of the Vitebsk State Technological University. 2017.No. 2 (33): 123 – 131.

4. Davankov A.Yu., Vereshchagina T.A., Gryazev M. A., (2010). Socio-ecological-economic efficiency of the territory / Economic analysis: theory and practice. 2010. No. 12: 11-18. (in Russian)

5. Efremova T.F., (2010). The modern dictionary of the Russian language is three in one: spelling, derivational, morphemic: about 20,000 words, about 1,200 derivational units. / Moscow: ACT. 2010: 699. (in Russian)

6. Kovalev V.V., Volokva O. ., (2010). Analysis of the economic activity of the enterprise: textbook. / Moscow: Prospect. 2010: 465. (in Russian)

7. Melnik M.V., Gerasimova E.B., (2020). Analysis of the financial and economic activities

of the enterprise: a tutorial. / Moscow: FORUM: INFRA-M. 2020: 208. (in Russian)

8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu., (2006). Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. / Moscow: A TEMP. 2006: 944. (in Russian)

9. Prokopyeva, Yu.V., Konstantinova O.S., (2017). The difference between the concepts of "assessment" and "analysis" of the financial condition of the enterprise. / Modern society: global and regional processes Proceedings of the I international scientific conference: LLC "Aising" (St. Petersburg). 2017: 67-71. (in Russian)

10. Savitskaya G.V., (2019) Analysis of economic activity: textbook. allowance. / Moscow: INFRA-M, 2019: 284. (in Russian)

11. Sheremet A.D., Negashev E.V., (2020). Methodology for financial analysis of the activities of commercial organizations: a practical guide. / Moscow: INFRA-M. 2020: 208. (in Russian)

12. Thorn, S. What is Enterprise Analysis: does it differ from Enterprise Architecture? / URL:

<https://modernanalyst.com/Resources/Articles/tabid/115/ID/1379/What-is-Enterprise-Analysis-does-it-differ-from-Enterprise-Architecture.aspx>, accessed 07/04/2021 g.

Информация о конфликте интересов:

авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Грузневич Екатерина Сергеевна,

старший преподаватель Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет», аспирант ГНУ «Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь», (г. Витебск, Республика Беларусь)

Katerina S. Gruznevich, Senior Lecturer, Vitebsk State Technological University, Post-graduate Student of the State Research University "Scientific Research Economic Institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus", (Vitebsk, Republic of Belarus)

УДК 339.9

DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-6

Тогба Стефани Сара

**ОЦЕНКА ДЕЛОВОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА
В КОТ-Д'ИВУАР**

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова
ул. Костюкова 46, г. Белгород, 308012, Россия

e-mail: stephanietogba@gmail.com

Аннотация

Экономику африканской страны Кот-д'Ивуар можно охарактеризовать как достаточно динамичную и турбулентную: ряд макроэкономических показателей характеризуется высокими значениями, но все же страна сталкивается с огромным количеством социально-экономических и политических проблем, не позволяющим бизнесу эффективно развиваться в данной стране. В статье представлены результаты комплексной оценки деловой среды Кот-д'Ивуар для развития бизнеса. Исследование охватывает и раскрывает позиции Кот-д'Ивуар в международных рейтингах, таких как Doingbusiness (Рейтинг легкости ведения бизнеса), Global competitiveness index (Международный рейтинг конкурентоспособности), Transparency International (Рейтинг восприятия коррупции), Political rights index (Индекс политических прав), Heritage Foundation (Рейтинг экономических свобод), Global innovation index (Глобальный инновационный индекс). Подробно рассмотрены позиции Кот-д'Ивуар в указанных рейтингах и выделены проблемы страны, связанные с улучшением делового климата и бизнес-среды.

Ключевые слова: Кот-д'Ивуар, ВВП, международные рейтинги, позиции страны, алгоритм открытия бизнеса, проблемы развития.

Информация для цитирования: Тогба Стефани Сара Оценка деловой среды кот Д'ивуаз для ведения бизнеса // Научный результат. Экономические исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 71-80. DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-6

Togba Stefani Sara

**ASSESSMENT OF THE BUSINESS ENVIRONMENT
FOR DOING BUSINESS IN CÔTE D'IVOIRE**

V.G. Shukhov Belgorod State Technological University, 46 Kostyukov St.,
Belgorod, 308012, Russia

e-mail: stephanietogba@gmail.com

Abstract

The economy of the African country Côte d'Ivoire can be characterized as rather dynamic and turbulent: a number of macroeconomic indicators are characterized by high values, but the country is still facing a huge number of socio-economic and political problems that do not allow business to develop effectively in the country. The

article presents the results of a comprehensive assessment of the Côte d'Ivoire business environment for business development. The study covers and reveals the position of Côte d'Ivoire in international rankings such as Doingbusiness, Global Competitiveness Index, Transparency International, Political Rights Index, Heritage Foundation, Global Innovation Index. The positions of Côte d'Ivoire in these ratings are considered in detail and the country's problems associated with improving the business climate and business environment are highlighted.

Key words: Cote d'Ivoire; GDP; international ratings; country positions; business start-up algorithm; development problems

Information for citation: Togba Stefani Sara “Assessment of the business environment for doing business in Côte d'Ivoire”, *Research Result. Economic Research*, 7(3), 71-80, DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-6

Введение

Кот-д'Ивуар – одна из самых динамично развивающихся экономик Западной Африки и транспортный узел для всего региона, но при этом Кот-д'Ивуар – страна с доходом ниже среднего и растущим классом потребителей.

По окончании пост-выборного кризиса в 2011 г. и на протяжении последующих лет, в которые действовали программы помощи МВФ, экономика Кот Д'Ивуара росла внушительными темпами.

Правительство страны установило достаточно амбициозные цели до 2020 г., в частности это касается увеличения объемов суточной добычи нефти до 200 тыс. баррелей.

Цель работы состоит в исследовании деловой среды Кот Д'Ивуар и оценке позиций страны в международных рейтингах.

Методической основой исследования деловой среды Кот Д'Ивуар является систематизация, обобщение и синтез изученного материала.

Проведенный анализ позиций Кот Д'Ивуар в международных рейтингах позволяет выделить проблемные сферы

экономического развития страны, а также пути совершенствования национальной деловой среды для ведения бизнеса.

Основная часть

ВВП вырос на 7,5 процента в 2019 году и прогнозировался на уровне 6,9 процента в 2020 году, но из-за экономических последствий пандемии коронавируса (COVID-19) МВФ пересмотрел этот прогноз до 2,7 процента.

Страна является мировым лидером по производству и экспорту какао-продукции, а также одним из ведущих экспортеров кофе и пальмового масла. Также страна является первым в Африке экспортером консервированного тунца и вторым по объемам в мире.

Кроме того, Кот Д'Ивуар богат природными ресурсами, в том числе железом, золотом, никелем, медью, а также алмазами.

ВВП Кот-д'Ивуар в 2019 году составил 58,5 млрд. долларов США. В таблицах 1-2 представлены аналитические данные по показателю ВВП Кот-д'Ивуар с последующей визуализацией.

Таблица 1

Объем ВВП Кот-д'Ивуар, 2014-2019 гг.

Table 1

GDP volume of Cote d'Ivoire, 2014-2019

Год	Объем ВВП страны, долл. США	Изменение по отношению к предыдущему году, %
2019	58 539 606 234	0,91%
2018	58 010 991 902	12,45%
2017	51 588 154 312	7,56%
2016	47 964 233 341	4,77%
2015	45 779 974 486	-1,02%
2014	46 252 892 373	19,20%

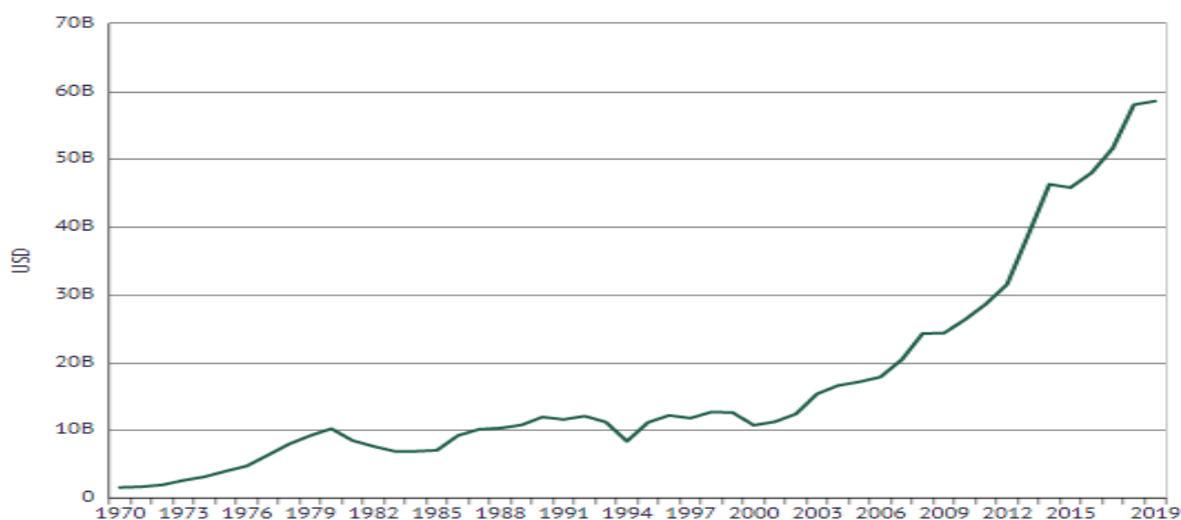

Рис. 1. Визуальное представление объема ВВП Кот-д'Ивуар, 1970-2019 гг
 Fig. 1. Visual representation of the volume of GDP in Cote d'Ivoire, 1970-2019

Таблица 2.

Темп прироста ВВП Кот Д'Ивуар, % в год

Table 2.

GDP growth rate of Cote d'Ivoire, % per year

Год	Тем прироста	Изменение по отношению к предыдущему году, %
2019	6,2	-9,56%
2018	6,9	-6,38%
2017	7,4	2,51%
2016	7,2	-18,81%
2015	8,8	0,55%
2014	8,8	-1,07%

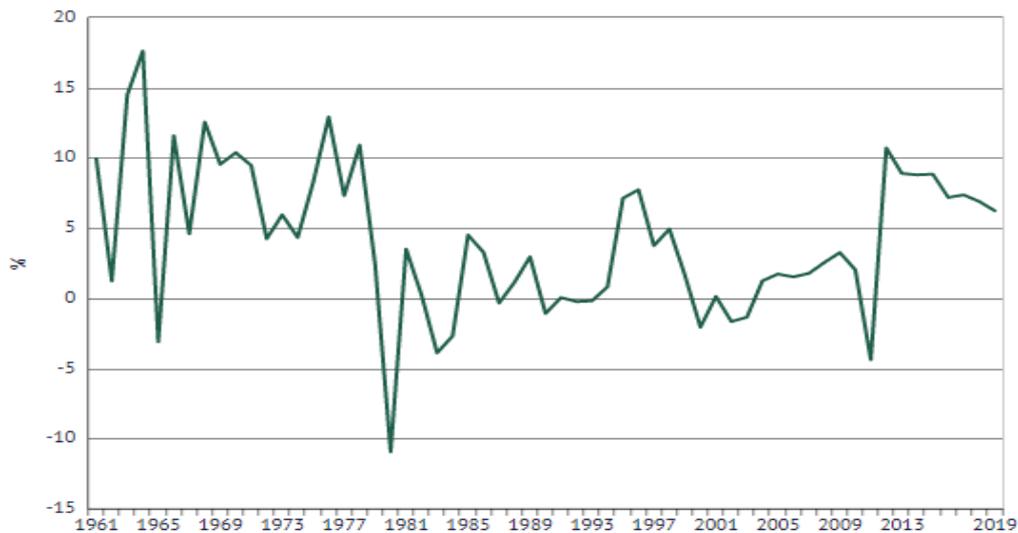

Рис. 2. Визуальное представление темпа прироста ВВП Кот Д'Ивуар, % в год, 1961-2019 гг.
 Fig. 2. Visual representation of the GDP growth rate in Cote d'Ivoire, % per year, 1961-2019

В международных рейтингах (в сравнении с африканскими странами), Кот Д'Ивуар отличается средне-высокими позициями. Проведем анализ позиций Кот Д'Ивуар в международных рейтингах, прямо или косвенно связанных с оценкой делового климата в стране и характеристикой общеэкономической ситуации.

Ключевым рейтингом, характеризующим общее состояние условий для развития бизнеса и уровень регулирования бизнеса в странах, является рейтинг

Doingbusiness (Рейтинг легкости ведения бизнеса).

Заметное улучшение по сравнению с прошлогодним значением отмечается в Рейтинге легкости ведения бизнеса 2020 г.: страна Кот Д'Ивуар заняла 109 место, в 2019 году – 122, в 2018 году – страна находилась на 139-м месте [DOINGBUSINESS/ Оценка Бизнес Регулирования. Режим доступа: <https://russian.doingbusiness.org/ru/data/expl oreconomies/cote-divoire>].

	2020	2019	2018
109 Кот Д'Ивуар	60,7	58,3	53,0
1 Новая Зеландия	86,8	87,0	87,0
2 Сингапур	86,2	85,8	85,6
3 Гонконг	85,3	85,1	85,0
4 Дания	85,3	85,2	84,6
5 Южная Корея	84,0	84,0	84,0
6 Соединенные Штаты ...	84,0	83,6	83,6
7 Грузия	83,7	83,5	83,0
8 Великобритания	83,5	83,6	83,2
9 Норвегия	82,6	82,9	82,7
10 Швеция	82,0	82,0	82,2

Рис. 3. ТОП-10 рейтинга Doingbusiness-2020 и место Кот Д'Ивуар в рейтинге
 Fig. 3. TOP-10 rating of Doingbusiness-2020 and the place of Cote D'Ivoire in the rating

Оценка стран по степени благоприятности условий для создания предприятий определяется путем сортировки баллов по индикаторам. Общий балл для страны по созданию предприятий представляет собой среднее арифметическое значение среди всех составляющих индикаторов «Создание предприятий».

Процесс создания бизнеса в Кот Д'Ивуар состоит из следующих основных этапов:

1 этап. Открытие банковского счета с минимальным капиталом. Существует два способа пополнения стартового капитала. Основатели бизнеса могут открыть банковский счет для внесения своего стартового капитала или внести капитал у нотариуса и получить выписку, подтверждающую депозит. В целом по срокам данный этап занимает около 1 дня.

2. Регистрация в агентстве CEPICI и запрос уведомления о регистрации компании. Компании могут быть зарегистрированы с нотариально заверенным актом или с частным подписанным актом. Большинство компаний с ограниченной ответственностью регистрируются на основании документа, подписанного частным лицом.

С декабря 2012 года агентство CEPICI позволяет предпринимателям регистрироваться в коммерческом регистраторе (Registre du Commerce et du Crédit Immobilier), налоговом органе (Direction Générale d'Impôts) и социальном органе (Caisse Nationale de Prévoyance Sociale).

В целом временные и финансовые затраты на данный этап составляют ориентировочно – 3 дня, 15000 КФА (франк Африканского финансового сообщества).

Агентство CEPICI также публикует юридическое уведомление о регистрации на своем веб-сайте (<http://www.cepici.gouv.ci/>).

3. Получение печати компании. Стоимость около 10 000 КФА.

4. Сообщение адреса компании в местный налоговый орган. После того, как компания была зарегистрирована в Налоговом органе (Direction Générale des Impôts, DGI), адрес компании должен быть сообщен местным налоговым органам. Уведомление об адресе компании (demande de rattachement) должно быть доставлено в местный налоговый орган (Centre des Impôts du siège social) в течение 1 дня.

Рис. 4. График – Регистрация предприятий в Кот-д'Ивуар – Процедуры, Время и Стоимость
Fig. 4. Schedule – Business Registration in Côte d'Ivoire – Procedures, Time and Cost

Следующий анализируемый рейтинг – это Международный рейтинг конкурентоспособности (Global competitiveness index),

в котором Кот Д'Ивуар – в 2019 году занял 118 место (с общим количеством баллов – 48) (рис. 6).

Рис. 5. Общие позиции Кот-д'Ивуар в международном рейтинге Doingbusiness-2020
 Fig. 5. General positions of Côte d'Ivoire in the international ranking of Doingbusiness-2020

	2019	2018	2017
118 Кот Д'Ивуар	48	48	-
1 Сингапур	85	83	83
2 Соединенные Штаты ...	84	86	85
3 Гонконг	83	82	82
4 Голландия	82	82	82
5 Швейцария	82	83	82
6 Япония	82	82	82
7 Германия	82	83	83
8 Швеция	81	82	82
9 Великобритания	81	82	82
10 Дания	81	81	80

Рис. 6. ТОП-10 Международного рейтинга конкурентоспособности-2019 и место Кот Д'Ивуар в рейтинге

Fig. 6. TOP-10 of the International Competitiveness Rating-2019 and the of Cote D'Ivoire in the rating

В рейтинге восприятия коррупции 2020 г. (Transparency International) Кот Д'Ивуар расположился на 104 строчке, уступив в группе сравнения Бенину, Гане и Буркина-Фасо.

Таблица 3

Позиции Кот Д'Ивуар в рейтинге восприятия коррупции

Table 3

Positions of Côte d'Ivoire in the corruption perception rating

Год	Позиция в рейтинге	Изменение по сравнению с предыдущим годом
2020	104	-1,89%
2019	106	0,95%
2018	105	1,94%
2017	103	-4,63%
2016	108	0,93%
2015	107	-6,96%
2014	115	-15,44%

В рейтинге Political rights index (Индекс политических прав) Кот Д'Ивуар в 2020 году занял позицию 125 (рис. 7). Вы-

сокие политические риски связаны с частой сменой власти путем военных переворотов.

	2020	2019	2018
125 Кот Д'Ивуар	19	19	19
1 Канада	40	40	40
2 Уругвай	40	40	40
3 Австралия	40	40	40
4 Япония	40	40	40
5 Новая Зеландия	40	40	40
6 Дания	40	40	40
7 Финляндия	40	40	40
8 Голландия	40	40	40
9 Норвегия	40	40	40
10 Швеция	40	40	40

Рис. 7. ТОП-10 рейтинга Political rights index -2020 и место Кот Д'Ивуар в рейтинге
 Fig. 7. TOP-10 rating Political rights index -2020 and the place of Cote D'Ivoire in the rating

В то же время, в Рейтинге экономических свобод 2020 (Heritage Foundation), страна оказалась лучшей среди региональ-

ных соседей, заняв 100 строчку (общая оценка 59,7 баллов).

Таблица 4

Кот Д'Ивуар в рейтинге экономических свобод

Table 4

Cote d'Ivoire in the ranking of economic freedoms

Год	Количество баллов по рейтингу	Изменения показателя по сравнению с прошлым годом
2020	59,7	-4,33%
2019	62,4	0,65%
2018	62,0	-1,59%
2017	63,0	5,00%
2016	60,0	2,56%
2015	58,5	1,39%
2014	57,7	6,65%

Среди западноафриканских стран, входящих в ЭКОВАС – Экономическое сообщество западноафриканских государств (Economic Community of West African States (ECOWAS), Кот Д'Ивуар отличается самым развитым финансовым сектором с 25 коммерческими банками.

Инновационный потенциал экономики республики Кот-д'Ивуар не сегодняшний день сложно назвать высоким. Место

Кот Д'Ивуар в рейтинг Глобального инновационного индекса (Global innovation index) в 2020 году – 112.

Необходимо рассматривать данный потенциал во взаимодействии инновационно активных факторов с внешней средой, которая включает науку, общество, государство, образование, бизнес, рынок, безопасность.

		2020	2019	2018
112	Кот Д'Ивуар	21,20	25,60	20,00
1	Швейцария	66,10	67,20	68,40
2	Швеция	62,50	63,70	63,10
3	Соединенные Штаты ...	60,60	61,70	59,80
4	Великобритания	59,80	61,30	60,10
5	Голландия	58,80	61,40	63,30
6	Дания	57,50	58,40	58,40
7	Финляндия	57,00	59,80	59,60
8	Сингапур	56,60	58,40	59,80
9	Германия	56,50	58,20	58,00
10	Южная Корея	56,10	56,60	56,60

Рис. 6. ТОП-10 рейтинга Global innovation index -2020 и место Кот Д'Ивуар в рейтинге
 Fig. 6. TOP-10 of the Global innovation index -2020 and the place of Cote D'Ivoire in the rating

Таблица 5.

Д'Ивуар в рейтинге Global innovation index (обзор баллов)

Table 5

Cote d'Ivoire in the Global innovation index (score review)

Год	Значение в баллах	Изменение показателя по сравнению с прошлым годом
2020	21,20	-17,19%
2019	25,60	28,00%
2018	20,00	-16,53%
2017	23,96	-7,13%
2016	25,80	-5,15%
2015	27,20	0,67%
2014	27,02	15,37%

Заключение

Проанализировав ряд рейтингов международного уровня и позиции Кот Д'Ивуар в данных рейтингах, можно отметить, что в стране имеется множество проблем, не позволяющих максимально реализовать стране, имеющийся потенциал.

Среди проблем Кот Д'Ивуар, тормозящих социально-экономическое развитие страны, можно выделить:

- Отсутствие высококвалифицированной рабочей силы, что является серьезным препятствием для обеспечения не просто быстрых темпов роста экономики. Низкий уровень жизни не позволяет моло-

дому населению получить хорошее образование. Недостаточно развитая инфраструктура ограничивает потенциал развития страны.

- Слабая инфраструктура. По данным Всемирного Банка, лишь 64% населения страны имеют доступ к электричеству. Помимо этого, большая часть дорог в стране – грунтовые – и в сезоны дождей полностью размываются, ограничивая транспортное сообщение.

- Аграрный профиль экономики обуславливает высокую подверженность экономики климатическим изменениям (засухи, эрозии почв и пр.). Кроме того, нега-

тивные последствия для климата несет активная вырубка лесного массива (по неофициальным данным за три десятилетия было уничтожено более трети лесного массива).

Список литературы

1. Африканский банк развития: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Project-and-Operations>. (дата обращения: 01.08.2021).

2. Гилилов М.В., Кукукина, И.Г., 2012. Методы и инструменты оценки инновационной деятельности хозяйствующих субъектов: научное издание. – Иваново: Изд-во Иван. гос. энерг. ун-та, 2012: 158.

3. Кукукина И.Г., 2014. Базовые условия инновационного развития республики Кот-д'Ивуар / И. Г. Кукукина, К.В. Яо // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2014. – №3 (39): 59-63.

4. Статистика Кот д'Ивуар. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.populationdata.net/pays/cote-divoire/> (дата обращения: 01.08.2021).

5. Cf Côte d'Ivoire en chiffre, partie I: les Fondamentaux: Кот-д'Ивуар в цифрах.

6. COTE D'IVOIRE DOCUMENT COMBINE DE STRATEGIE PAYS 2013-2017 ET DE REVUE DU PORTEFEUILLE 2013. – <https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Project-and-Operations/C%C3%B4te%20d%27Ivoire%20-%20Document%20combin%C3%A9%20de%20strat%C3%A9gie%20pays%202013-2017%20et%20de%20revue%20du%20portefeuille%202013%20%28Version%20brouillon%29.pdf>. (дата обращения: 01.08.2021).

7. PLAN D'ÉVALUATION CPD 2021-2025 – Côte d'Ivoire. – https://www.unicef.org/executiveboard/media/2806/file/2021-PL12-Cote_d%27Ivoire_CPD-EN-ODS.pdf (дата обращения: 01.08.2021).

8. The Direct and Indirect Effects of a Dual Apprenticeship Program in Côte d'Ivoire. – <https://www.poverty-action.org/study/direct-and-indirect-effects-dual-apprenticeship-program-c%C3%B4te-d%E2%80%99ivoire>. (дата обращения: 01.08.2021).

9. STRATÉGIE NATIONALE REVISEE DE DÉVELOPPEMENT DE LA FILIERE RIZ EN CÔTE D'IVOIRE (SNDR) 2012 –

2020. – https://www.riceforafrica.net/downloads/NRDS/Cote_dIvoire_fr.pdf. (дата обращения: 01.08.2021).

10. Direction des Etudes Stratégiques de Développement et des Projets (DESDP). – <https://www.dge.ci/direction/direction-des-etudes-strategiques-de-developpement-et-des-projets-desdp>. (дата обращения: 01.08.2021).

1. African Development Bank: official website. – Access mode: <http://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Project-and-Operations>. (date of reference: 01.08.2021).

2. Gililov M. V., Kukukina, I. G. (2012). Methods and tools for assessing the innovative activity of economic entities: scientific publication. – Ivanovo: Publishing house of Ivan State Energy University, 2012: 158. (in Russian)

3. Kukukina I. G. (2014). Basic conditions of innovative development of the Republic of Ivory Coast / I. G. Kukukina, K. V. Yao // Modern high-tech technologies. Regional application. – 2014. – №3 (39): 59-63.

4. Statistics of Ivory Coast. – Electronic resource. – Access mode: <https://www.populationdata.net/pays/cote-divoire/> (accessed: 01.08.2021).

5. Cf Côte d'Ivoire en chiffre, partie I: les Fondamentaux: Ivory Coast in numbers.

6. COTE D'IVOIRE DOCUMENT COMBINE DE STRATEGIE PAYS 2013-2017 ET DE REVUE DU PORTEFEUILLE 2013. – <https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Project-and-Operations/C%C3%B4te%20d%27Ivoire%20-%20Document%20combin%C3%A9%20de%20strat%C3%A9gie%20pays%202013-2017%20et%20de%20revue%20du%20portefeuille%202013%20%28Version%20brouillon%29.pdf>. (accessed: 01.08.2021).

7. CPD EVALUATION PLAN 2021-2025- Côte d'Ivoire. – https://www.unicef.org/executiveboard/media/2806/file/2021-PL12-Cote_d%27Ivoire_CPD-EN-ODS.pdf (дата обращения: 01.08.2021).

8. The Direct and Indirect Effects of a Dual Apprenticeship Program in Côte d'Ivoire. – <https://www.poverty-action.org/study/direct-and-indirect-effects-dual-apprenticeship-program>

c%С3%B4te-d%E2%80%99ivoire. (дата обращения: 01.08.2021).

9. REVISED NATIONAL STRATEGY FOR RICE DEVELOPMENT IN CÔTE D'IVOIRE (SNDR) 2012 – 2020. – https://www.riceforafrica.net/downloads/NRDS/Cote_dIvoire_fr.pdf. (дата обращения: 01.08.2021).

10. Directorate of Strategic Development and Projects Studies (DESDP). – <https://www.dge.ci/direction/direction-des-etudes-strategiques-de-developpement-et-des-projets-desdp>. (дата обращения: 01.08.2021).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Тогба Стефани Сара, аспирант, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, (г. Белгород, Россия)

Togba Stefani Sara, Graduate Student, V. G. Shoukhov Belgorod State Technological University, (Belgorod, Russia)

ФИНАНСЫ
FINANCE

УДК 336.71

DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-7

¹Тимоничева И.Н.,
²Яновский В.В.,
³Бережной А.С.

**УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ К БЕЗОПАСНОСТИ
ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ –
БАРЬЕР ИЛИ ТОЧКА РОСТА**

¹Главное управление Центрального банка Российской Федерации по Центральному федеральному округу, ул. Балчуг, 2, Москва, 115035, Россия

²Отделение по Белгородской области Главного управления Центрального банка Российской Федерации по Центральному федеральному округу, проспект Славы, 74, Белгород, 308000, Россия

³Отделение по Белгородской области Главного управления Центрального банка Российской Федерации по Центральному федеральному округу, проспект Славы, 74, Белгород, 308000, Россия

Аннотация

В статье обосновывается важность показателя уровня доверия к безопасности финансовых технологий, способного выступать как барьером, так и точкой роста их использования. Рассматриваются некоторые результаты всероссийского опроса граждан и бизнеса, проведенного Банком России в 2021 году с целью оценки уровня доверия к безопасности финансовых технологий и сервисов. Раскрываются основные направления работы Банка России по преодолению имеющихся барьеров и формированию высокого уровня доверия к безопасности финансовых технологий. Сделаны выводы о важности координации усилий, направленных на повышение киберграмотности населения. Необходимо отметить, что точка зрения авторов настоящей статьи может и не совпадать с официальной позицией Банка России.

Ключевые слова: финансовые технологии, доверие, кибербезопасность, Банк России, цифровая грамотность

Информация для цитирования: Тимоничева И.Н., Яновский В.В., Бережной А.С. Уровень доверия к безопасности финансовых технологий – барьер или точка роста // Научный результат. Экономические исследования. 2021. Т.7. № 3. С. 81-88. DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-7

Irina N. Timonicheva,
Vladimir V. Yanovskiy,
Anatoly S. Berezhnoy

**THE LEVEL OF CONFIDENCE IN THE SAFETY
OF FINANCIAL TECHNOLOGIES – A BARRIER
OR A POINT OF GROWTH**

- ¹Main Directorate of the Central Bank of the Russian Federation for the Central Federal District, st. Balchug, 2, Moscow, 115035, Russia
- ²Branch for the Belgorod Region of the Main Directorate of the Central Bank of the Russian Federation for the Central Federal District, Slavy Avenue, 74, Belgorod, 308000, Russia
- ³Branch for the Belgorod Region of the Main Directorate of the Central Bank of the Russian Federation for the Central Federal District, Slavy Avenue, 74, Belgorod, 308000, Russia

Abstract

The article substantiates the importance of the existing level of trust in the security of financial technologies, which can act as both a barrier and a point of growth for their use. Some results of an all-Russian survey of citizens and businesses conducted by the Bank of Russia in 2021 to assess the level of confidence in the security of financial technologies and services are considered. The main areas of work of the Bank of Russia aimed at overcoming existing barriers and creating a high level of confidence in the security of financial technologies are outlined. Conclusions are made about the importance of coordinating efforts at the regional level aimed at increasing the cyber literacy of the population. It should be noted that the point of view of the authors of this article may not coincide with the official position of the Central Bank of the Russian Federation.

Key words: financial technology, trust, cybersecurity, Bank of Russia, digital literacy

Information for citation: Timonicheva I.N., Yanovskiy V.V., Berezhnoy A.S. “The level of confidence in the safety of financial technologies – a barrier or a point of growth”, *Research Result. Economic Research*, 7(3), 81-88, DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-7

Введение

Сегодня финансовые технологии становятся неотъемлемой частью всех видов финансовых услуг, включая кредитование, платежи и переводы, сбережения, инвестирование и страхование. Цифровизация на глазах меняет ландшафт финансового мира, а темпы технологических изменений неуклонно нарастают. Только за 2015 – 2019 годы уровень проникновения новых технологий в финансовый сектор, согласно экспертным оценкам, вырос в 4 раза, достигнув 64% на глобальном уровне и более 80% в России [Стратегия развития национальной платежной системы на 2021-2023 годы]. По данному показателю наша страна входит в тройку мировых лидеров и занимает первое место по росту числа безналичных транзакций.

Высокие темпы развития и внедрения информационных технологий, с одной стороны, положительно влияют на конкурентную среду и позволяют увеличить скорость, доступность, удобство финансовых услуг для потребителей. Это достигается прежде всего за счет нивелирования физических расстояний между клиентами и финансовыми организациями, а также за счет сокращения издержек и расширения ассортимента.

С другой стороны, наличие киберрисков, риска утраты контроля за сохранностью персональных данных, неуклонный рост требований к цифровым знаниям и необходимость их периодической актуализации вследствие опережающего роста финансовых технологий могут отрицательно сказаться на ментальной доступности

сти финансовых услуг, и, в конечном итоге, на доверии граждан к финансовым инновациям.

Цель работы. Уровень доверия к безопасности финансовых технологий способен выступать как барьером, так и точкой роста их использования. Как правило, высокий уровень доверия способствует трансформации потребительского выбора в пользу более широкого использования новых технологий. Низкий уровень – напротив – ограничивает этот процесс. В этой связи, исследование вопроса доверия к безопасности финансовых технологий не только находится в практической плоскости, отражая запрос участников финансового рынка, но и несет в себе несомненный научный интерес, основанный на актуальности и дискуссионном характере этого вопроса. Все это обусловило цель работы – представить некоторые результаты исследования Банка России по доверию к безопасности финансовых технологий и сервисов, привлечь внимание научного сообщества к затрагиваемой в работе проблематике.

В качестве аналитического материала в работе использовались результаты исследования, выполненного на данных первого всероссийского опроса населения и

бизнеса по доверию к безопасности финансовых технологий и сервисов, проведенного Банком России в 2021, а также результаты исследования цифровой грамотности россиян, проведенного в 2021 году Национальным агентством финансовых исследований (НАФИ). В работе использовалась статистическая информация, представленная на официальном сайте Банка России.

Автором применялись общенаучные методы теоретического исследования такие, как индукция, дидукция, синтез. В процессе обработки эмпирической информацией, использовались инструменты статистического анализа.

Основная часть

В опросе населения, организованном Банком России 2021 году с целью оценки уровня доверия к безопасности финансовых технологий и сервисов [Опросы Банка России, 2021], участвовали две группы респондентов – физические и юридические лица. Значения индекса доверия физических лиц, полученные по результатам опросов, составили 53,8% – для ЦФО и 52,2% – для Белгородской области. Эти значения оказались несколько выше общероссийского уровня – 51,9% (рис. 1).

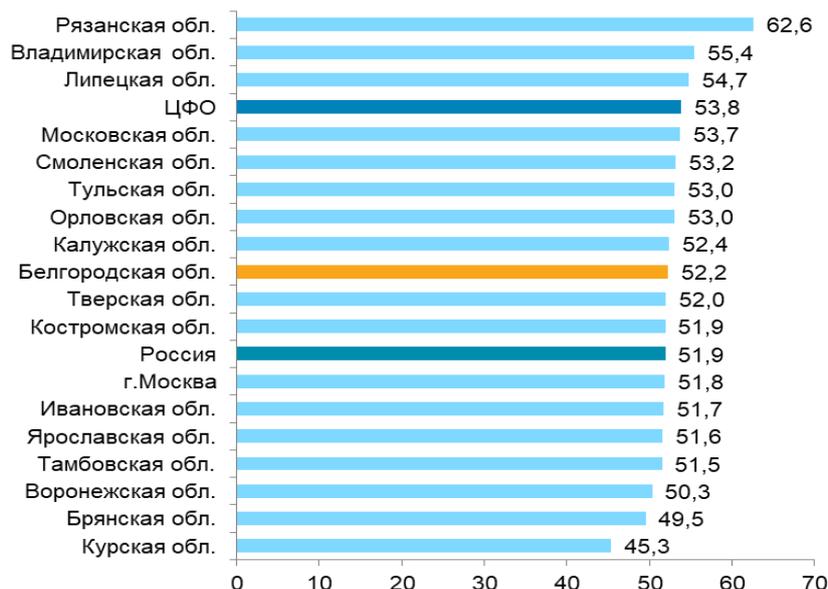

Рис. 1. Уровень доверия физических лиц, в процентах

Fig. 1. The level of trust of individuals, in percent

В целом по ЦФО наибольший уровень доверия демонстрировали мужчины с высшим образованием и относительно высоким уровнем жизни. Женщины выразили меньший уровень доверия к безопасности финансовых технологий и сервисов. В разрезе возрастных категорий для большинства регионов ЦФО, в том числе и для Белгородской области, наиболее высокий уровень доверия оказался характерным для группы населения 15 лет – 24 года (16 из 18 регионов), что может объясняться большей цифровой грамотностью и технологической продвинутой этой возрастной категорией. Меньший уровень доверия выразили респонденты старше 25 лет и пожилое население.

Исследование также выявило, что большая часть респондентов (67,8%) за последний год не сталкивалась со случаями мошенничества, направленными на хищение денежных средств с использованием электронных сервисов. Уровень доверия среди этой категории ожидаемо оказался выше, чем среди респондентов, столкнувшихся с мошенническими действиями.

Установленный по результатам опроса уровень доверия юридических лиц к финансовым институтам и сервисам составил 58,4% в ЦФО и 55,5% в Белгородской области, что выше среднероссийского значения – 55,1% (рис. 2).

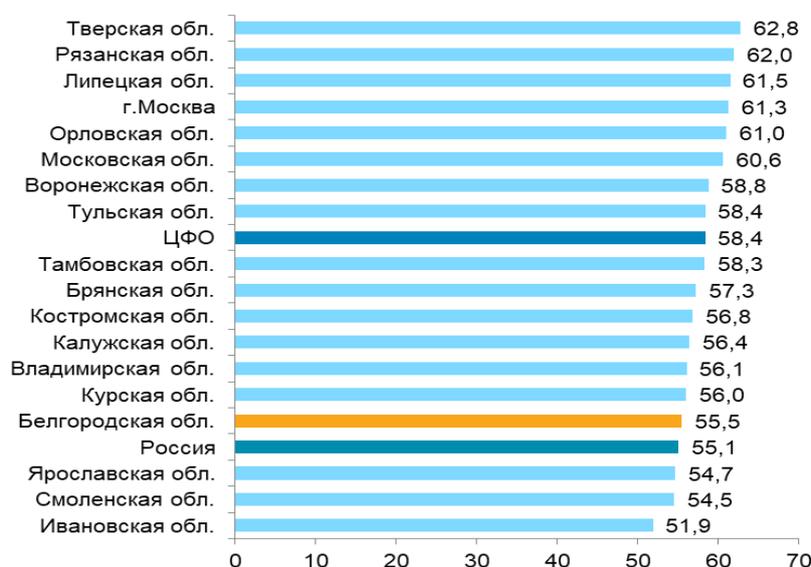

Рис. 2. Уровень доверия юридических лиц, в процентах
 Fig. 2. The level of trust of legal entities, in percent

Со случаями мошеннических действий, направленных на хищение денежных средств, в ЦФО сталкивались 22,9% опрошенных предпринимателей, а в Белгородской области 23,1%. При этом, в большинстве случаев кредитные организации предпринимали необходимые действия, направленные на защиту денежных средств своих клиентов.

Если обобщить итоги проведённого опроса, можно резюмировать, что большая часть респондентов – физических и юридических лиц, доверяют финтеху. Однако

сложившийся уровень доверия нельзя назвать достаточным, если его рассматривать с позиции перспектив устойчивого роста использования высокотехнологичных сервисов конечными потребителями, учитывая, что доля респондентов, выразивших свое недоверие, тоже оказалась немалой.

Для эффективного функционирования и развития цифрового финансового пространства необходим рост доверия к безопасности финансовых инноваций. Такой рост может иметь устойчивый харак-

тер на средне- и долгосрочном горизонте при условии ответственного поведения как со стороны финансовых организаций, внедряющих ноу-хау в линейку своих продуктов, так и со стороны конечных потребителей финансовых услуг. Важным условием здесь также является пропорциональное регулирование финтех, которое будет, с одной стороны, поддерживать стабильность финансовой системы и защищать права потребителей, а с другой – содействовать развитию и внедрению цифровых инноваций.

Ответственное поведение и добросовестность финансовых организаций как поставщиков высокотехнологичных услуг, прежде всего, выражается в стремлении обеспечить функциональную надежность и информационную безопасность инновационных сервисов, а также в соблюдении этических принципов взаимоотношений с клиентами. Эти принципы включают в себя открытость, порядочность, доведение до клиента всех существенных характеристик услуги, невозможность введения потребителей в заблуждение. Их учет в корпоративной культуре финансовых организаций способствует сокращению недобросовестных практик и повышает уровень доверия потребителей, в том числе и к безопасности инновационных сервисов и услуг.

Также уровень доверия к безопасности финансовых технологий в значительной мере зависит от ответственного и рационального поведения конечных потребителей финансовых услуг. Фундамент такого поведения формирует финансово-цифровая грамотность населения, сочетающая в себе соответствующие знания, установки и навыки. И в этой сфере мы можем наблюдать достаточно неоднозначную картину.

Так, в исследовании, проведенном Национальным агентством финансовых исследований (НАФИ) по итогам 2020 года [Исследование НАФИ, 2021], с одной стороны, отмечена положительная тенден-

ция – рост доли населения с базовым уровнем цифровой грамотности при сокращении доли с начальным уровнем. С другой стороны, сделан вывод о том, что многие россияне по-прежнему обладают недостаточными знаниями и навыками в сфере цифровых технологий. Это может выступать ментальным барьером на пути широкого использования финансовых технологий в перспективе. Такой барьер приводит к формированию ошибочных поведенческих установок, основанных на боязни или неприятии нового, ограничивающих доверие к финансовым инновациям и препятствующих рациональному потребительскому выбору.

Еще одним прямым негативным проявлением недостаточного уровня финансово-цифровой грамотности потребителей финансовых услуг является уязвимость перед кибермошенниками. Полученный в этой связи отрицательный опыт способен перерасти в недоверие пострадавшей стороны к безопасности финансовых технологий, выступив еще одной причиной формирования ментального барьера на пути их широкого использования конечными потребителями. Это еще раз подтверждает высокую степень актуальности задачи Банка России по повышению киберграмотности граждан и бизнеса и обеспечению безопасности использования финансовых технологий. Более того, особенную важность данная задача приобретает в условиях роста активности мошенников, обусловленного массовым переходом граждан на дистанционный формат потребления на фоне высоких эпидемических рисков прошлого года.

Так, число финансовых операций, проведенных без согласия клиентов (ОБС) только во II квартале 2021 года, составило почти 237,0 тыс. единиц, а объем таких операций превысил 3,0 млрд рублей [Аналитика Банка России, 2021] (таблица).

Таблица

Финансовые операции без согласия клиентов (ОБС),
 РФ II квартал 2021

Table

Financial transactions without customer consent (TWC),
 RF II quarter 2021

Показатель	Значение
Число ОБС, тыс. ед.	237,0
Объем ОБС, млн руб.	3 013,7
Доля социальной инженерии, %	47,0

Сохранение такой высокой статистики киберпреступлений может крайне негативно сказаться на доверии потребителей к безопасности финансовых технологий.

В целях преодоления имеющихся барьеров и формирования высокого уровня доверия потребителей к безопасности финансовых технологий Банк России проводит активную работу по следующим ключевым направлениям:

1. Осуществляет регулирование финансового рынка и высокотехнологичных сервисов в целях содействия их развитию и обеспечения информационной безопасности;

2. Защищает права потребителей финансовых услуг;

3. Повышает уровень цифровой и киберграмотности населения.

В частности, с учетом лучших зарубежных практик Банк России формирует требования к информационной безопасности и операционной надежности финансовых технологий по ключевым направлениям и задачам, предусмотренным стратегическим документом – «Основные направления развития информационной безопасности кредитно-финансовой сферы на период 2019–2021 годов». Документ включает и задачу роста доверия граждан к цифровой среде, для решения которой предлагается повышать уровень финансовой грамотности населения, формировать базовые компетенции по кибергигиене.

Также для содействия обеспечению информационной безопасности в структуре Банка России функционирует Центр мониторинга и реагирования на компью-

терные атаки в кредитно-финансовой сфере (ФинЦЕРТ). Центр помогает оперативно реагировать на возникающие угрозы в финансовой сфере, не допускать их распространения, минимизировать потери финансовых организаций и их клиентов.

Кроме того, положительно влияют на доверие к безопасности финансовых технологий способны и меры Банка России, направленные на защиту прав потребителей финансовых услуг. В этом направлении только за последнее время разработано несколько основополагающих документов, к числу которых можно отнести:

- кодекс добросовестного поведения, разработанный в 2019 году, являющейся составной частью механизма развития культуры добросовестного поведения на финансовом рынке;

- стандарт безопасности финансовых операций, разработанный в 2021 году, совершенствующий механизм сохранности данных при проведении финансовых операций.

Помимо этого, с целью защиты прав потребителей финансовых услуг Банк России напрямую проводит работу по противодействию недобросовестным и противозаконным практикам. Так, только за II квартал 2021 года Банк России инициировал почти 12 тыс. (11 849) запросов операторам связи для принятия мер реагирования в отношении номеров телефонов, используемых в противоправных целях, а также направил запросы на проведение проверочных мероприятий и снятие с делегирования почти 1,5 тыс. (1 449) доменных имен сети Интернет, с использовани-

ем которых осуществлялась противоправная деятельность. Наконец, за этот же период в отношении 359 доменов Банк России направил информацию в Генеральную прокуратуру РФ для проведения проверочных мероприятий и последующего ограничения доступа к ним.

В этом плане Банк России также развивает сотрудничество и с IT-компаниями. Так, по запросу Банка России, компания «Huawei» ограничила гражданам России доступ к 21 приложению, нарушающему закон и представленному в магазине приложений «AppGallery». А компания «Apple» ограничила доступ к 41 такому приложению в сервисе «App Store» [Лях В.В., 2021].

Повышению уровня доверия граждан к безопасности финансовых технологий способствуют и реализуемые Банком России инфраструктурные проекты.

Основными инфраструктурными проектами, основанными на использовании цифровых технологий, в отношении которых в первую очередь Банком России устанавливаются требования информационной безопасности, являются: платформа удаленной идентификации (Единая биометрическая система); система быстрых платежей; платформа Маркетплейс; цифровой профиль клиента.

Также Банк России уделяет особое внимание повышению цифровой и киберграмотности в меняющихся реалиях.

Последние несколько лет регулятором организуются и проводятся обучающие курсы по кибербезопасности для финансовых организаций, представителей правоохранительных органов и представителей компаний, работающих в сфере информационной безопасности. Тематика киберграмотности также прочно вошла в периметр основных вопросов, освещаемых в рамках мероприятий финансовой грамотности. В этом плане наиболее массовый характер носят занятия в рамках все-российского проекта Банка России «Онлайн-уроки финансовой грамотности», аудитория которого включает учащихся

всех уровней образования, а также людей пенсионного возраста.

Заключение

Таким образом, все предпринимаемые Банком России действия будут способствовать повышению доверия потребителей к финансовым инновациям и превращения этого доверия в фундамент для дальнейшего развития финансовых технологий и все более широкого их использования гражданами и бизнесом. В этом направлении важна координация усилий всех заинтересованных сторон, включая региональный уровень, направленных на повышение киберграмотности населения.

Список литературы

1. Опросы Банка России, 2021. Доверия к безопасности финансовых технологий и сервисов.
2. Аналитика Банка России, 2021. Обзор отчетности об инцидентах информационной безопасности при переводе денежных средств. II квартал 2021 года // сайт Банка России: https://www.cbr.ru/analytics/ib/review_2q_2021/. (дата обращения 12.09.2021)
3. Исследование Национального агентства финансовых исследований (НАФИ), 2021. Цифровая грамотность россиян // сайт НАФИ: <https://nafi.ru/analytics/vynuzhdennaya-tsifrovizatsiya-issledovanie-tsifrovoy-gramotnosti-rossiyan-v-2021-godu/>. (дата обращения 12.09.2021)
4. Лях В.В., 2021. Финансовые пирамиды все чаще появляются в соцсетях // Интервью агентству Прайм директора департамента противодействия недобросовестным практикам ЦБ РФ Лях В.В. Сайт Банка России: <http://www.cbr.ru/press/event/?id=11097#highlight=%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8C%D1%8E>. (дата обращения 12.09.2021)
5. Стратегия развития национальной платежной системы на 2021-2023 годы // сайт Банка России: <https://www.cbr.ru/>. (дата обращения 12.09.2021)

1. Polls of the Bank of Russia (2021). Confidence in the security of financial technologies and services (in Russian)

2. Analytics of the Bank of Russia (2021). Review of reporting on information security incidents when transferring funds. II quarter of 2021 // website of the Bank of Russia: https://www.cbr.ru/analytics/ib/review_2q_2021/ (accessed 12.09.2021). (in Russian)

3. Research by the National Agency for Financial Research (NAFI), 2021. Digital literacy of Russians // NAFI website: <https://nafi.ru/analytics/vynuzhdennaya-tsifrovizatsiya-issledovanie-tsifrovoy-gramotnosti-rossiyan-v-2021-godu>. (accessed 12.09.2021). (in Russian)

4. Lyakh V.V (2021). Financial pyramids are increasingly appearing in social networks // Interview to the Prime Agency of the Director of the Department of Counteraction to Unfair Practices of the Central Bank of the Russian Federation Lyakh. V.V. Bank of Russia website: <http://www.cbr.ru/press/event/?id=11097#highlight=%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8C%D1%8E>. (accessed 12.09.2021)

5. Strategy for the development of the national payment system for 2021-2023 // Bank of Russia website: <https://www.cbr.ru>. (accessed 12.09.2021)

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Тимоничева Ирина Николаевна, заместитель начальника Главного управления Центрального банка Российской Федерации по Центральному федеральному округу, (Москва, Россия)

Irina N. Timonicheva, Deputy Head of the Main Department of the Central Bank of the Russian Federation for the Central Federal District, (Moscow, Russia)

Яновский Владимир Валериевич, кандидат экономических наук, руководитель направления Отделения по Белгородской области Главного управления Центрального банка Российской Федерации по Центральному федеральному округу, проспект Славы, 74, Белгород, 308000, Россия

Vladimir V. Yanovskiy, Candidate of Economic Sciences, Head of the Division for the Belgorod Region of the Main Directorate of the Central Bank of the Russian Federation for the Central Federal District, Slavy Avenue, 74, Belgorod, 308000, Russia

Бережной Анатолий Сергеевич, заместитель начальника экономического отдела Отделения по Белгородской области Главного управления Центрального банка Российской Федерации по Центральному федеральному округу, проспект Славы, 74, Белгород, 308000, Россия

Anatoly S. Berezhnoy, Deputy Head of the Economic Department of the Branch for the Belgorod Region of the Main Directorate of the Central Bank of the Russian Federation for the Central Federal District, 74 Slavy Avenue, Belgorod, 308000, Russia

УДК 339.7

DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-8

Талимова Л.А.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМЫ ФИНАНСОВОЙ
АРХИТЕКТУРЫ В УСЛОВИЯХ ЦИКЛИЧЕСКОГО
И ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ**

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза,
100009, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Академическая 9,

e-mail: laztal@mail.ru

Аннотация

В статье обоснована важность и определены факторы инновационного развития экономики, среди которых подчеркнута особое значение финансовой архитектуры; обобщены сущность, факторы, принципы и специфические особенности финансовой архитектуры; раскрыты характерные особенности проявления и восприятия цикличности экономических процессов и антициклического регулирования; обозначены проблемы регулирования международных финансовых рынков, роль и значение банковской системы в финансовой архитектуре, взаимозависимость кредитных отношений и развития реального сектора экономики; выявлены факторы, которые обусловили необходимость переустройства международной валютной системы.

Ключевые слова: финансовая система, финансовая архитектура, финансовый кризис, экономическое развитие, инновационное развитие, национальная экономика, валютная система, резервная валюта, парадигма.

Информация для цитирования: Талимова Л.А. Трансформация парадигмы финансовой архитектуры в условиях циклического и цифрового развития экономики // Научный результат. Экономические исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 89-102. DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-8

Lyazai A. Talimova

TRANSFORMATION OF THE PARADIGM OF FINANCIAL ARCHITECTURE IN THE CONDITIONS OF CYCLICAL AND DIGITAL DEVELOPMENT OF THE ECONOMY

Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz,
9 Akademicheskaya St., Karaganda, Republic of Kazakhstan, 100009,

e-mail: laztal@mail.ru

Abstract

The article substantiates the importance and identifies the factors of innovative economic development, among which the special importance of financial architecture is emphasized; summarizes the essence, factors, principles and specific features of financial architecture; reveals the characteristic features of the manifestation and perception of cyclical economic processes and countercyclical regulation; identifies the

problems of regulating international financial markets, the role and importance of the banking system in the financial architecture, the interdependence of credit relations and the development of the real sector of the economy; the factors that led to the need to restructure the international monetary system were identified.

Key words: financial system; financial architecture; financial crisis; economic development; innovative development; national economy; currency system; reserve currency; paradigm

Information for citation: Talimova L.A. “Transformation of the paradigm of financial architecture in the conditions of cyclical and digital development of the economy”, Research Result. Economic Research, 7(3), 89-102, DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-8

Введение

Процессы финансовой глобализации и интеграции имеют противоречивый характер влияния и вместе с позитивными эффектами обостряют внутренние противоречия финансовой системы и несут системные риски, следствием которых становится возникновение кризисных явлений. В этом контексте объективной необходимостью становится развитие финансовой архитектуры как институциональной основы и действенного механизма обеспечения стабильности финансовой системы.

В тоже время, глобальный финансовый кризис раскрыл ключевые проблемы современной финансовой архитектуры, а именно однополярность, отсутствие надлежащего регулирования и контроля, бесконтрольное перемещение капиталов, возрастающая роль финансового капитала и увеличение разрыва между финансовым и реальным секторами экономики, широкое распространение финансовых инноваций с высокими рисками и явно выраженным спекулятивным эффектом и др.. Все это указывает на необходимость проведения исследований финансовой архитектуры, ее природы и принципов трансформационного развития, особенно в условиях циклического развития экономики. Понимание парадигмы финансовой архитектуры имеет важное значение для формирования национальных финансовых систем, в том числе и Казахстана.

Казахстан выбрал инновационное развитие экономики, которое предполагает формирование соответствующей финансовой политики и механизма, финансовой архитектуры, выстроенной на монументальной мощной базе производственной индустрии, способной обеспечить создание новых технологических процессов, направленных на непрерывность действия воспроизводственных конгломератов с мощным потоком товарно-денежных отношений в условиях быстро меняющихся внешних и внутренних факторов циклического развития.

Анализ исследований и публикаций. Формированию теоретико-методологических основ и решению проблем современной международной финансовой архитектуры посвятили свои научные работы многие ученые, в частности: И. Бланк, С. Бригхем, Дж. Ван Хорн, В. Геец, С. Глазьев, А. Гриценко, В. Иноземцев, Дж. Кейнс, В. Колесов, Ф. Клевеленд, Д. Кондратов, Я. Миркин, Д. Финерти, М. Фридмен и др..

Развитие международной финансовой архитектуры происходит под воздействием совокупности факторов, среди которых наибольшее воздействие оказывает цикличность экономических процессов. Так, основные положения концепций цикличности, теории статики и динамики экономических процессов, теории экономического равновесия, роста, цикла достаточно глубоко исследовали в своих рабо-

тах: А. Аганбегян, А. Афталъон, К. Жюглар, Дж. Кейнс, Н. Кондратьев, С. Кузнец, К. Маркс, П. Самуэльсон, У. Ростоу, А. Татаркин, И. Трахтенберг, М. Туган-Барановский, М. Фридман, Ф. Хайек, Й. Шумпетер, Ю. Яковец и др..

Сущность, факторы и специфические особенности развития финансовой архитектуры становятся определяющими для выбора и реализации стратегии развития национальной экономики [Указ Президента Республики Казахстан от 16 марта 2006]. Анализ показал, что такие стратегии предполагают наличие инновационного потенциала и инновационного финансового механизма, способных обеспечить масштаб и динамику прогрессивного экономического развития.

Исследованию вопросов инноваций и инновационного развития посвящены научные публикации П. Друкера [Друкер П.Ф., 2006], Р. Солоу [Солоу Р.М., 2000], Шумпетера [Шумпетер Й., 2021] и других ученых.

Цель исследования заключается в изучении проблемных аспектов современной финансовой архитектуры, факторов ее формирования в условиях циклического развития экономики, определения особенностей финансовой архитектуры Казахстана в соответствии со стратегическими целями развития инновационной экономики.

Основная часть

Инновационное развитие экономики – динамичное движение общества, охватывающая все сферы деятельности (социально-экономическую, политическую, образовательную, культурную, техническую) на основе процессов, происходящих внутри них и создающих условия для изменений через взаимодействие инновационных процессов во всех сферах, направленных на удовлетворение потребностей общества в создании конкурентоспособного продукта, товара или услуги с целью получения импульса в новом витке цикла движения в сторону совершенствования и прогресса, формирующих новое

сознание, мышление, деловую активность, ведущих к образованию новых подходов, методов и способов в решении проблем.

На взгляд автора, инновационное развитие предполагает, в первую очередь, изменения в сторону улучшения при создании определенных условий их мотивирующих. Такие условия носят инновационный характер, придающий каждому новому этапу развития новизну через радикальную или инкрементальную новацию. Однако, инновационное развитие экономики с присущим ей адаптивным финансовым механизмом, зависит от формационных изменений, которые выступают в качестве факторов, прерывающих естественный процесс развития. Так, например, такое формационное изменение, как переход от командно-административной системы к рыночной, породило экономический кризис, который, в свою очередь, создал условия для формирования новой экономической системы, инновационной по отношению к предыдущей. [Аубакирова Г.М., 2013],

Фактор формационных изменений запускает новый экономический цикл и инновационный процесс развития, подчеркивает его непрерывность. При этом дальнейшие преобразования следует ожидать во всех элементах экономической системы, в т.ч. финансовой, устойчивость, адаптивность и развитие которой во многом определяется ее финансовой архитектурой. Последний финансовый кризис 2008-2009 гг. поставил на повестку дня необходимость реформы мировых финансов и формирования новой системы финансовой архитектуры посткризисного периода. Кризис только обострил предпосылки реформирования, в частности: 1) востребованность инноваций; 2) разочарование в выполнении международными финансовыми организациями возложенных на них функций; 3) противоречие между развитыми и развивающимися странами, перераспределение сил и тенденция движения к многополярности; 4) проблемы мировой валютной системы и резервной валюты; 5) жесткая

глобальная конкуренция и конкурентные преимущества развитых стран; б) экономические и политические конфликты. [Аубакирова Г.М., 2013], [Иванов М.Е., 2011].

Парадигма формирования современной финансовой архитектуры определяется пониманием ее сущности, объективными и субъективными факторами, специфическими особенностями развития (принципами, например, многоуровневость, этапность, динамичность и др.), характеристиками (функциональными, институциональными, структурно-организационными и др.).

Различные подходы к пониманию сущности понятия «финансовая архитектура» представлены в табл. 1. Финансовую

архитектуру рассматривают на глобальном, международном и национальном уровнях.

Основными принципами современной международной финансовой архитектуры являются: 1) снижение информационной асимметрии и повышение прозрачности на мировом финансовом рынке; 2) введение норм, методов и стандартов более жесткого регулирования в развивающихся странах; 3) введение кодексов поведения, методов и стандартов регулирования для улучшения взаимопонимания между участниками финансовых отношений; 4) борьба и предотвращение финансовых кризисов [Казахстанские банки столкнутся...].

Таблица 1

Концептуальные подходы к пониманию сущности понятия «финансовая архитектура»

Table 1

Conceptual approaches to understanding the essence of the concept of "financial architecture"

Автор	Финансовая архитектура – это ...
Всемирный банк [14]	особая форма организации управления и контроля международных финансовых потоков
Международный валютный фонд [15]	институты, рынки, правила игры и практика, которые правительство, бизнес и индивидуальные участники осуществляют обычно в своей экономической и финансовой деятельности
Р. Д. Джомэин [16]	механизмы и структуры, с помощью которых устанавливаются правила и процедуры финансовой системы комплекс институциональных организаций, которые определяют, кто принимает (правила), какие, когда и как
М.Е.Иванов [17]	взаимодействие эмитентов, субъектов финансовой инфраструктуры, индивидуальных, институциональных и квалифицированных инвесторов с государственными регулятивными органами и саморегулируемыми организациями участников финансового рынка.
Н.Г. Вовченко[18]	институциональная структура мировой финансовой системы, рассматриваемая в динамическом процессе

Источник: составлено автором на основе указанных выше публикаций.

Масштаб и последствия воздействия кризисных явлений на финансовую архитектуру ставят задачу понимания причин их возникновения и цикличности. Так, причинами глубокого кризиса глобальной финансово-экономической системы стали процикличность и финансовые инновации [Иванов М.Е., 2021].

В.Я. Иохин обобщает такие особенности проявления и восприятия цикличности [Иохин В.Я., 2006]:

1) *всеобщая форма движения, отражающая неравномерность*, смену эволюционных и революционных форм прогресса, колебания деловой активности и рыночной конъюнктуры, чередование преимущественно экстенсивного или интенсивного экономического роста. При этом эпицентром циклического движения является кризис, который определяет предел и, в то же время, импульс роста эконо-

мики. Среди возможных причин кризиса (циклическости) В.Я. Иохин отмечает: натуралистические внешние факторы (природные явления, политические события и др.), внутренние факторы экономической системы, взаимодействие внутренних состояний экономики и внешних факторов [Иохин В.Я., 2006];

2) *система циклов с жесткими причинно-следственными связями.* Экономическому развитию присуща циклическость, которая характеризуется повторяемостью спадов и подъемов производства. Классификация циклических колебаний систематизована В.А. Цветковым [Цветков В.А., 2013]. Классически цикл включает в себя фазы – кризис (спад или рецессия), депрессия, оживление и подъем (экспансия). Каждая из этих фаз цикла характеризуется длительностью и конкретным состоянием хозяйственной деятельности (сокращение, застой, активизация, рост соответственно);

3) *периодичность повторяющихся нарушений равновесия в экономической системе,* которые приводят к свертыванию хозяйственной деятельности, спаду, кризису. С этих позиций экономика, как открытая система, постоянно находится в состоянии перманентного отклонения от состояния макроэкономического равновесия, что определяет специфику экономического развития. Нарушение равновесия играет роль активатора процессов адаптации и саморегулирования рыночной экономики, в том числе и изменения ее отраслевой структуры;

4) *чувствительность к государственному воздействию на социально-экономические процессы в обществе.*

Неэффективность государственного управления, нарастание и обострение внутренних противоречий в экономической системе и влияние на нее внешних факторов приводит к потере макроэкономического равновесия, что, в свою очередь, ускоряет циклические процессы.

Как уже отмечалось, элементом циклической динамики является кризис. В ра-

мках исследования среди типологического многообразия кризисов особое внимание заслуживает финансовый кризис.

Л.Л. Иголина раскрывает природу финансового кризиса и отмечает условия его возникновения [Иголина Л.Л., 2012.]: «с ростом масштабов общественного воспроизводства и накопления капитала увеличивается значение финансовой компоненты в обеспечении равновесия экономической системы, усиливается взаимосвязь динамики нововведений с финансовым капиталом; двойственный характер финансового капитала определяет возможности относительно обособленного развития его структурных форм, в силу чего перепроизводство в финансовой сфере может иметь гипертрофированное проявление, особенно в условиях глобализации; повышение значения финансовой сферы и ее воздействия на реальное производство определяет возможность использования финансовых регуляторов в рамках антициклической регуляции». Последнее утверждение указывает, с одной стороны, на необходимость государственного регулирования, используя фискальные рычаги, кредитно-денежный сектор и бюджетную систему для минимизации последствий финансовой нестабильности и компенсации дефицита финансовых ресурсов для реального сектора во время финансового кризиса. С другой стороны, финансовый кризис заостряет проблемы государственного регулирования, нерешенность которых может иметь серьезные последствия – государственный, бюджетный или долговой кризисы.

Проблемы взаимосвязи кризиса как фазы общего экономического цикла и кризисов финансового сектора, а также государственных финансов требуют дальнейших углубленных исследований, которые должны опираться на надежный теоретико-методологический базис антициклического (антикризисного) регулирования, основу которого определяют два подхода: кейнсианский и классический [Сидорова Е.Е., 2021].

Е.Г. Агеева отмечает: «Антициклическое регулирование заключается в системе способов и методов воздействия на хозяйственную конъюнктуру и экономическую деятельность, направленных на смягчение циклических колебаний» [Агеева Е.Г.,

2021]. Характеристические особенности антициклического регулирования, которое предполагает реализацию антикризисных мероприятий на государственном уровне, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Характеристические особенности антициклического регулирования

Table 2

Characteristic features of anticyclic regulation

Характеристика	Подходы	
	кейнсианский	классический
Уровень регулирования	макроуровень	микроуровень
Объект регулирования	совокупный спрос	совокупное предложение
Основные механизмы	налогово-бюджетная политика (для сокращения или увеличения расходов, либо для манипулирования налоговыми ставками, сжатия или расширения системы налоговых льгот); денежно-кредитная политика (вспомогательно)	денежно-кредитная политика; налогово-бюджетная политика (вспомогательно)
Роль государства	поощрительная	ограничительная
Политика государства на фазах кризиса и депрессии	направлена на расширение совокупного спроса, увеличение государственных расходов, в т.ч. на активизацию инвестиционной деятельности, сокращение налогов, проведение политики «дешевых денег», ускоренной амортизации	использование имеющиеся ресурсов и создание условий для эффективного производства; проведение денежно-кредитной экспансии; стимулирующая налоговая политика – снижение налоговых ставок и степени прогрессивности налоговой шкалы как метод увеличения совокупного предложения
Политика государства на фазах оживления и подъема	направлена на ограничение совокупного спроса, уменьшение государственных расходов, повышение налогов, введение жестких ограничений амортизационной политики для недопущения перегрева конъюнктуры и инфляции	жесткая политика сокращения государственных расходов и поддержки финансового сектора; проведение политики «дорогих денег»
Эффекты	причины циклического развития экономики не устранены, несколько смягчается кризисное падение производства, наблюдаются рост бюджетных	причины циклического развития экономики не устранены, нейтрализуется угроза галопирующей инфляции, гарантируется трансформа-

Характеристика	Подходы	
	кейнсианский	классический
	дефицитов без стабилизирующего эффекта, расширяются заимствования на внутреннем рынке и государственный долг, стимулируется рост денежного предложения и дестимулирование сберегательной активности, не решена проблема инфляции и занятости населения	ция сбережений в инвестиции, расширение предложения рабочей силы и адекватное сокращение масштабов институциональной безработицы, таким образом создавая условия для ускорения экономического роста на долгосрочную перспективу

Источник. составлено автором на основании [Агеева Е.Г., 2021, ОТЧЕТ Национального Банка Республики Казахстан, Турекулова Д.М., 2015]

На наш взгляд, в динамике циклического экономического развития важно учитывать трансформационные процессы на финансовых рынках, которые способны повлиять на существующие банкоцентричную или фондовую модели мобилизации капитала и всю финансовую архитектуру. Наибольшее влияние на эти процессы, вследствие финансовой либерализации, способны оказать финансовые инновации. Примером может служить появление производных финансовых инструментов с целевым назначением хеджирования финансовых рисков. Они определили новый этап развития финансового рынка и сформировали рынок производных финансовых инструментов (ПФИ). Финансовый кризис 2008-2009 гг., среди причин которого определены ПФИ, показал не только слабость доктрины саморегулирования финансового рынка. Он выявил проблему отсутствия надежного регулирования рынка финансовых инструментов и опережающего регулирования финансовых инноваций. Тем не менее, импульс, который получила фондовая модель финансовой системы в виде ПФИ, не утратил своего потенциала. Свидетельством этого может служить появление ПФИ, где базовыми являются криптоактивы, что вполне закономерно в условиях развития цифровой экономики. Появление феномена криптовалюты, динамика соответствующего рынка и развитие его инфраструктуры (криптовбирж) свидетельствуют о новом инно-

вационном витке фондовой модели. Именно распространение криптовалюты может стать одновременно и стимулом, и угрозой для развития банкоцентричных финансовых систем. Отметим, что очевидным становится потребность определения правового статуса и взвешенное регулирование криптоактивов на глобальном и национальных уровнях для предупреждения возможности развития кризисных тенденций.

Шоковым ударом для мировой и национальных экономик, финансовых систем и рынков стала пандемия COVID-19. Ее непрогнозируемый характер и масштабность привели к глобальной рецессии и кризису, который уже получил название цивилизационного, разрушению сложившихся финансовых систем и возникновению новых экономических отношений.

Учитывая необходимость обеспечения финансовой стабильности и конкурентоспособности в условиях глобализации и усиления международной конкуренции, новых вызовов процессов цифровизации и пандемии COVID-19, страны должны оптимально совершенствовать принципы и модели национальных, а совместными усилиями глобальную финансовые системы и международные финансовые рынки.

В рамках трансформации финансовой архитектуры в условиях циклического развития, следует рассмотреть формирование и взаимозависимость кредитных

отношений и развития реального сектора экономики.

Как уже отмечалось, в рамках антициклического регулирования государство использует политику «дешевых» и «дорогих» кредитных денег.

Практика показывает, что после кредитного бума предкризисного периода, активность банковского кредитования во время кризиса снижается вследствие падения деловой активности хозяйствующих субъектов и их неспособности выполнять кредитные обязательства, что приводит к росту в банке проблемной кредитной задолженности. Поэтому падение доходности и ухудшение финансовых результатов может стать критическим для финансовой стойкости банков. Ответной реакцией становятся более жесткая проверка и контроль кредитоспособности заемщиков, изменение условий выдачи кредитов и повышение их стоимости.

Среди основных факторов, препятствующих активизации кредитования реального сектора, следует отметить: высокий уровень риска вложений в реальный сектор экономики; краткосрочный характер сложившейся ресурсной базы банков; несформированность рынка эффективных инвестиционных проектов [Талимова Л.А., 2012]. В тоже время кредитование имеет значительный антикризисный потенциал [Турекулова Д.М., 2015].

В связи с этим банки стараются увеличить свою ресурсную базу, хозяйствующие субъекты либо ищут новые источники финансовых ресурсов, либо компромисс взаимодействия, т.к. и те, и другие ощущают макроэкономическое влияние и понимают важность развития реального и банковского секторов для экономического развития.

Таким образом, можно сделать вывод, что эффективность взаимосвязи и взаимозависимости банковского и реального секторов определяют состояние экономики страны в целом, а банковская система является важным институтом финансовой системы, структура, организация и

развитие которой влияет на характер финансовых отношений на национальном и международном уровнях. Как финансовый институт банковская система через центральный банк выполняет функции регулятора финансовых отношений в финансовой архитектуре, разрабатывая законодательную и нормативно-правовую базу.

В условиях макроэкономической нестабильности в 2019 году развитие банковской деятельности в Республике Казахстан отмечилось ухудшением своих показателей по сравнению с кризисным периодом 2009 года, когда отношение активов к ВВП составляло 74,1% против 42,9% на начало 2019 года, также снизилось отношение ссудного портфеля к ВВП с 57,6% до 23,4% соответственно. Показатель отношения депозитов клиентов к ВВП за указанный период имел неустойчивую тенденцию к росту.

Снижение объема депозитов и активов банковского сектора ускорило падение их доли по отношению к ВВП.

По состоянию 1.01.2020 г. банковский сектор Казахстана представлен 27 банками. В структуре банковского рынка (по доле активов) государственным банкам принадлежит 5%, с частным капиталом 74%, российским капиталом 11%, прочим банкам с иностранным капиталом 10%. Топ-10 банков покрывают 85% всех активов банковского сектора, степень концентрации рынка за индексом Херфиндаля-Хиршмана – 0,14 [Финансовая архитектура посткризисного мира].

В 2017-2018 гг. наблюдалось сокращение активов банковской системы в основном за счет уменьшения активов Казкоммерцбанка в связи с погашением кредита БТА и созданием значительных провизий, перенос проблемных кредитов Bank RBK за баланс и лишение банков лицензии (15% банков 2015-2019 гг.). За 2019 год активы банковского сектора увеличились на 6,2% и составили 26,8 трлн тенге, кредитный портфель – на 7,1% (14,7 трлн тенге). Кредитование банками экономики за 2019 год увеличилось на 5,9%, составив

13,9 трлн тенге [Финансовая архитектура посткризисного мира]. В целях повышения внутреннего потенциала кредитования экономики была введена обязательность размещения банками не менее 85% собственного капитала во внутренние активы. Основными направлениями вложения активов банковского сектора 2019 года являются банковские займы и операции «обратное РЕПО», ценные бумаги, наличные деньги, аффинированные драгметаллы и корреспондентские счета, также вклады, размещённые в других банках, инвестиции в капитал и др. В структуре активов преимущественную долю занимали кредиты – 50,7%, портфель ценных бумаг – 19,7%, наличные деньги, аффинированные драгоценные металлы и корреспондентские счета – 13,8%.

В 2020 г. перед банковской системой Казахстана встали три новых угрозы: 1) снижение цен на нефть и темпов роста ВВП (по прогнозам S&P Global Ratings с 4,1% до 2,9%). Предполагается сохранение низких темпов роста кредитования, увеличение сроков восстановления проблемных активов (их доля 20-23% совокупного кредитного портфеля), потенциальное ухудшение качества кредитных портфелей в сегментах кредитования юридических и физических лиц и МСБ; 2) волатильность национальной валюты, которая негативно повлияет на банковский сектор, имеющего короткую валютную позицию (около 42% совокупных средств клиентов номинировано в иностранной валюте по сравнению примерно с 16% кредитов); 3) пандемия COVID-19 и неопределенность экономических и кредитных последствий [Rajan R., Kiran J., 2006].

Таким образом, значение и роль банковской системы в финансовой архитектуре в условиях цикличности экономических процессов не вызывает вопросов и сомнений, однако требует от нее дальнейшего стратегического развития как основного института финансового посредничества и реализации экономической политики государства.

В дискуссионном поле определения первопричин глобального кризиса 2008-2009 гг., спровоцированного кризисом финансовой системы США, особое внимание обращается на мировую валютную систему и проблему долларового господства как внутренних факторов активации дисбалансов.

Так, Ел Басы Н. А. Назарбаев, выступая на Генеральной ассамблее ООН, посвященного 70-летию юбилею, поставил перед всем миром с высокой международной трибуны амбициозные задачи – «присудить миру новый тренд развития на основе справедливых условий доступа всех наций к мировой инфраструктуре, ресурсам и рынкам, а также всеобщей ответственности за развитие человечества» [Хмыз О.В., 2010]. Для ее решения предложено введение финансового инструмента нового качества, а именно наднациональной мировой валюты, отвечающей целям и задачам глобального устойчивого развития и процветания. Это обращение вновь привлекло внимание к проблеме международной валютной системы и мировой резервной валюты [Шумпетер Й., 2021].

Инициатива Н. А. Назарбаева была поддержана лидерами таких крупных и влиятельных стран, как Россия, Китай и др.. Основными факторами, которые обусловили необходимость переустройства международной валютной системы и повышения ее результативности и стабильности, принято считать: цикличность финансовых и валютных кризисов; геополитическое и финансово-экономическое превосходство некоторых государств, используемое для нарушения стабильности бюджетной, налоговой и денежно-кредитной политик стран, лежащих в поле зрения их интересов; платежные дисбалансы; стихийные транснациональные перетоки капитала, сопровождаемые накоплением огромных международных резервов; концентрация резервов в нескольких резервных валютах [Хмыз О.В., 2010].

Мир в XXI веке меняется. Наверное последним оплотом консерватизма еще

остается международная валютная система. Как отмечает Б. Бернанке: «Было бы желательно, чтобы мировое сообщество с течением времени разработало новую международную валютную систему» [Хмыз О.В., 2010]. Его поддерживает Р. Манделл: «...было бы ошибкой не замечать, что устойчивые (с середины 1980-х годов) дефициты платежного баланса США имели своим следствием превращение этой страны из крупнейшего мирового кредитора в крупнейшего должника... Тот факт, что американские доллары составляют преобладающие объемы запасов международных резервов, делает эту валюту подсадной уткой валютных кризисов... Опора на доллар как на главное средство государственной валютной политики, формирования резервов и расчетную единицу уже не является больше необходимостью» [34].

Первым шагом к реальной возможности прервать длительную гегемонию доллара на глобальных рынках явилось – введение единой европейской валюты евро [Хмыз О.В., 2010]. Д.И. Кондратов среди факторов падения доллара отмечает: 1) увеличение дефицита США по балансу текущих платежных операций; 2) крупный дефицит бюджета США; 3) заявления крупнейших международных организаций (ООН и МВФ), касающиеся необходимости отказа от доллара в пользу специально разработанной глобальной резервной валюты [Хмыз О.В., 2010]. А. Гринспен вносит дополнение и указывает на устойчивость тенденции к обесценению доллара [Хмыз О.В., 2010]. Так, американский доллар с 2002 г. подешевел более чем на 35% по отношению к европейской валюте и на 20% – к корзине валют стран – основных торговых партнеров США [Хмыз О.В., 2010].

Другая возможность открывается с возникновением новых производственных и финансовых центров, смещающихся на Восток, что способствует активизации региональных валют. Учитывая все обстоятельства, «многие центральные банки,

особенно стран Юго-Восточной Азии, изменили свою стратегию. От накопления долларовых резервов они перешли к их распродаже.

Многие страны стали заключать совместные соглашения, базирующиеся на отходе от доллара в качестве основного средства международной торговли и платежей. Некоторые нефтедобывающие страны начали продавать нефть не за доллары, а использовать другие валюты, что, по мнению аналитиков, представляет собой угрозу системе нефтедолларов, существовавшей на протяжении четырех десятилетий» [International Financial Architecture].

Примерами отказа от доллара могут служить китайско-японское и российско-китайское валютные соглашения проведения торговых сделок в национальных валютах, укрепление позиций китайского юаня в странах Африки и др.. Естественно, осознавая всю сложность положения, США прилагает большие усилия для решения своих проблем и сохранения статуса сверхдержавы [Хмыз О.В., 2010].

Таким образом, глобальные тенденции будут и далее ослаблять рост экономики США и, как следствие, активизировать процесс трансформации модели мировой валютной системы и мировой резервной валюты, диверсификации официальных валютных резервов в направлении к увеличению доли евро и других резервных валют, а также криптовалют, и уменьшению доли доллара. Изменение соотношения резервных валют во многом будет зависеть от глубины и длительности текущей экономической нестабильности в мировой экономике, подтверждающаяся пандемией кризиса, а также от эффективности действий правительств по ее преодолению.

Заключение

Тенденции современного мира вызывают изменения финансовой архитектуры на всех уровнях, определяют основные направления и характеристики ее трансформационного развития.

Формирование новой финансовой архитектуры опирается на понимание цикличности процессов экономического развития и природы кризисных явлений, предполагает максимальное использование существующих финансовых инструментов и механизмов и повышение их эффективности, а также стимулирование разработки принципиально новых форматов выработки и принятия решений, правил и процедур взаимодействия, подходов и инструментов регулирования и надзора и др.. В дальнейшем предполагается исследовать проблемные вопросы формирования современной финансовой архитектуры национальной экономики Казахстана в посткризисный период.

Список литературы

1. Указ Президента Республики Казахстан от 16 марта 2006 года № 65 «О мерах по дальнейшему повышению конкурентоспособности национальной экономики в рамках индустриально-инновационной политики Республики Казахстан». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30048583
2. Агеева Е.Г., 2021. Концептуальные основы формирования упреждающей антициклической политики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-formirovaniya-uprezhdayushey-antitsiklicheskoj-politiki-gosudarstva>. (дата обращения: 08.08.2021).
3. Азбергенова Р.Б., 2017. Инновационное развитие экономики Казахстана в условиях глобальной конкуренции. Вестник КазНПУ. 2017.
4. Афонцев С.А., 2011. Глобальный кризис и регулирование мировых финансов. Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1 (25): 17-31. URL: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/595/Afontsev-19.pdf>. (дата обращения: 08.08.2021).
5. Аубакирова Г.М., 2013. Стратегические приоритеты инновационного развития постиндустриальной экономики (на примере Республики Казахстан). Проблемы прогнозирования. 2013. №5: 102-116.
6. Быков А.П., Гончарова М.В., 2008. Содержание и принципы финансовой архитектуры современной банковской системы в рамках институциональной теории. Финансы и кредит. 2008. №7 (295). С. 10-16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-printsipy-finansovoy-arhitektury-sovremennoy-bankovskoy-sistemy-v-ramkah-institutsionalnoy-teorii>. (дата обращения: 08.08.2021).
7. Вовченко Н.Г., 2006. Институциональные преобразования финансовой системы России в условиях глобализации. Ростов-на-Дону: РГЭУ РИНХ, 2006.
8. Друккер П.Ф., 2006. Задача менеджмента в XXI веке. Пер. с англ.: М. Изд. Дом Вильямс, 2006: 272.
9. Игонина Л.Л., 2012. Теории экономических циклов и современные финансовые кризисы. Бюлетень Міжнародного Нобелівського економічного форуму. 2012. № 1 (5). Том 1: 200-208.
10. Иохин В.Я., 2006. Экономическая теория. М.: Экономист, 2006: 861.
11. Иванов С.В., 2011. Теоретические основы формирования экономики знаний. Социально-экономические явления и процессы. 2011. №8 (030): 85-91.
12. Иванов М.Е., 2021. Современный взгляд на трактовку дефиниции «финансовая архитектура» URL: <http://topknowledge.ru/obshchaya-teoriya-finansov/4115-sovremennyy-vzglyad-na-traktovku-definititsii-finansovaya-arkhitektura.html>. (дата обращения: 08.08.2021).
13. Казахстанские банки столкнутся с новыми угрозами URL: https://forbes.kz/process/kazahstanskije_banki_stolknutsya_s_novyimi_ugrozami/. (дата обращения: 08.08.2021).
14. Кейнс Дж., 1993. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Экономист, 1993.
15. Кондратов Д.И. Актуальные подходы к реформированию мировой валютной системы URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-podhody-k-reformirovaniyu-mirovoy-valyutnoy-sistemy>. (дата обращения: 08.08.2021).
16. Королев И.С. Финансовые проблемы США и их влияние на глобальные процессы в валютной сфере. Деньги и кредит. 2011. №6.
17. Меликов Ю.И., 2021. Антикризисный потенциал кредита URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikrizisnyy-potentsial-kredita>. (дата обращения: 08.08.2021).
18. Назарбаев Н., 2009. Ключи от кризиса Российская газета. Центральный выпуск №

4839 от 2 февраля 2009 г. URL: <https://www.zakon.kz/132310-kljuchi-ot-krizisa-n.nazarbaev.html>. (дата обращения: 08.08.2021).

19. Назарбаев Н., 2009. Пятый путь. Известия. М., 22.09.2009.

20. Особенности национального банкинга: банковский рынок России, Казахстана и Беларуси, 2020. URL: https://www.raexpert.ru/researches/banks/banking_market_2020. (дата обращения: 08.08.2021).

21. ОТЧЕТ Национального Банка Республики Казахстан за 2019 год. URL: https://m.nationalbank.kz/cont/%D0%93%D0%9E%20_%202019-%D1%80%D1%83%D1%811.pdf. (дата обращения: 08.08.2021).

22. Сидорова Е.Е., 2021. Мировая валютная система: дорога стабилизации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovaya-valyutnaya-sistema-doroga-stabilizatsii>. (дата обращения: 08.08.2021).

23. Солоу Р.М., 2000. Экономическая теория ресурсов или ресурсы экономической теории // Вехи экономической мысли. Т.3. Рынки факторов производства / Под общ. ред. В. М. Гальперина. – СПб: Экономическая школа. 2000.

24. Сулейменов И.Э., Габриелян О.А., Пак И.Т., Панченко С.В., Мун Г.А., 2016. Инновационные сценарии в постиндустриальном обществе. Алматы – Симферополь, 2016: 202.

25. Талимова Л.А., 2012. Финансово-экономический механизм инновационного развития экономики Казахстана. Казахстан: Караганда, 2012: 375.

26. Турекулова Д.М., 2015. Развитие инновационной деятельности Казахстана в современных условиях. Доклады Национальной академии наук Республики Казахстан. 2015. №5: 212-216.

27. Финансовая архитектура посткризисного мира: эффективность решений. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/7777712/>. (дата обращения: 08.08.2021).

28. Янковский К.П., 2008. Инвестиции. СПб.: Питер, 2008.

29. Цветков В.А., 2013. Циклы и кризисы: теоретико-методологический аспект. СПб.: Нестор-История, 2013: 504.

30. Шумпетер Й., 2021. Теория экономического развития URL: shumpeter.y.a._

_teoriya_ekonomicheskogo_razvitiya_m_progress_1982.djvu (дата обращения: 08.08.2021).

31. Хмыз О.В., 2010. Место институциональных инвесторов в меняющейся мировой финансовой архитектуре. Финансы. 2010, № 6: 67.

32. Rajan R., Kiran J. Will the Greenback Remain the World's Reserve Currency? *Intereconomics*. 2006. Vol. 41. № 3. P. 124–141. URL:

<https://www.econstor.eu/bitstream/10419/41904/1/51365657X.pdf>. (дата обращения: 08.08.2021).

33. Germain R. (2000). Reforming the international financial architecture the political agenda. — Cardiff University of Wales Press, 2000.

34. International Financial Architecture: A progress report information note by World Bank Staff, July 12, 2005 // <http://www.worldbank.org/ifa>. (дата обращения: 08.08.2021).

References

1. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan No. 65 dated March 16, 2006 "On measures to further improve the competitiveness of the national economy within the framework of the industrial and innovation policy of the Republic of Kazakhstan". URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30048583

2. Ageeva E.G. (2021). Conceptual foundations for the formation of a proactive countercyclical policy. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-formirovaniya-uprezhdayuschey-antitsiklicheskoj-politiki-gosudarstva>. (Accessed 08 August 2021). (in Russian)

3. Azbergenova R.B., (2017). Innovative development of the economy of Kazakhstan in the context of global competition. *Bulletin of KazNPU*. 2017.

4. Afontsev S.A., (2011). The global crisis and the regulation of global finance. *International processes*. 2011. Vol. 9. № 1 (25): 17-31. URL: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/595/Afontsev-19.pdf>. (Accessed 08 August 2021).

5. Aubakirova G.M. (2013). Strategic priorities of innovative development of the post-industrial economy (on the example of the Republic of Kazakhstan). *Problems of forecasting*. 2013. №5: 102-116.

6. Bykov A.P., Goncharova M.V., (2008). The content and principles of the financial archi-

- ture of the modern banking system in the framework of institutional theory. Finance and credit. 2008. No. 7 (295). pp. 10-16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-printsipy-finansovoy-arhitektury-sovremennoy-bankovskoy-sistemy-v-ramkah-institutsionalnoy-teorii>. (Accessed 08 August 2021).
7. Vovchenko N.G. (2006). Institutional transformations of the Russian financial system in the context of globalization. Rostov-on-Don: RSEU RINH, 2006.
8. Drukker P. F. (2006). The task of management in the XXI century. Translated from English: M. Ed. Williams House, 2006: 272.
9. Igonina L. L. (2012). Theories of economic cycles and modern financial crises. The bulletin of the National Nobel Economic Forum. 2012. No. 1 (5). Volume 1: 200-208.
10. Iokhin V. Ya. (2006). Economic theory. Moscow: Ekonomist, 2006: 861.
11. Ivanov S. V. (2011). Theoretical foundations of the formation of the knowledge economy. Socio-economic phenomena and processes. 2011. №8 (030): 85-91.
12. Ivanov M. E. (2021). A modern view on the interpretation of the definition of "financial architecture" URL: <http://topknowledge.ru/obshchaya-teoriya-finansov/4115-sovremennyj-vzglyad-na-traktovku-definitsii-finansovaya-arkhitektura.html>. (Accessed 08 August 2021).
13. Kazakh banks will face new threats URL: https://forbes.kz/process/kazahstanskie_banki_stol_knutsya_s_novyimi_ugrozami/. (Accessed 08 August 2021).
14. Keynes J. (1993). The general theory of employment, interest and money. Moscow: Ekonomist, 1993.
15. Kondratov D.I. (2021). Actual approaches to the reform of the world monetary system URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-podhody-k-reformirovaniyu-mirovoy-valyutnoy-sistemy>. (Accessed 08 August 2021).
16. Korolev I.S. 2011. Financial problems of the United States and their impact on global processes in the currency sphere. Money and credit. 2011. No. 6.
17. Melikov Yu.I. (2021). Anti-crisis potential of the loan URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikrizisnyy-potencial-kredita>. (Accessed 08 August 2021).
18. Nazarbayev N. (2009). Keys to the crisis Russian newspaper. Central Issue No. 4839 of February 2, 2009 URL: <https://www.zakon.kz/132310-kljuchi-ot-krizisa-n.nazarbaev.html>. (Accessed 08 August 2021).
19. Nazarbayev N., (2009). The fifth way. Izvestia. M., 22.09.2009.
20. Features of national banking: the banking market of Russia, Kazakhstan and Belarus, 2020. URL: https://www.raexpert.ru/researches/banks/banking_market_2020. (Accessed 08 August 2021).
21. REPORT of the National Bank of the Republic of Kazakhstan for (2019). URL: https://m.nationalbank.kz/cont/%D0%93%D0%9E%20_%202019-%D1%80%D1%83%D1%811.pdf. (Accessed 08 August 2021).
22. Sidorova E.E., (2021). The world monetary system: the road to stabilization. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovaya-valyutnaya-sistema-doroga-stabilizatsii>. (Accessed 08 August 2021).
23. Solou P.M., (2000). Economic theory of resources or resources of economic theory// Milestones of economic thought. Vol. 3. Markets of factors of production/ Under the general ed. of V. M. Galperin. – St. Petersburg: Economic School. 2000.
24. Suleimenov I.E., Gabrielyan O.A., Pak I.T., Panchenko S.V., Moon G.A., (2016). Innovative scenarios in a post-industrial society. Almaty-Simferopol, 2016: 202.
25. Talimova L. A. (2012). Financial and economic mechanism of innovative development of the economy of Kazakhstan. Kazakhstan: Karaganda, 2012: 375.
26. Turekulova D.M. (2015). Development of innovative activity of Kazakhstan in modern conditions. Reports of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. 2015. №5: 212-216.
27. The financial architecture of the post-crisis world: the effectiveness of solutions. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/7777712/>. (date of reference: 08.08.2021).
28. Yankovsky K. P. (2008). Investments. St. Petersburg: Peter, 2008.
29. Tsvetkov V. A. (2013). Cycles and crises: a theoretical and methodological aspect". St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013: 504.
30. Schumpeter J., 2021. Theory of economic development URL: shumpeter_ya._

_teoriya_ekonomicheskogo_razvitiya._m.
_progress_1982.djvu (accessed: 08.08.2021).

31. Khmyz O.V. (2010). The place of institutional investors in the changing global financial architecture. Finance. 2010., № 6: 67.

35. Rajan R., Kiran J. (2006). Will the Greenback Remain the World's Reserve Currency? Intereconomics. 2006. Vol. 41. № 3. P. 124–141. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/41904/1/51365657X.pdf>. (дата обращения: 08.08.2021).

36. Germain R. (2000). Reforming the international financial architecture the political agenda. — Cardiff University of Wales Press, 2000.

37. International Financial Architecture: A progress report information note by World Bank Staff, July 12, 2005 //http:www. worldbank.org/ifa. (дата обращения: 08.08.2021).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Талимова Лязат Азимовна, д.э.н., профессор, Карагандинский Университет Казпотребсоюза, (г. Караганда, Республика Казахстан)

Lyazat A. Talimova, Doctor of Economics, Professor, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, (Karaganda, Republic of Kazakhstan)

УДК 336.71

DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-9

Быканова Н.И.,
Гордя Д.В.

**ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ДЕТСКОГО БАНКИНГА
КАК ПЕРСПЕКТИВНОГО СЕГМЕНТА ЦИФРОВОГО
БАНКОВСКОГО БИЗНЕСА В РОССИИ**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия

e-mail: bykanova@bsu.edu.ru, gordya@bsu.edu.ru

Аннотация

Происходящие изменения в обществе, вызванные ускорением процессов цифровизации, оказывают все большее влияние на способность населения к освоению новых цифровых продуктов и на повышение общего уровня финансовой грамотности, начиная с самого раннего возраста. Данные процессы выступают драйвером для роста интереса к детскому банкингу в ближайшем будущем.

В статье дано определение детского банкинга, а также выделены перспективные направления развития детского банкинга в России, которые включают выпуск детских банковских карт со специальными условиями обслуживания, а также разработку особых мобильных приложений для детей с элементами обучения финансовой грамотности и возможностью контроля трат со стороны родителей. Авторами систематизированы и изучены условия выпуска и обслуживания детских (с 6 лет) и молодежных (с 14 лет) банковских карт среди банков-лидеров по данным сегментам: Сбербанк, Тинькофф Банк, Почта Банк, Альфа-Банк, Совкомбанк., определены возможности предлагаемых на рынке банковских приложений для детей.

Особое внимание в работе уделено выявлению преимуществ детского банкинга со стороны всех вовлеченных сторон, включая клиентов-детей, их родителей и самих банковских учреждений. Однако, стоит отметить, что несмотря на всю проделанную работу в данном направлении, активному развитию данного сегмента в настоящее время препятствует ряд факторов. Это, в первую очередь, неготовность некоторых банков вкладывать большие объемы ресурсов при неочевидном результате, поскольку эффект от таких вложений значительно отложен во времени. Кроме того, некоторые вопросы взаимодействия банков и клиентов-детей на данном этапе требуют уточнения в законодательстве.

Ключевые слова: цифровизация, детский банкинг, интернет-банкинг, банковские карты, банковское приложение, финансовая грамотность.

Информация для цитирования: Быканова Н.И., Гордя Д.В. Векторы развития детского банкинга как перспективного сегмента цифрового банковского бизнеса в России // Научный результат. Экономические исследования. 2021. Т.7. № 3. С. 103-114. DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-9

Natalia I. Bykanova,
Daria V. Gordya

**VECTORS OF DEVELOPMENT OF KIDS BANKING
AS A PROSPECTIVE SEGMENT OF DIGITAL BANKING
BUSINESS IN RUSSIA**

Belgorod State National Research University
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

e-mail: bykanova@bsu.edu.ru, gordya@bsu.edu.ru

Abstract

The ongoing changes in society, caused by the acceleration of the digitization processes, are having an increasing impact on the population's ability to absorb new digital products and on the overall level of financial literacy from the earliest age. These processes act as a driver for the growth of interest in kids banking in the near future.

The article provides a definition of kids banking and identifies promising areas for the development of kids banking in Russia, which include the production of kids bank cards with special conditions of service, as well as the development of special mobile applications for children with financial literacy elements and the ability for parents to control children's external spending. The authors have systematized and studied the conditions for issuing and servicing kids (from 6 years old) and youth (from 14 years old) bank cards among leading banks in these segments: Sberbank, Tinkoff Bank, Post Bank, Alfa-Bank, Sovcombank, opportunities offered on the market of banking applications for children are determined.

Particular attention is paid to identifying the benefits of kids banking from the perspective of all parties involved, including child clients, their parents and the banking institutions themselves. However, it should be noted that despite all the work done in this direction, a number of factors are currently hindering the active development of this segment. This is, first of all, the unwillingness of some banks to invest large amounts of resources with an unobvious result, since the effect of such investments is significantly delayed in time. In addition, some issues of interaction between banks and child clients at this stage require clarification in the legislation.

Key words: digitalization; kids banking; Internet banking; bank cards; banking application; financial literacy

Information for citation: Bykanova N.I., Gordya D.V. "Vectors of development of kids banking as a prospective segment of the digital banking business in Russia", *Research Result. Economic Research*, 7(3), 103-114, DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-9

Введение

Развитие электронной коммерции, высокая конкуренция на банковском рынке, а также пандемия коронавируса COVID-19 в 2020-2021 гг. ускорили процессы цифровизации и адаптации общества к новой технологической реальности, что позволяет как банкам, так и клиентам

быстрее приспосабливаться к освоению цифровых продуктов.

Современные дети и подростки растут и развиваются вместе с новыми технологиями и гораздо проще адаптируются к постоянным изменениям, чем представители старшего поколения. Наибольшую долю пользователей интернет-услуг эксперты определяют именно в молодежной

среде [Быканова Н.И., Потапова А.В., Гордя Д.В., 2020].

Кроме того, для современных российских детей характерна ранняя экономическая социализация. Уже в дошкольном возрасте у детей появляются первые карманные деньги, которые они могут тратить по своему усмотрению. Дети со школьного возраста начинают пользоваться электронными кошельками и делают самостоятельные покупки онлайн. Дети легко адаптируются к электронным деньгам, что открывает возможности для банков знакомить детей с финансовыми сервисами задолго до того, как они станут получать свою первую заработную плату [Бычкова Ю., 2018].

В связи с этим работа с детьми и подростками является одним из весьма перспективных направлений развития банковского бизнеса в России. Для банков дети представляют собой достаточно большую клиентскую базу как в связке с родителями, так и сами по себе. Кроме того, банкам интересен этот рынок, поскольку таким образом они начинают добиваться лояльности своих будущих клиентов еще до их совершеннолетия.

Основная часть

Детский банкинг принято рассматривать как дистанционное банковское обслуживание, позволяющее ребенку использовать определенный пакет банковских услуг, на основании договора между банком и одним из родителей ребенка [Уймина Д.А., Серебренникова А.И., 2016].

Другими словами, это: 1) деятельность банка по оказанию услуг, выгодоприобретателями по которым являются дети; 2) деятельность банка по оказанию услуг, непосредственными потребителями которых являются дети; 3) банковская деятельность, управление которой осуществляют дети [Коробов Ю.И., Фомичева О.Е., 2013].

Современные банки предлагают отдельные продукты для детей – карты,

накопительные и сберегательные счета, вклады. Банковские карты постепенно занимают место наличных карманных денег. Именно карты представляют собой тот самый продукт, конечным пользователем которого является сам ребенок. Согласно Гражданскому кодексу, дети имеют право совершать мелкие бытовые покупки с 6 лет – именно с этого возраста на ребенка можно открыть банковскую карту. С 6 до 14 лет дети могут пользоваться только дополнительными дебетовыми картами, привязанными к основной карте одного из родителей. По такой детской карте родители могут устанавливать ежемесячные и ежедневные лимиты, в некоторых банках можно также установить ограничение на определенный вид операций (например, запретить переводы для пополнения счетов онлайн-игр).

Централизованный учет детского «пластика» как самостоятельного продукта, по информации Банка России, в России не ведется, но представители банков утверждают, что спрос на детские банковские карты ежегодно растет. Согласно данным Росстата, численность постоянного населения России по состоянию на январь 2020 года составляет более 146 миллионов, в том числе детей в возрасте до 15 лет – 22 миллиона. Если принять во внимание, что с 16 лет обычно уже можно иметь банковскую карту, то потенциальное количество держателей карт в России составляет 124 миллиона человек [Почему 11% россиян ..., 2020]. Для привлечения новых клиентов из этого сегмента банки расширяют функционал карт, создают мультимедийные приложения и снижают минимальный возраст держателя карты. Учитывая, что число потенциальных клиентов довольно велико, а сам «детский» сегмент освоен мало, у продуктов для несовершеннолетнего хорошего потенциала для роста и развития, уверены эксперты и сами банкиры.

Тинькофф Банк регулярно анализирует структуру и расходы детских и подростковых карт. В 2020 г. выяснилось, что

детские карты оформляют в возрасте от 7 до 18 лет, при этом средний возраст клиента-junior – 11 лет. Большая часть (63%) держателей подростковых карт – это подростки в возрасте от 10 до 15 лет. Такой высокий процент объясняется тем, что многие молодые люди после достижения 15 лет начинают подключаться к взросло-

му банкингу. На долю ребят более младшего возраста (8-9 лет) приходится 15%, на клиентов в возрасте 15-18 лет – 13% [Мальчики копят, а девочки тратят, 2021]. Путь клиента банка и продукты, которыми он чаще всего пользуется на протяжении всей жизни представлен на рис. 1.

Рис. 1. Путь клиента банка и продукты, которыми он чаще всего пользуется на протяжении всей жизни [Шечкова Т., 2018]

Fig.1. The customer journey in banking and the products customers use most throughout their lives [T. Shechkova, 2018]

Если говорить о российском банкинге для детей и подростков, то здесь можно выделить два основных перспективных направления развития:

- 1) выпуск детских банковских карт;
- 2) развитие детских онлайн-сервисов и мобильных приложений с возможностью контроля расходов со стороны родителей и элементами обучения финансовой грамотности.

Карты для детей от 6 лет сейчас выпускают большинство банков, в том числе: Сбербанк, Альфа-Банк, Райффайзенбанк, Почта Банк, Тинькофф Банк, Русский

Стандарт, Совкомбанк, Восточный, Ак Барс, Всероссийский банк развития регионов и др. Карты становятся обязательной частью продуктовой линейки, а банки получают доступ к новой аудитории. Frank RG оценивает потенциал рынка детских карт в 10,1 млн клиентов [Игры, котик и деньги, 2019]. К ним относятся дети в возрасте 6-21 лет, живущие в городах и имеющие достаточно карманных денег, чтобы завести карту. В табл. 1 представлены условия выпуска и обслуживания банковских карт для детей и подростков банков-лидеров в развитии данного сегмента.

Условия выпуска и обслуживания детских и молодежных банковских карт

Таблица 1

Table 1

Terms of issue and service of kids and youth bank cards

Банк-эмитент	Возраст пользователей	Стоимость открытия и обслуживания	Условия снятия наличных	Способ и сроки оформления	Возможности и бонусы	Недостатки
Сбербанк	СберKids: 7-14 лет	бесплатно	в банкоматах Сбербанка	- в приложении Сбербанк Онлайн или СберKids - моментально	баллы Спасибо за все покупки, счеткопилки, установка ограничений на траты, контроль расходов, мобильное приложение	- нет пластиковой версии; - управление только в мобильном приложении
	Молодежная карта: 14-25 лет	Открытие бесплатно, ежегодное обслуживание 150 руб.; при использовании карты как стипендиальной или зарплатной либо при условии трат от 5 тыс. руб./мес. – бесплатно	в банкоматах Сбербанка	- в отделении банка или через приложение - виртуальная карта: моментально, карта на физическом носителе: 2-20 дней (в зависимости от региона)	- баллы Спасибо до 5% в категориях на выбор: транспорт, супермаркеты, кафе и рестораны; - 5% на кафе и рестораны при условии ежемесячных трат от 20 тыс. руб. или остатку по счету свыше 40 тыс. руб./мес.; - годовая подписка «СберПрайм» на сервисы экосистемы Сбербанка (доставка еды «DeliveryClub», такси «Ситимобил», доставка продуктов «Самокат», онлайн-кинотеатр «Окко», стриминговый сервис «СберЗвук» и др.) за 1 руб. - участие в специальных акциях и бонусных предложениях, ориентированных на молодежь; - поддержка ApplePay, SamsungPay и GooglePay.	- платное обслуживание - сниженный кэшбек по сравнению с предложениями банка для других сегментов

Банк-эмитент	Возраст пользователей	Стоимость открытия и обслуживания	Условия снятия наличных	Способ и сроки оформления	Возможности и бонусы	Недостатки
Почта Банк	Почта Банк Младший: 8-14 лет	бесплатно	не предусмотрено	- онлайн через мобильное приложение - в течение дня	установка ограничений на траты, контроль расходов, поддержка SamsungPay и GooglePay, мобильное приложение	- нет пластиковой версии; - отсутствуют бонусы за покупки; - управление только в мобильном приложении
	Пушкинская карта: 14-22 лет	бесплатно	бесплатно	- онлайн через приложение Госуслуги.Культура (необходима подтвержденная учетная запись ЕПГУ) или в отделении банка - моментально	- покупка билетов в учреждения культуры на средства из федерального бюджета; - номинал карты: 3 тыс. руб. 2021 г., лимиты на следующие годы устанавливаются решением Правительства РФ; - управление через мобильное приложение	- специализированная карта для оплаты только в учреждениях культуры, другие операции недоступны; - отсутствует возможность пополнения баланса или доплаты из собственных средств, траты возможны только в рамках установленного годового номинала, неиспользованные в течение года средства «сгорают»

Банк-эмитент	Возраст пользователей	Стоимость открытия и обслуживания	Условия снятия наличных	Способ и сроки оформления	Возможности и бонусы	Недостатки
Тинькофф Банк	Tinkoff Junior: 6-14 лет	бесплатно, обслуживание включено в стоимость родительской карты	в банкоматах Тинькофф и др. банках	- онлайн с выездом специалиста - 1-3 дня	- установка ограничений на траты, контроль расходов; - кэшбэк 2% за оплату в интернет-магазинах, 1% за прочие покупки, до 30% – по спецпредложениям в приложении; - годовой доход 4% по счету-копилке; - бесконтактная оплата PayPass, поддержка ApplePay, SamsungPay и GooglePay	- управление только в мобильном приложении
Альфа-Банк	Детская карта: 7-18 лет	бесплатно	в банкоматах Альфа-Банка и партнеров	- в отделении банка - 1-4 дней	- контроль расходов, установка ограничений на траты, блокировка и разблокировка карты; - кэшбек до 5% за покупки в кафе и ресторанах, максимум 2 тыс. руб.; - уникальный дизайн карты бесплатно (изначально карта выглядит как чистый лист, ребенок выбирает наклейки из комплекта и украшает ими карту по собственному желанию); - поддержка Apple Pay, Samsung Pay и Google Pay.	- платное обслуживание; - переводы с карты на карту ограничены; - отсутствует отдельное мобильное приложение для детей (контент приложения для взрослых не ориентирован на детей, спектр доступных действий сильно ограничен).
Совкомбанк	Халвенок: 6-17 лет	бесплатно	в банкоматах Совкомбанка и партнеров	- в отделении банка - 1-2 дня	установка ограничений на траты, контроль расходов, кэшбэк до 6% при оплате смартфоном у партнеров, до 5% на остаток по счету	- сложные условия начисления кэшбэка

Анализируя данные таблицы, отдельно стоит отметить, что мало какие из представленных банков выделяют в самостоятельный «молодежный» сегмент клиентов подростков от 14 до 18 лет, в основном банки работают с такими клиентами на общих основаниях, предлагая дебетовые карты на таких же условиях, как и для своих совершеннолетних клиентов. Исключением является Молодежная карта Сбербанка, ориентированная на молодых людей от 14 до 25 лет, которая предлагает особые тарифы и специальные предложения для данного сегмента клиентов, а также Пушкинская карта Почта Банка, которая выпускается в рамках программы популяризации культурных мероприятий среди молодежи и предоставляет возможность покупки билетов в федеральные, региональные и частные учреждения культуры (театры, музеи, концертные организации, библиотеки) на средства из федерального бюджета.

Что касается карт для «самых маленьких», условия выпуска и обслуживания таких карт очень схожи вне зависимости от банка-эмитента. Такие карты, как правило, обходятся для родителей бесплатно: стоимость выпуска и обслуживания составляет 0 руб. Банки, обычно оформляют детям дополнительные карты к счету родителей, но некоторые, например, Сбербанк, открывают счет на имя ребенка и выдают детям именные карты. Родители платят обслуживание по собственной карте, к счету которой привязана дополнительная карта. Детские карты могут быть либо на физическом носителе, либо виртуальными. Родители, как правило, имеют возможность устанавливать по ним лимиты, переводить детям деньги на карманные расходы, блокировать карты, а некоторые банки, например, Совкомбанк и Альфа-Банк, помимо всего прочего, начисляют кешбэк, Сбербанк – бонусы Спасибо. Тинькофф и Совкомбанк предлагают возможность клиентам-родителям узнать, где находится их ребенок – приложения передают координаты ребенка.

Детские карты зачастую отличаются от карт обычных клиентов внешним видом. Для детей дизайн часто становится определяющим фактором при выборе карты. Так, карты с «детским» дизайном есть у Совкомбанка и Альфа-Банка. Тинькофф Банк объединяется с популярными брендами, интересными для детей и подростков, и выпускает карты Tinkoff Junior в уникальном дизайне, например – с персонажами мультфильма «Как приручить дракона» и «Энгри Бердс». Детская карта от Сбербанка выпускается только в виртуальном формате, однако для детей существует возможность изменить дизайн мобильного приложения.

Отдельные мобильные приложения для детей есть у 4 банков: у Сбербанка (СберKids), Почта Банка (Почта Банк Младший), Совкомбанка (Халвенюк) и Тинькофф Банка (Tinkoff Junior). Приложения для детей похожи на приложения для взрослых клиентов – в них можно увидеть информацию о тратах, совершать переводы, а также устанавливать цели и копить деньги на отдельном счете-копилке.

В целях повышения вовлеченности юных клиентов банки добавляют в свои мобильные приложения элементы геймификации. Например, юные клиенты Тинькофф Банка могут получать задания от родителей с денежным вознаграждением – сделать уборку, полить растения, выпить витамины и т.д. Кроме того, Тинькофф Банк и Сбербанк предлагают детям Истории – короткие публикации в фото- и видео-формате, простом и понятном для детей. Подбором контента, который будет интересен для детей, занимается специальная редакция. Истории посвящены не только финансовой грамотности, присутствует также образовательно-развлекательный контент – рекомендации фильмов и книг, интересные новости со всего мира и т.п.

Стоит отметить, что Сбербанк в целом уделяет значительное внимание развитию финансовой грамотности юных клиентов, чтобы дети и подростки сами лучше

разбирались, как обращаться с деньгами и как не попасться мошенникам. Данный функционал реализуется не только через приложение СберKids. Основной канал – это чат-бот и группа «СберКот» в социальной сети «ВКонтакте» с аудиторией порядка 4 млн человек, где основную часть аудитории составляют подростки до 17 лет. Там «СберКот» раскрывает для своих подписчиков сложные финансовые вопросы простым и понятным молодежи языком, чат-бот группы осуществляет рассылку советов по финансам, рассказывает о том, как зарабатывать и экономить, разыгрывает призы, дарит стикеры и промокоды.

В приложении Почта Банк Младший «живет» виртуальный герой-помощник Пибот, с которым дети с большим удовольствием общаются и задают ему разные вопросы. Виртуальный ассистент отвечает

самостоятельно только на самые простые вопросы, и зачастую к общению подключается сотрудник банка. Принципиальным отличием Почта Банк Младший от других банковских приложений для детей является партнерство Почта Банка и детского города профессий КидсСити. Дети с помощью приложения могут добавить в смартфон уже существующую карту посетителя города или выпустить новую там же и использовать смартфон для входа и расчетов на игровых площадках – подобно тому, как взрослые используют бесконтактные сервисы для оплаты товаров и услуг.

Кратко резюмируя все вышеизложенное, можно выделить преимущества детского банкинга со стороны всех вовлеченных сторон: клиентов (как детей, так и их родителей) и непосредственно банков (табл. 2).

Таблица 2

Основные преимущества детского банкинга со стороны продавцов и потребителей банковских услуг

Table 2

The main advantages of kids banking from the perspective of sellers and consumers of banking services

Детям – польза	Родителям – удобство	Банкам – выгода
Формирование ответственности, самостоятельности у ребенка. Дети чувствуют себя взрослыми и модными.	Возможность контролировать расходы ребенка.	Долгосрочное направление развития: клиент с детства пользуется услугами, привыкает к бренду и не видит необходимости уходить к конкурентам.
Удобство, поскольку не надо считать сдачу в магазине и носить мелочь в кармане. Безопасность, поскольку невозможно потерять деньги или стать жертвой вымогателей и воров – карту немедленно заблокируют.	Возможность привить юному поколению финансовую грамотность. Во всех детских приложениях есть элемент обучения [6]. Ребенок учится распоряжаться бюджетом, откладывать на покупки и зарабатывать настоящие деньги. Но есть и дополнительные образовательные элементы – стори. Это мини-рассказы на интересные детям темы.	Скрытая реклама продукта перед сверстниками, возможно, друзья захотят точно такую же карту и попросят родителей оформить счет.
Особый яркий дизайн, возможность пользования как пластиковой картой, так и виртуальной		
Оплата товаров и услуг в онлайн и оффлайн-магазинах, интернете		
Выполнение заданий, которые позволят повысить финансовую грамотность ребенка и научить его управлять финансами в игровой форме.		

Заключение

Что касается перспектив развития детских онлайн-сервисов и мобильных приложений, то здесь ключевым аспектом становится повышение финансовой грамотности детей и подростков. Необходимость повышения финансовой грамотности молодежи является важнейшим приоритетом государственной политики. В этом направлении реализуется множество проектов, разработанных по заказу Министерства финансов (например, игры «Финзнайка» и «Монетки»). С 2022 г. преподавание финансовой грамотности в школах станет обязательным – введение таких уроков закреплено в новых государственных стандартах начального и основного образования.

В связи с этим, в обозримом будущем детский банкинг может стать еще более популярной и востребованной сферой. В сложившейся ситуации для банков главное – успеть вовремя подхватить новый тренд. Те кредитно-финансовые организации, которые целенаправленно занимаются детским банкингом, уделяют большое внимание финансовому обучению несовершеннолетних, поскольку работа с детьми – это отличная возможность подготовить себе лояльного, добросовестного, готового нести ответственность и полностью отдающего отчет своим действиям с личными финансами клиента в будущем.

Однако нужно понимать, что, несмотря на растущую популярность детского банкинга, не все российские банки готовы работать в данном направлении, и этому препятствует ряд факторов. В первую очередь, подобные разработки требуют вложения больших ресурсов. Детские продукты весьма сложны в реализации и наполнении, при этом, к сожалению, не всем очевиден долгосрочный маркетинговый и репутационный эффект таких продуктов. Кроме того, многие вопросы детского и подросткового банкинга не урегулированы законодательством. К примеру,

действующее законодательство дает возможность открывать подросткам старше 14 лет банковские карты, но при этом не регулирует вопросы взаимодействия банка с такими клиентами. Количество банковских карт для детей/подростков будет только расти, а значит, и вопросы взаимодействия участников требуют уточнений.

Список литературы

1. Быканова Н.И., Потапова А.В., Гордя Д.В., 2020. Интернет-банкинг как вид сетевых финансовых отношений // Экономика и предпринимательство. 2020. № 12 (125): 327-331.
2. Захарова А.А., 2017. Детский банкинг как вектор развития банковской деятельности // Инновационные технологии в науке нового времени: сборник статей Международной научно-практической конференции (1 февраля 2017 г., г. Уфа). В 3 ч. Ч.1. / Уфа: АЭТЕРНА, 2017: 75-77.
3. Коробов Ю.И., Фомичева О.Е., 2013. Сущность и роль детского банкинга // Наука и общество. №6 (15). 2013: 121-127.
4. Уймина Д.А., Серебренникова А.И., 2016. К вопросу о развитии детского банкинга в России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. №3 (13). 2016: 102-107.
5. Бычкова Ю., 2018. Цифровые дети. Будущее здесь и сейчас [Электронный ресурс] // Ipsos Comcon. 2018. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2018-11/bycenko_cifrovye_deti_web_0.pdf (дата обращения: 11.08.2021).
6. Зачем детям, родителям и банкам нужен детский банкинг [Электронный ресурс] // VC. 2020. URL: <https://vc.ru/finance/184108-zachem-detyam-roditelyam-i-bankam-nuzhen-detskiy-banking> (дата обращения: 11.08.2021)
7. Игры, котики и деньги: какие банки оформляют карты детям [Электронный ресурс] // Frank RG. 2019. URL: <https://frankrg.com/8640> (дата обращения: 11.08.2021).
8. Мальчики копят, а девочки тратят: как российские дети пользуются банковскими картами [Электронный ресурс] // Официальный сайт Тинькофф Банк. 2021. URL: <https://www.tinkoff.ru/about/news/24032021->

boys-save-and-girls-spend-how-russian-children-use-bank-cards/ (дата обращения: 11.08.2021).

9. Почему 11% россиян до сих пор не пользуются банковскими картами? Рассказывают эксперты [Электронный ресурс] // Информационно-аналитическое банковское издание «Банки сегодня». 2020. URL: <https://bankstoday.net/last-articles/pochemu-11-rossiyan-do-sih-por-ne-polzuyutsya-bankovskimi-kartami-rasskazyvayut-eksperty> (дата обращения: 11.08.2021)

10. Шечкова Т., 2018. Путь клиента банка от рождения до пенсии [Электронный ресурс] // Ipsos Comcon. 2018. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2019-01/shechkova_finansy.pdf (дата обращения: 11.08.2021)

11. Fliginskih T.N., Vaganova O.V., Solovjeva N.E., Bykanova N.I., Ragheed Y., Usatova L.V., (2020). The impact of e-banking on performance of banks: Evidence from Russia // Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems. №12 (S4). 2020: 231-239.

References

1. Bykanova N. I., Potapova A.V., Gordya D. V. (2020). Internet banking as a type of network financial relations // Economics and entrepreneurship. 2020. № 12 (125): 327-331. (in Russian)

2. Zakharova A. A. (2017). Children's banking as a vector of banking activity development // Innovative technologies in the science of modern times: a collection of articles of the International scientific and practical Conference (February 1, 2017, Ufa). At 3 h. h. 1. / Ufa: AETERNA, 2017: 75-77. (in Russian)

3. Korobov Yu. I., Fomicheva O. E. (2013). The essence and role of children's banking // Science and Society. №6 (15). 2013: 121-127. (in Russian)

4. Uymina D. A., Serebrennikova A. I. (2016). On the issue of the development of children's banking in Russia // Innovative economy: prospects for development and improvement. №3 (13). 2016: 102-107. (in Russian)

5. Bychkova Yu. (2018). Digital children. The future is here and now [Electronic resource] // Ipsos Comcon. 2018. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2018->

11/bycenko_cifrovye_deti_web_0.pdf (accessed: 11.08.2021). (in Russian)

6. Why do children, parents and banks need children's banking [Electronic resource] // VC. 2020. URL: <https://vc.ru/finance/184108-zachem-detyam-roditelyam-i-bankam-nuzhen-detskiy-banking> (accessed: 11.08.2021) (in Russian)

7. Games, cats and money: which banks issue cards to children [Electronic resource] // Frank RG. 2019. URL: <https://frankrg.com/8640> (accessed: 11.08.2021). (in Russian)

8. Boys save, and girls spend: how Russian children use bank cards [Electronic resource] // Official website of Tinkoff Bank. 2021. URL: <https://www.tinkoff.ru/about/news/24032021-boys-save-and-girls-spend-how-russian-children-use-bank-cards/> (accessed: 11.08.2021). (in Russian)

9. Why 11% of Russians still do not use bank cards? Experts tell [Electronic resource] // Information and analytical banking publication "Banks today". 2020. URL: <https://bankstoday.net/last-articles/pochemu-11-rossiyan-do-sih-por-ne-polzuyutsya-bankovskimi-kartami-rasskazyvayut-eksperty> (date of reference: 11.08.2021) (in Russian)

10. Shechkova T., (2018). The path of a bank client from birth to retirement [Electronic resource] // Ipsos Comcon. 2018. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2019-01/shechkova_finansy.pdf (accessed: 11.08.2021) (in Russian)

11. Fliginskih T.N., Vaganova O.V., Solovjeva N.E., Bykanova N.I., Ragheed Y., Usatova L.V., (2020). The impact of e-banking on performance of banks: Evidence from Russia // Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems. №12 (S4). 2020: 231-239.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Быканова Н.И., доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационной экономики и финансов Института экономики и управления, НИУ «БелГУ», (г. Белгород, Россия).

Natalia I. Vykanova, Associate Professor, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Innovation Economics and Finance, Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia).

Гордя Д.В., ассистент кафедры инновационной экономики и финансов Института экономики и управления, НИУ «БелГУ», (г. Белгород, Россия).

Daria V. Gordya, Assistance Lecturer of the Department of Innovation Economics and Finance, Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia).